ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

I

2017

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, ректор университета Сорбонны, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, Rector, Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mulfrid Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Геляева А.И., Гукепшоков М.Х., Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х., Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С., Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I., Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L., Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A., Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Карамурзов Б.С., Боров А.Х.
Северный Кавказ в историческом пространстве и времени **12-40**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

Derluguian G.M.
The forgotten complexities of the North Caucasus past **41-55**

Шеуджен Э.А.
Адыги (черкесы): проблемы исторической памяти **56-68**

Гордин Я.А.
Россия и Черкесия – трагедия бескомпромиссности **69-85**

Айларова С.А.
Культурно-хозяйственные идеи адыгских просветителей (первая половина XIX в.) **86-98**

Емтыль З.Я.
Некоторые актуальные аспекты исследования истории адыгской интеллигенции **99-107**

Дмитриев В.А.
Лес как культурообразующий фактор (по материалам культуры западных адыгов) **108-121**

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Аджиев А.М.
О создании свода «Фольклор народов Северного Кавказа» в контексте многообразия и единства культуры региона **122-133**

Чекалов П.К.
Сборник Керима Мхце «На грани осени и лета»: смысловые и формальные характеристики **134-153**

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

Гуня А.Н., Тенов Т.З., Чеченов А.М., Шогенов М.З.
Земельные конфликты в горных районах Северного Кавказа: акторы, ресурсы, институты **154-175**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Dumont G.-F.
Geopolitique et diversite des ethnies **176-193**

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Бабич И.Л.
Новые источники по истории кавказской диаспоры во Франции (1920-2010-е годы) **194-204**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Морозова Л.Е.
Мария Темрюковна – вторая жена Ивана Грозного **205-219**

Заболотная Л.П.
Екатерина черкешенка – жена господаря Василия Лупу. Судьба одной женщины в истории Молдовы **220-237**

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS

Karamurzov B.S., Borov A.H.
North Caucasus in historical space and time **12-40**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS

Derluguian G.M.
The forgotten complexities of the North Caucasus past **41-55**

Sheudzhen E.A.
Adyghes (circassians): the problems of historical memory **56-68**

Gordin Ya.A.
Russia and Circassia – the tragedy of uncompromising **69-85**

Aylarova S.A.
Cultural-economic ideas of the Adyghe enlighteners (first half of XIX century) **86-98**

Emtyl Z.Ya.
Some actual aspects of investigation of the history of Adyghe intelligentsia **99-107**

Dmitriev V.A.
Forest as a culture forming factor (on materials of culture of western Adyghes) **108-121**

LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Adzhiev A.M.
About creation of the choice collection «Folklore of the peoples of the North Caucasus» in the context of variety and unity of culture of the region **122-133**

Chekalov P.K.
A collection of Kerim Mhtse «On the verge of the autumn and summer»: semantic and formal features **134-153**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY AND ECONOMY

Gunya A.N., Tenov T.Z., Chechenov A.M., Shogenov M.Z.
The land conflicts in mountainous areas of the North Caucasus: actors, resources, institutes **154-175**

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Dumont G.-F.
Geopolitics and ethnic diversity **176-193**

DOCUMENTS AND MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE

Babich I.L.
New sources in the history of the caucasian diaspora in France (1920-2010s) **194-204**

HISTORICAL PORTRAITS

Morozova L.E.
Maria Temryukovna – the second wife of Ivan the Terrible **205-219**

Zabolotnaya L.P.
Catherine the Circassian – the wife of the hospodar Vasile Lupu. The destiny of one woman in the history of Moldova **220-237**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ[1]

Б.С. КАРАМУРЗОВ
А.Х. БОРОВ

На протяжении последней четверти века накоплен значительный массив публикаций по общим и частным вопросам северокавказской истории и современности. Все больше ощущается потребность в научной и общественной рефлексии относительно того обобщенного «образа» региона, который в них вырисовывается и тех концептуальных посылок, которые он так или иначе выражает. Подобная рефлексия полезна и тогда, когда речь идет о конкретно-исторических интерпретациях. Применительно же к случаю общих исторических построений, охватывающих всю траекторию становления каких-либо исторических субъектов (скажем современных народов Северного Кавказа), определение концептуальных рамок и принципов интерпретации, организации и представления обширного исторического материала становится предварительным условием решения поставленных задач.

Минимальный набор посылок, положенный в основу предлагаемой работы сводится к следующему. Во-первых, Северный Кавказ мыслится как целостный объект и самостоятельный субъект исторического процесса. При этом целостность не отменяет его внутренней сложности, но также не является простой суммой его составных частей, а самостоятельность не сводится к политическим коннотациям данного понятия. Политическая субъектность региона и его этносоциальных подразделений производна от их социокультурной субъектности. Во-вторых, реконструируя целостную историю региона, нельзя сосредоточиться только на его идентификации как устойчивой этнорегиональной систем или только на формах и модальностях социальных изменений [29]. Необходимо охватить и преемственность и разрывы в его историческом бытии, и глубину социальной памяти и масштабы исторического обновления местных обществ и культур. В-третьих, в контексте построения общих исторических интерпретаций в полной мере следует принять на вооружение мысль, высказанную в свое время Ф. Броделем: «Разве не следует доводить историческое объяснение до современности – так, чтобы эта встреча с сегодняшним днем его подтверждала и оправдывала»? [4] Речь здесь идет не о подчинении трактовок прошлого политической конъюнктуре сегодняшнего дня, а об экспликации социальных и мировоззренческих позиций исследователя и о том, что предметом интерпретации является не некий законченный

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

фрагмент прошлого, а весь путь становления данного субъекта текущей истории, которая также не завершена и открыта будущему.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть в едином ключе основные характеристики Северного Кавказа, представляемого одновременно и в качестве *социо-пространственной единицы* и в качестве *сложного социокультурного субъекта* процессов исторического и современного развития. Такой широкий подход может стать частью поиска рациональных оснований для национального согласия в познании прошлого и построении будущего страны и региона.

Материалом для осмысления послужил весь комплекс знаний о Северном Кавказе, почерпнутый авторами из литературы, из собственных изысканий, из наблюдений за текущими общественными процессам и личного опыта участия в общественно-политической жизни региона.

Поставленная цель и характер рассматриваемого материала, обусловили то, что в качестве основного эвристического средства в работе используется метод исторического синтеза. Синтез может достигаться различными путями. В данном случае авторы отказались от последовательной концептуальной проработки его аспектов и проблем, и попытались дать непосредственное «рамочное» представление Северного Кавказа в качестве пространственно-временной целостности, особой культурно-исторической единицы общероссийского и глобального социально-политического пространства.

1. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Социокультурный ландшафт региона

1.1.1. Северный Кавказ – горная страна? Кавказцы – горцы?

Кажется очевидным, что главное в географической характеристике региона Кавказа – это его ландшафт горной страны. Главный Кавказский хребет служит и основным маркером для выделения региона из окружающего географического пространства и отправным пунктом его внутреннего членения на Северный и Южный Кавказ.

Но даже с точки зрения физической географии значительные территории и Северного и Южного Кавказа представляют собой низменности. А с точки зрения географии этносоциальной даже в весьма далеком прошлом не все жители этой горной страны идентифицировались как «горцы». Для Южного Кавказа уже с древности важнее были цивилизационные и политические критерии идентичности. А сегодня никому не придет в голову назвать грузин, армян или азербайджанцев «горскими народами». Такое обозначение закрепилось в российской политической и культурной традиции за народами Северного Кавказа. Значит ли это, что они остаются «горцами» и сегодня? Ситуация существенно сложнее.

Еще в XVIII веке разворачивается процесс перемещения горцев на равнину. Он продолжился и после включения Северного Кавказа в состав Российской империи, приобрел значительную интенсивность и масштабы в советский период, и продолжился в постсоветское время. Уже в первой половине 1920-х годов число осетин, проживающих в горных районах

сократилось вдвое, переселилось на равнину 80% жителей горной Ингушетии, 64% карачаевцев. В 2000-х годах почти 3/4 населения Ингушетии проживает на 10% территории – в Сунженской долине и прилегающих участках, где плотность сельского населения превышает 600 человек/кв. км.. К концу советской эпохи доля «горных» чеченцев составляла только 12,5% населения республики. В Грозном и на равнинных территориях северной и центральной части Чечни сконцентрировано основное ее население. В общей сложности на пять районов Южной Чечни (Веденский, Итум-Калинский, Ножай-Юртовский, Шаройский и Шатоевский) по данным переписи населения 2010 года приходится менее 9% численности населения республики. Доля горцев в населении Дагестана заметно выше. К 1989 г. свыше 40% сельских жителей Дагестана еще приходилась на горные районы. Но и здесь из 100 крупнейших населенных пунктов 59 расположены на низменностях, 26 – в предгорьях и только 15 – в средне- и высокогорьях. По данным переписи населения 2002 г., на высотах свыше 2000 м над уровнем моря проживает 2,8% всего сельского населения республики, а на высотах от 1500 до 2000 м – 13,4%. В Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, где на горы приходится большая часть территории, основная масса населения проживает на равнине и в предгорьях. Также и в Северной Осетии-Алании 2/3 населения сосредоточены в столице и двух прилегающих к нему районах (Пригородном и Правобережном). В Осетии более резко проявляется депопуляция горных населенных пунктов [31, с. 76-85; 19; 15; 24; 11; 35].

Таким образом, подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа сегодня не являются горными жителями. Но это не значит, что они уже перестали быть «горцами». Во-первых, горные территории Северного Кавказа не обезлюдели, и это не позволяет местным народам оторваться от своих горских корней. Во-вторых, ментальные стереотипы и социальные установки вряд ли меняются так же быстро как место жительства. Современные «равнинные» северокавказцы – это скорее горцы, осваивающие новое жизненное пространство.

Здесь, как и во многом другом, проявляется, что источник большинства проблем современного Северного Кавказа – не в изначально присущих ему «особенностях», а в тех изменениях, которые происходят в регионе (со всеми его особенностями) и вокруг него.

1.1.2. Северный Кавказ – полиэтничный и поликонфессиональный регион?

Еще одно общепринятое представление – это полиэтничный характер региона. Некоторые говорят об уникальности Северного Кавказа, но чаще просто отмечают его принадлежность к числу регионов мира с наибольшим языковым и культурным разнообразием.

Но если говорить в терминах культурно-языковых общностей, то суждения об особой пестроте этнического состава населения Северного Кавказа представляются несколько преувеличенными. В целом на Северном Кавказе представлены дагестанская, нахская, иранская, тюркская, адыго-абхазская общности. Разумеется, каждая из этих общностей в свою очередь

вмещает в себя более мелкие этнокультурные и социально-территориальные единицы. Но само по себе это обстоятельство мало, что объясняет в региональной социально-политической ситуации. Сегодня многие области собственно центральной России, не говоря уже о столичных мегаполисах, мало уступают по «полиэтничности» Северному Кавказу.

Что же отличает северокавказскую полиэтничность?

Во-первых, здесь этничность в меньшей степени базируется на культурно-отличительных чертах соседствующих групп, а в большей – на сознании укорененности каждой из них на определенной территории, на связи «земли и людей». В этом контексте каждая – пусть самая малочисленная этническая группа находит основания для притязания на «равенство» с любой другой – пусть самой многочисленной группой, причем речь идет не о равенстве прав индивидов, а именно о равном статусе коллективов.

Во-вторых, административные единицы региона – это «национальные республики», этничность здесь политически маркирована и «межэтнические отношения» получают политическое наполнение.

В-третьих, в связи с упомянутым выше движением населения с гор на равнину и процессами урбанизации в регионе уже сформировалась «новая полиэтничность», которую характеризуют сложность и динамизм, столкновение традиционных и современных элементов идентичности, переплетение культурных, экономических и политических интересов этнических групп.

В-четвертых, в результате сокращения русского населения и прекращения миграционного притока из-за пределов региона произошло снижение уровня полиэтничности населения республик Северного Кавказа, но это как раз породило ряд проблем в их экономическом и культурном развитии.

В-пятых, северокавказский элемент заметно проявляется в «ситуациях полиэтничности» и в связанных с ними напряженностью и конфликтах за пределами собственно Северного Кавказа – в регионах Юга России и в ряде городов практически по всей стране.

Наконец, специфическим аспектом этнических процессов в регионе является их сложное взаимодействие с проблемами религиозной жизни. И дело в наименьшей степени связано с этническим и конфессиональным разнообразием региона как константной чертой его писаной истории. Проблемы возникают не из того, что имело место всегда, а из того, что меняется сегодня в социальном и культурном укладе Северного Кавказа под влиянием более широких, поистине глобальных условий существования региона.

Кавказоведы хорошо знают, что этно-конфессиональная мозаика покрывает более крупные социокультурные провинции, формирующие «материковую» структуру региона. Его широтное деление на Северный и Южный Кавказ сочетается с меридиональным делением на Кавказ Восточный и Западный. На Северном Кавказе есть свой «восток» и свой «запад», которые существенно различаются по основным социальным параметрам.

«Восток» – Ингушетия, Чечня, Дагестан – превосходит «запад» – Адыгею, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию – в 1,7 раза по территории, более чем в 1,8 раза по населению. Но доля городского населения на востоке гораздо ниже, а сельского выше, чем на западе. На востоке больше горных жителей, но почти не осталось русского населения, в то время как на западе оно и сейчас составляет свыше 30%. Восток представляет собой сплошной исламский ареал, и уровень религиозности населения здесь весьма высок. На западе сосуществуют ислам и православное христианство, а религиозность населения и общественный вес религии заметно ниже.

На первый взгляд можно было бы пренебречь тем формальным обстоятельством, что Каспийское море «связывает» восток региона с Центральной и Передней Азией, а Черное море его западную часть – с Европой. Но этот факт иллюстрирует неоднородность окружающего регион социального пространства и разнообразие внешних влияний на Северный Кавказ.

1.2. Северный Кавказ в окружающем мире

1.2.1. Северный Кавказ – часть России

Можно начать с очевидного и формального. Территория Северного Кавказа – это часть территории российского государства, а его жители – российские граждане. Но подобно тому, как гражданин не принадлежит государству, а находится с ним в определенных отношениях, так и регионы федеративного государства находятся в определенных отношениях с федеральным центром и между собой. Эти отношения не сводятся к юридически зафиксированным нормам. Они живые, в них каждодневно воспроизводится, подтверждается и видоизменяется статус Северного Кавказа как части России. Специфически значимыми для региона здесь являются следующие факторы.

Конституция РФ провозглашает полное равенство субъектов федерации в их отношениях между собой и федеральным центром. Между тем, представление о том, что республики являются воплощением «национальной государственности» соответствующих «титульных» народов, т.е. несут в себе нечто особенное – идею национального суверенитета – кажется неискоренимым на Северном Кавказе. При этом пребывание в составе России связывается не с утратой суверенитета, а с его реализацией, с собственным выбором, так что имевшая здесь хождение парадоксальная формула «суверенитет в составе» несла вполне реальный смысл. Эта формула является выражением живых, постоянно подтверждаемых отношений еще потому, что она насыщена историей.

Регион весьма прочно интегрирован в экономическую систему и социальную инфраструктуру большой России. В хозяйственно-экономическом и в финансовом плане, «зависимость» Северного Кавказа от общероссийского рынка, от состояния российской экономики и от федерльного бюджета безусловна. Может быть еще важнее, что местные общества без оговорок принимают институциональные условия своей жизнедеятельности, задаваемые российским государством – его законы, административную систему, политику.

Отклонения от этого правила, сколь значительными по количеству и крайними по форме они бы порой ни оказывались, являются проявлениями индивидуального, а не общественного и не национального выбора.

В культурном пространстве России Северный Кавказ, прежде всего, его восточная часть, выделяется достаточно отчетливо. По сравнению с завершающим периодом советской эпохи роль этнокультурных и конфессиональных факторов личной и групповой самоидентификации существенно выросла, а культурная дистанция между регионом и центром страны увеличилась. Но было бы ошибкой воспринимать Северный Кавказ как некий отдаленный периферийный регион России. Иногда забывают, что географически он очень близок к политическому, финансово-экономическому, культурному центру страны и тесно связан с ним транспортными коммуникациями. Профессиональное образование, профессиональная и деловая карьера, само существование в социокультурной среде современных мегаполисов все шире осваивается выходцами с Северного Кавказа. Жизнь значительной части населения в самом регионе все более насыщается элементами современной культуры. Северный Кавказ не является и не чувствует себя окраиной России.

Но Северный Кавказ локализован не только в политическом, социально-экономическом и культурном пространстве России.

1.2.2. Северный Кавказ – часть «Большого Кавказа»

Сказать, что Северный Кавказ – это часть Кавказа, значит повторить что-то не требующее повторений и в то же время совершенно недостаточное.

Географическое единство Кавказа всегда сочеталось с затрудненностью коммуникаций между его северной и южной частями; политическая неустойчивость связанная с внешними вторжениями и влияниями затрудняла становление здесь единой «мир-экономики»; цивилизационная, этническая и социальная разнородность порождала насильственные формы социальных взаимодействий [27].

Сознание культурно-исторической близости, наличие общего для всех народов «кавказского» уровня самоидентификации также не подлежит сомнению.

Опыт постсоветского переформатирования кавказского пространства, основанного на политической институционализации национального существования показал, что позитивный гармонизирующий потенциал культурно-исторических факторов сам по себе не гарантирует бесконфликтного развития. В результате сложилась современная дробная структура кавказского политического пространства с внутренними напряжениями и разновекторными геополитическими устремлениями [27]. Северный Кавказ испытывает влияние и межгосударственных и внутренних для тех или иных государств коллизий, порой вовлекается в эти коллизии.

Конфликты и расходящиеся интересы политически противопоставляют соседей друг другу, но одновременно связывают их, поскольку они вынуждены так или иначе искать способы совместного разрешения конфликтов. Возможная

реакция этнополитических субъектов Северного Кавказа на государственные решения и возможные последствия протекающих в регионе процессов для общей ситуации на Кавказе должны учитываться государствами при построении своей политики. Но реконструкция гуманитарного и культурного единства Кавказа теперь относится к сфере межгосударственных отношений.

1.2.3. Северный Кавказ – в глобальном пространстве современности

Внутри региона Большого Кавказа в последнюю четверть века возникли новые барьеры, затруднившие контакты в ряде сфер общественной жизни, но одновременно Кавказ в целом и его северная часть в том числе оказались открыты для многообразного взаимодействия с глобальной культурно-идеологической средой современного мира. По сравнению с условиями информационной и социальной изоляции советского времени ныне и перед суверенными государствами, и перед отдельными индивидами, и перед местными обществами открылись новые возможности идеологического, политического и культурного выбора. Равным образом, у внешних сил появилось гораздо больше возможностей влиять на культурно-идеологические и политические процессы в регионе.

Прямая и непосредственная включенность Северного Кавказа в пространство современного мира нашла свое наиболее очевидное воплощение в «реисламизации» региона и привнесении в общественную жизнь ряда республик внутренних для мирового ислама коллизий. В этих случаях определенный выбор предлагается, а отчасти навязывается, тому или иному обществу в целом и потому он приобретает публичное и даже политическое звучание. Но не менее важно заметить, что картина культурных ориентаций, которая складывается в массовой социальной практике из множеств индивидуальных жизненных установок и действий гораздо сложней и многообразней.

Таким образом, место Северного Кавказ в пространстве современного мира определяется не тем, где он локализован географически, а тем, что он пронизывается «силовыми линиями» глобальных взаимодействий и глобальной динамики. Его месторасположение уникально, но вызовы исторического времени, с которыми он сталкивается универсальны. Сегодняшние ответы местных обществ на эти вызовы и их перспективы можно осмыслить только в контексте исторического времени, в которое погружен Северный Кавказ.

2. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВРЕМЕНИ

2.1. Глубина исторического времени

Структуры гражданского и национального самосознания всегда коренятся в истории, а сама история и историческое сознание как фактор самоидентификации неустранимы из современной культуры. Этническая психология и самосознание кавказских народов неразрывно связаны с их историей. Свойственное им уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в преданиях,

генеалогиях, эпосе во многом обусловили формирование национального менталитета.

И здесь необходимо помнить, что этногенез и этническая история современных народов Северного Кавказа характеризуются двумя важными в данном контексте чертами. Во-первых, независимо от многочисленных этнокультурных взаимовлияний и напластований, эти процессы протекали в пределах региона. Народы Северного Кавказа имеют неразрывную историческую связь с нынешней территорией своего проживания. Во-вторых, данные науки свидетельствуют, что на занимаемых кавказскими народами территориях надежно прослеживается культурная преемственность, уходящая в глубокую древность.

Современные народы Северного Кавказа – это действительно древние народы. Северный Кавказ, как и Закавказье, являются одним из древнейших очагов первобытной культуры. На Кавказе уже в VII тыс. до н. э. появились очаги земледелия, а в неолитическое время регион становится территорией широкого распространения земледельческой культуры [13, с. 37-38].

Академическая наука зафиксировала весьма глубокие истоки нынешней этнолингвистической пестроты региона. В V тыс. до н. э. палеокавказская этнокультурная общность распадается, и складываются три основные варианта археологических культур: Закавказский, Северо-западный и Северо-восточный. Они положили начало зарождению трех основных лингвистических общностей палеокавказской языковой семьи: западной (адыго-абхазской), восточной (нахско-дагестанской) и южной (картвельской) [3, с. 54-55].

В III-II тыс. до н.э. сравнительно высокого, для своего времени, уровня развития достигли племена, создавшие на Кавказе майкопскую, куро-аракскую, колхидскую, дольменную и др. археологические культуры [13; 20; 25; 21].

В науке довольно прочно утвердилась гипотеза о преемственной связи многих кавказских племен с древнейшим населением Передней Азии. Главным здесь является то, что кавказские языки как и языки первоначального населения переднеазиатских стран (шумер, хаттов, касков), не относились ни к семитической, ни к индоевропейской языковым системам, а между собой проявляли многие черты сходства. В аналогичной связи прослеживают родство древних урартов и хурритов [2; 6; 7; 8; 10; 12; 26; 32].

Предки народов Северного Кавказа были современниками древнейших цивилизаций – месопотамской, египетской, крито-микенской, древнегреческой и римской. Разумеется, это не значит, что они принадлежали к одному с ними культурному ряду. Более того, сами древние предки народов Северного Кавказа могли не знать, что они живут в столь насыщенном историческом контексте, но сегодня мы располагаем как бы «законченной картиной» того исторического времени, и в нашей ментальности неизбежно устанавливаются связи, которых в реальном историческом прошлом могло не быть. Современная этнология считает, что каково бы ни было культурное, политическое, социально-экономическое, статусное и др. состояние общества, доминирующей формой идентификации является соотнесение себя с историческими памятниками на данной территории, со значительными культурно-историческими

конгломератами и цивилизациями [28, с. 27, 56]. А тот реальный, пусть спорадический и ограниченный, опыт контактов и взаимодействия с великими державами и высокими культурами, который отложился в их историческом наследии, может актуализироваться в самых неожиданных ситуациях.

Кавказ является одним из регионов наиболее раннего распространения мировых религий: христианства и ислама. Распространение христианства не только в Закавказье, но и на Северо-Западном Кавказе рассматривают как результат усиления римского (византийского) влияния. Наиболее удобную среду (и раньше, чем в других северокавказских регионах) христианство нашло у зихских племен, обитавших на Черноморском побережье. Соответствующие церковные документы VI-X вв. упоминают на данном побережье, разновременно, епископии: Никопсийскую, Зикхийскую, Таматархскую, Фанагорийскую. Подпись епископа Зихии Дамиана имеется под протоколами Константинопольского собора 526 г. По всем данным можно заключить, что зихи (древние адыги) приняли христианство не позже V в. Христианская культура у них в начале должна была носить греческий характер, по источнику своего происхождения. Позже, с IX в., в Зихии, по-видимому, начинает преобладать влияние грузинской христианской культуры. Последняя имела непосредственное отношение к христианизации алан в X в., а также оставила многочисленные следы своего влияния в горах на территории современного Карачая и Балкарии, Чечни и Ингушетии [13, с. 112, 172-180].

Проникновение ислама на Кавказ связано с арабским продвижением в регион. Азербайджан был завоеван халифатом в 639 г., а Дагестан – в 642-643 гг. Население завоеванных территорий постепенно с этого времени начинает приобщаться к исламу [13, с. 178-179]. Дальнейшая трансформация религиозных верований северокавказцев (кроме дагестанцев) связана с тем, что ислам здесь включался в рамки устоявшегося симбиоза христианства и традиционных народных верований. В итоге, на Северном Кавказе по существу воцарилась своеобразная полиморфность религиозного сознания, хотя политика Золотой Орды дала очередной сильный импульс распространению ислама в регионе в XIV-XV вв.

2.2. История Северного Кавказа: природа ключевых событий

Ключевыми для исторической памяти и самосознание народов Северного Кавказа, для современных научных и политических дискуссий являются две группы событий прошлого:

– события сформировавшие этно-конфессиональную композицию региона;

– события, сформировавшие современный политический статус региона.

При самом кратком и поверхностном обзоре основных событий, относящихся к обеим этим группам нельзя не заметить некоторые их общие черты.

Наиболее важные, поворотные для истории региона события редко имели форму отдельных, четко фиксируемых политических действий, а чаще представляли собой конгломераты множества событий, целые эпохи перемен.

Таковы были периоды «великого переселения народов», татаро-монгольского владычества, включения региона в состав Российской империи. Однозначно ясное оценочное отношение к таким «событиям» практически невозможно. А поскольку различные этнические и конфессиональные группы на современном Северном Кавказе могут идентифицировать себя с теми или иными участниками прошлых конфликтов, то становится понятной особая роль «исторического измерения» актуальных этнополитических проблем.

Действующими лицами ключевых событий прошлого редко выступают политически властвующие лица или государственные институты, а как правило, целые обществ и народы региона. В силу этого они практически никогда или крайне редко получали формальную политико-правовую фиксацию. Народы и общества Северного Кавказа не имеют непрерывной традиции собственного государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов и т.д. Здесь нет своей «Великой хартии вольностей», «Декларации независимости», «Декларации прав человека и гражданина ». Попытки легитимации современных политических притязаний связаны для них не с обращением к «текстам», имеющим политический авторитет и юридическую силу, а с трактовкой целых пластов исторического опыта. Естественным образом на первый план для них выступает опыт независимого существования, политических отношений с Российским государством в период своей независимости, условия и формы вхождения в его состав. Но этот опыт относится в значительной степени к «досовременным» формам политической организации и конфликтным формам взаимодействия с внешними силами.

Это тем более важно подчеркнуть, что большая часть важных событий отражала преимущественно не внутреннее, спонтанное либо сознательно направляемое развитие социальной и политической организации народов и обществ региона, а их взаимодействие, чаще всего столкновение, с могущественными внешними силами. Опыт собственного социального творчества закреплен главным образом в легендарных и полулегендарных преданиях о становлении традиционного общественного порядка. Весь же период преобразования традиционных для Северного Кавказа систем экономики, общества и культуры, обретения ими их современного облика целиком проходил под определяющим воздействием Российского государства.

И в этот период произошли события, весьма остро переживаемые исторической памятью и породившие сложные последствия, но главное происходило в сфере социально-культурных процессов.

2.3. История Северного Кавказа: базовые процессы

2.3.1. Что представляла собой северокавказская традиция?

Современная этническая карта Северного Кавказа складывается в основных чертах к XV-XVI вв. На Северо-Западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги, которых многие народы называют «черкесами». На Центральном Кавказе на значительной части плоскости и в предгорьях размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями стали

близкородственные абазины. Восточнее этих народов в горах жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-Восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке с XVI в. начинает формироваться гребенское (терское) казачество [1].

Вместе с завершением в основных чертах процессов этногенеза северокавказских народов, сложился и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени предопределил пути их дальнейшего развития.

В период великого переселения народов, «варваризации» Европы, упадка городской жизни и самых первых этапов складывания раннефеодальных монархий – Северный Кавказ в общем и целом не выделялся на социально-политической и культурной карте Восточной Европы. Здесь также происходили процессы становления раннефеодальных обществ и государств. Но к X в. четко обозначается расхождение путей цивилизационного развития Северного Кавказа и окружающего его исторического мира.

В X-XV вв., в общих чертах сложилась современная западнохристианская цивилизация, возникли централизованные монархии, Европа подошла к началу нового времени. На Руси сложилась восточнохристианская цивилизация (Киевская, затем Московская Русь), завершалось формирование централизованного государства. На востоке – мусульманский мир обрел устойчивую государственно-политическую структуру, сохранившуюся в основных чертах на всем протяжении нового времени. Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые оформились к XV-XVI вв. В масштабах всего региона не стала господствующей какая либо одна из мировых религий, не сформировалось ни одно крупное централизованное политическое образование, не получили развитие города, и городская культура не проникла в толщу общественной жизни. В социокультурном плане он остался самостоятельным, самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе. Необычайная устойчивость традиционных социальных институтов, норм и ценностей блокировала запуск механизмов цивилизационного саморазвития местных народов.

Вместе с тем, регион, начиная с XVI в. все глубже втягивается в орбиту геополитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям. Таким образом, обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия народов Северного Кавказа с окружающим миром, связанные с необходимостью каждый раз преодолевать цивилизационные расхождения и дисбалансы.

На протяжении XVI-XVIII вв. эта коллизия еще не приобрела напряженного характера и сказалась главным образом в углублении внутрирегиональной дифференциации по всем измерениям исторического бытия народов Северного Кавказа – социально-политической организации, религиозной жизни, внешнеполитической ориентации.

Одновременно формировались условия для глубокой трансформации традиционных обществ Северного Кавказа в результате их инкорпорации в

государственную, общественную и культурную системы России. Это был длительный исторический процесс. С момента первых политических контактов (черкесское посольство в Москву 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (завершение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет. В рамки этого периода уместились три этапа российско-северокавказских отношений.

1) Первый этап (середина XVI – начало XVIII в.) укладывается в рамки Московского периода российской истории и может быть обозначен как этап партнерства феодальных элит. Инициатива сближения с Россией зародилась в феодальных верхах некоторых народов самого региона. Длительное взаимное сотрудничество поддерживалось наличием общей внешней угрозы и общностью феодальной политической культуры. А по содержанию и функциям это сотрудничество приобретало порой характер военно-политического союзничества. Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели непреодолимый характер. Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально.

2) Второй этап взаимоотношений начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный. На этом этапе постепенно теряют силу факторы, делавшие возможным взаимопонимание и сотрудничество, и, напротив, накапливаются предпосылки военно-силового противостояния (Кавказской войны XIX в.)

С первой четверти XVIII в. в государственно-политической системе России происходит принципиальный модернизационный сдвиг. Возникает бюрократическое государство квазисовременного типа, выступающее как один из имперских центров в европейском «концерте» держав. У народов Северного Кавказа сохраняется сугубо традиционная социальная и политическая организация. В результате углубляется стадиальный разрыв уровней их социокультурного развития. Нахождение общего языка для оформления взаимных отношений становится все более затруднительным.

Противоречивый итог векового развития русско-кавказских отношений заключался в том, что культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами организации власти. Культуры этих обществ различались теперь не только по цивилизационной принадлежности и религии – в то время как в русской культуре уже присутствовали и развивались элементы модернизации, культура народов Северного Кавказа оставалась сугубо традиционной.

3) Третий этап российско-кавказских отношений совпадает с тем, что обозначается в исторической науке понятием «Кавказская война». Яркой особенностью этого понятия является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и, зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий. Можно

сказать, что здесь мы имеем дело с одним из «трудных вопросов» отечественной истории. Эта трудность порождается как сложной социальной природой самого явления, так и множественностью объективно заданных «точек зрения», с которых оно рассматривается. Каков тот минимальный объем и состав исторического и историографического материала, рассмотрение которого необходимо, чтобы адекватно представить сложную историческую природу Кавказской войны? На него указывает предметная и концептуальная структура историографической традиции. Это геополитические цели и устремления Российской империи, это культурно-цивилизационная дистанция между Россией и народами региона, это социальный уклад и социальные процессы в местных обществах.

Аналитическая обработка всех этих факторов обязательна уже в силу их устойчивого присутствия в структуре научно-исторического дискурса, независимо от их относительной роли в структуре «исторической реальности». Все они внесли свой «вклад» в генезис и характер протекания Кавказской войны. Но ни один из них по отдельности не может рассматриваться как достаточная «причина» или исчерпывающее выражение ее «сущности». Геополитические цели России и ее продвижение на юг создали саму возможность вооруженного столкновения с горцами Северного Кавказа. Культурно-цивилизационные различия между ними делали такое столкновение в высокой степени вероятным и в некоторых случаях – неизбежным. Особенности социальной и потестарно-политической организации народов и обществ региона обусловили упорство, длительность, формы вооруженного противоборства.

Вместе с тем, политические, военные и невоенные формы взаимодействия с Россией выступили в качестве новых факторов, оказавших решающее влияние на эндогенные социально-политические процессы в местных обществах. Произошел кардинальный сдвиг в соотношении общества и власти. На «довоенном» Северном Кавказе возможности влияния власти на общество, выходящие за пределы социально-правовой традиции, т.е. осуществления преобразований, «реформ» были минимальны. Шаг за шагом, с различной степенью глубины и устойчивости властные структуры, наделенные преобразовательным потенциалом, генерировались в ходе войны местными обществами. А по ее завершении утвердилась независимая от них и стоящая над ними власть, которая формировала условия и административно-правовые механизмы функционирования общества, задавала ему ориентиры. Изменился сам механизм социально-культурного развития народов региона.

Проблема единого понимания Кавказской войны, интерпретирующего ее место в опыте России и народов Северного Кавказа как самостоятельных субъектов исторического процесса остается актуальной в текущей историографической ситуации. В поиске ее решения научная историография не может не учитывать, что значимость интеграции проблематики Кавказской войны в структуру национальных нарративов различного «уровня» объективно неодинакова. Для общего представления российской национальной истории Кавказская война останется в некотором смысле побочным, частным сюжетом.

Даже когда она является непосредственным предметом анализа, ее интерпретации и оценки скорее всего будут подчиняться другим, более широким и важным процессам и явлениям (формирования российского многонационального государства или исторического процесса модернизации) [18, с. 87]. Но дело в том, что в национальных историях отдельных народов Северного Кавказа широкие процессы формирования многонационального государства или модернизации предстают как «части часть», как отрезок на пути или «сторона» их собственного исторического развития и, соответственно, один из смыслообразующих элементов их исторического сознания. Для научной историографии здесь возникает методологическая проблема – необходимость найти такую интерпретацию исторического места Кавказской войны, в которой Россия и народы Северного Кавказа выступали бы как очень разные, но «равные» субъекты единого исторического процесса.

Решение этой проблемы достижимо в рамках сложной, но внутренне последовательной исторической концепции Кавказской войны. В профессиональном плане она будет нацелена не на актуальные политические выводы из опыта войны, а на тот синхронный и диахронный исторический контекст, вне которого нельзя ни объяснить войну как явление своей эпохи, ни определить ее «место» в длительном историческом цикле российско-кавказских отношений от их истоков до наших дней. На концептуальном уровне полнота охвата материала аналитическими и синтетическими процедурами позволит не стереть грани между войной и миром – не растворять трактовки войны в трактовках периодов взаимного тяготения (сближения, культурного обмена, со-развития), но равным образом – не уводить в тень войны ценность и значение последних. Таким образом, следуя своим академическим правилам, историография способна не просто ответить на нужды и ожидания общества, но произвести «теоретическую добавку» к ним – эмпирически обоснованное и концептуально насыщенное знание, с которым различные общественные силы должны будут считаться [37].

Если руководствоваться такими познавательными установками, то обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Тем самым становится достижимым необходимый уровень сложности исторической интерпретации этого явления. Открывается перспектива исторического нарратива, который дает возможность единого прочтения и «своего» и «чужого» прошлого. С научно-рационалистической точки зрения для этого нет непреодолимых преград. Вопрос заключается в том, в какой мере общественно-идеологическая атмосфера в стране и в регионе будет способствовать или препятствовать этому.

2.3.2. Как происходила трансформация традиционных обществ на Северном Кавказе?

Таким образом, включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Ключевым для государственной

политики России на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении систем власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ. В рамках этой эпохи тема «Россия и Кавказ» приобретает качественно новое звучание. В XVI-XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В период Кавказской войны – проблема совместимости в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. А после ее завершения основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации.

По отношению к народам Северного Кавказа Российское государство на всем протяжении его «плотного» взаимодействия с ними выступало как фактор модернизации. Вопрос о специфике самой российской модернизации в этом контексте является вторичным – для традиционных или даже архаичных социальных систем Северного Кавказа она выступала единственным источником модернизационных импульсов. Эндогенные движители модернизации к середине XIX в. в местных обществах были далеки от возникновения и активизации.

С этой точки зрения выделяются три этапа, в рамках которых определенным образом сочетаются формы организации государственной власти в регионе и модели реформирования местных обществ. Первый из них соответствует имперскому пореформенному периоду (1860-е – 1917 г.), второй совпадает с советской эпохой истории России и третий - это нынешний, постсоветский или демократический этап политических и общественных изменений. Между первым и вторым этапами пролегает период «смуты» 1917-1920 гг., который «выпадает» из упорядоченного процесса преобразований и выступает как кризисная переходная фаза. Первое десятилетие современного этапа общественных трансформаций в России соединяет в себе черты революции (с проявлениями государственного распада) и элементы целенаправленной политики реформ.

Первая волна преобразований призвана была закрепить военно-политические результаты Кавказской войны, она развертывалась в условиях общего укрепления Российского государства и осуществления им системных, но постепенных и контролируемых сверху реформ. Приоритетной для государственной политики на Кавказе была задача более прочной интеграции региона в имперское социально-политическое пространство. Эта задача решалась с учетом социокультурной специфики на основе сочетания безусловного верховенства центральной власти с элементами судебно-административной автономии региона.

Масштабы и глубина воздействия реформ 1860-1870-х гг. на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были не столь значительны. Произошел скорее подрыв устоев традиционного общества, чем его преобразование. Положение усугублялось тем, что привилегированные сословия местных обществ не получили прав

российского дворянства, а население в целом имело статус инородцев. Но при этом происходили динамичные изменения в окружающей народы Северного Кавказа экономической, социальной и культурной среде.

На фоне относительной социальной малоподвижности горских народов Северного Кавказа наиболее зримым выражением социально-экономических и культурных сдвигов в регионе стала радикальная перестройка его этнодемографической структуры. В XIX в. доля русского и украинского населения Северного Кавказа росла необычайно высокими темпами. Абсолютное доминирование русскоязычного населения к концу XIX в. имело место в Кубанской области (90,4%) и Ставропольской губернии (95%). Но и места традиционного проживания горских народов в Терской области приобрели глубоко полиэтничный характер. Русское население составляло здесь 33,7 %, но и местное население было этнически пестрым и разноязычным [17, с. 144-174, 198-207]. Незначительным было русское население Дагестана, где на долю многочисленных местных народов приходилось 95% населения области [14, с. 385].

Те изменения, которые мы представляем в виде статистического материала, для народов региона выступали как изменение всей картины окружающей мира. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия горцев Северного Кавказа становится дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный, («имперский», «русский») социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное давление. Эту двойственность, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века остро ощущали представители местной интеллигенции.

Реакция местного общества на ситуацию дуализма была далеко неоднозначной. В каждом народе проявили себя и тенденции адаптации к новой реальности, и стремление «уйти» от непривычного порядка, и попытки активного сопротивления.

Нельзя преувеличивать масштабы и глубину включения северокавказских народов в модернизационные процессы пореформенного периода. Этносоциальные общности региона имели теперь усеченную, неполную социополитическую структуру; были раздроблены и замкнуты в пределах низовых социальных единиц – сельских общин. Жесткий административно-полицейский контроль допускал функционирование элементов общественного самоуправления только на общинном уровне. Весьма ограниченными оставались масштабы включения местных этнических ареалов в систему всероссийского рынка. Сохранившаяся на протяжении этого периода социокультурная изоляция, как бы «анклавность» северокавказских обществ резко снижала возможности органичного и позитивного усвоения социальных и

культурных инноваций, успешной адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Но, с другой стороны, главные коллизии и антагонизмы общественно-политического развития предреволюционной России также не находили прямого отражения на Северном Кавказе. Основные предпосылки нарушения социально-политического равновесия в регионе создавались противоречиями самой российской имперской модернизации и назреванием ее революционного «срыва».

Вторая, социалистическая, волна общественных преобразований стала осуществляться на Северном Кавказе уже после Гражданской войны в условиях упрочения советского государства. В отличие от реформ XIX века они носили чрезвычайно глубокий, радикальный характер, реализовались форсированными темпами на основе жесткой административной централизации и политико-идеологической унификации. С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но при этом сохранялся этнотерриториальный (национально-государственный) принцип государственно-политической организации народов региона, а процесс социалистического строительства нес народам региона реальную социально-экономическую модернизацию и, одновременно, приобретал символическую форму национального расцвета.

Различные аспекты социально-политической эволюции северокавказских обществ реализовались неравномерно. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при относительной устойчивости традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слому «пореформенной» социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывают духовно-идеологическую автономию горского аула, бывшего до этих пор средоточием воспроизводства этносоциальной и этнокультурной традиции. Затем период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, по сути дела, первый, со времени их вхождения в состав России, опыт всенародной сопричастности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага. В 1950-е гг. в большинстве республик Северного Кавказа социальное лидерство переходит к советскому поколению местных обществ, а государственная система обучения и воспитания превращается в основной механизм социализации подрастающих поколений.

Развитие экономики и административно-политических структур в рамках автономий расширяло возможности для социальной мобильности и преодоления местным обществом деревенской замкнутости. Ориентация на получение современного образования, а тем самым – на социальную мобильность, становится к концу 1950-х гг. массовой социальной установкой. Так, за 1939-1959 гг. доля населения, имеющего высшее и среднее образование, в целом по РСФСР увеличилась в 3,4 раза. Темпы роста образовательного

уровня народов Северного Кавказа были существенно выше общероссийских. Эти показатели варьировались здесь от 3,9 раз у осетин до 13 раз у аварцев [5, с. 16; 16, с. 416-423].

Воспроизводство местной образованной элиты (партийно-советской, хозяйственной, научно-технической и т.д.) постепенно перестает зависеть от идущего сверху «выдвиженчества» и выступает показателем «внутренней» социальной мобильности местных этнических обществ. Таким образом, в основном завершаются процессы культурно-психологической адаптации к условиям и требованиям социалистической модернизации.

Сопоставление материалов переписи населения 1939 и 1959 годов позволяет заключить, что этносоциальное развитие народов, подвергшихся принудительной депортации, происходило в этот период в том же направлении, что и у тех народов Северного Кавказа, которых депортация не коснулась. По таким показателям социокультурной модернизации как рост образовательного уровня они также опережали среднероссийские показатели. Различия в темпах роста образовательного уровня между отдельными народами Северного Кавказа коррелировали с различиями исходных показателей, а не с фактом депортации того или иного народа.

В целом, видимо, у тех народов, которые имели значительные массы сельского высокогорного населения (в том числе дагестанских), более устойчиво сохранялись позиции социального лидерства традиционных элит и обусловленное этим запаздывание процессов социокультурной адаптации, а опыт депортации придал этому обстоятельству известную социально-психологическую напряженность. Но сохранявшаяся еще в тот период инерция государственной дисциплины и порядка и широкая общественная тяга к спокойствию и благополучию создавали условия для нового периода этнополитической стабильности в регионе и модернизационного рывка местных обществ.

Три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Ощутимо выросла их демографическая масштабность. При этом в 1970-е гг. темпы прироста численности русского населения здесь существенно замедлились, а в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане шло его сокращение. В результате прекратилось снижение доли титульных национальных групп в общей численности населения соответствующих автономных республик и областей.

Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре местных обществ. Изменения социально-экономических структур теперь определяются не столько перестройкой социально–демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самого этнического социума.

Процессы модернизации сопровождаются определенным (но в неравной степени выраженным) ослаблением влияния традиционных культурных систем на всю сферу общественных отношений. При весомом вкладе «внешнего»

фактора (общегосударственной политики и системы образования) здесь не менее важна была переориентация самих этносоциальных общностей с воспроизводства традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию. «Активной» стороной во взаимодействии дуалистических начал традиции и новаций становится основная масса населения, и молодежь, прежде всего.

Население северокавказских республик и областей включалось тем самым в единый для всей страны процесс социально-экономического развития, осваивало общие для современной экономики формы производственной деятельности, городского образа жизни и культурного потребления. Содержание среднего и профессионального образования, все шире охватывающего народы Северного Кавказа строилось на общенаучной рационалистической основе. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло.

Прежде всего, сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа. В то же время, модернизационные сдвиги 1960-80-х годов привели в действие новые факторы этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа: социальную и географическую мобильность, интенсификацию социальных взаимодействий, массовую образованность и расширение слоя национальной интеллигенции. Все это приводило у народов региона к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом этнокультурного наследия. Ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором сплочения северокавказских этнических обществ и сохраняли значимые функции общественного регулирования. Вместе с тем механизмы обучения и воспитания подрастающих поколений на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках «большого» советского общества. Традиционные институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех в различных сферах общественной жизни.

В целом для народов Северного Кавказа советская эпоха была временем интенсивного развития, реальной модернизации. Характерное для советской эпохи ощущение общественного прогресса, преодоления «анклавности» и расширения горизонтов для вчера еще сугубо традиционных обществ имело вполне реальные основания. Этнический социум вышел за пределы сельских общин и постепенно заполнил свою национально-государственную «форму»; расширялся слой современной этнической элиты, восстановились полнота и синкретизм ее общественных функций (хозяйственных, административных, культурно-идеологических); открылись каналы восходящей социальной мобильности внутри этнического социума. Словом, произошла регенерация «полной» социально-политической структуры северокавказских этносоциальных общностей. Все это отразилось в становлении сложной конфигурации национальной идентичности народов региона, включившей в

себя и сознание принадлежности к наднациональной советской политико-гражданской общности, и сознание своих «естественных прав» на национальную государственность.

Вместе с тем, ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не позволяют считать, что была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ. Однако она претерпела заметное видоизменение к концу советской эпохи. Во-первых, дуализм стал характеризовать внутреннее состояние каждого этнического социума. На ранних этапах преобразований местные этносоциальные общности выступали на социо-экономической карте региона как своего рода анклавы традиционализма, подвергающиеся внешним модернизационным воздействиям. К 1980-м годам в недрах каждого из них сформировались свои сектора, сферы, институты, социальные слои, чьи функционирование и жизнедеятельность воплощали результаты социально-экономической и культурной модернизации. Во-вторых, взаимодействие этносоциальных и этнокультурных традиций с современными формами производственной, организационно-управленческой, социально-культурной деятельности по-прежнему порождало определенные явления социально-психологической напряженности. Но содержание ее стало более сложным. В общественном сознании противоречиво сочетаются позитивное отношение к современным формам жизнедеятельности и высокая оценка этнокультурной традиции, неудовлетворенность в связи с трудностями доступа к престижным профессиональным сферам и тревога по поводу возможной потери национальных корней.

2.3.3. Что представляет собой северокавказская современность?

Современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

С конца 1980-х годов официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении 1990-х годов описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание факторы исторического происхождения.

Дело в том, что отражение модернизаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывавшей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона. Здесь сложились определенные предпосылки, позволяющие ему органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: более или менее развитой городской и промышленный сектор, достаточно представительный профессиональный класс, присутствие в массовом сознании элементов трудовой этики и эгалитаристских ценностей. Но наряду с этим сохранялся мощный пласт этносоциальных и этнокультурных традиций, поддерживаемый непропорционально большой долей сельского населения в местных этнических сообществах.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «спрессованной неоднородностью», с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобретало все то, что могло вести к «возбуждению» этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере «управляемости» этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов. Реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и повсеместный подрыв устоев общественного порядка. В результате российская революция «осовременивания» 1990-х годов едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом архаизации.

Вышеизложенное объясняет, почему ситуацию конца XX на Северном Кавказе иногда характеризуют как «системный кризис» [30]. Но с точки зрения его пространственной локализации этот кризис и по своему генезису и по качествам системности не ограничен территорией Северного Кавказа. Он находится в плоскости отношений государства (центра) и «северокавказского общества» (периферии). Фундаментальное значение имели три аспекта в кризисе этих отношений.

Структурный кризис – нарушение социально-политического континуума по линии «федеральный центр – регионы Северного Кавказа»; взаимное дистанцирование (если не разрыв) центральной власти как субъекта политики, носителя государственного интереса и целеполагания и регионального общества как объекта политики, носителя специфических характеристик, источника проблем. Это дистанцирование было именно взаимным – в период доминирования идеологии «безумного либерализма» федеральный центр воспринимал Северный Кавказ как внешнюю помеху для реализации западнического проекта либеральной модернизации и как провинцию, которую необходимо «усмирить» и умиротворить. С другой стороны, в структурах идентичности местного населения произошло резкое повышение значимости этно-конфессиональных измерений, при ослаблении российской гражданской идентичности и утрате элементов подданнической психологии.

Отсюда вытекает ценностный кризис – кризис легитимации власти в обществе. Основополагающим фактором здесь следует признать утрату значительной частью российского общества духовно-идеологических и нравственных ориентиров. Это сочеталось с глубоким экономическим упадком, социальной поляризацией и вопиющими формами социальной несправедливости. В результате, произошло опасное снижение авторитета и уровня легитимации государственной власти в общественном сознании, массовое отчуждение от государства и эрозия правосознания граждан страны. Государство стало восприниматься с одной стороны как инструмент реализации корыстных интересов властвующих лиц и группировок, а с другой – чуть ли не как рядовой и весьма уязвимый объект преступных посягательств. Все указанные выше неблагоприятные условия приобрели в регионе Северного Кавказа особую остроту. Здесь они накладывались на гораздо более сложную и неоднородную структуру гражданского самосознания, чем в регионах коренной России. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных этнокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности. Кризис легитимации Российского государства вызвал здесь не только настроения пассивного отчуждения от него, но возродил альтернативные формы самоидентификации – этнический национализм и сепаратизм, исламский фундаментализм и радикализм.

Одновременно как предпосылку и как следствие ее структурного кризиса и кризиса легитимации можно рассматривать кризис эффективности государственной власти. Он также носил универсальный характер. Но на Северном Кавказе под вопрос была поставлена сама способность государства контролировать собственную территорию. Национальный и религиозный экстремизм, терроризм и их активные носители смогли укорениться в определенных этносоциальных и территориальных анклавах, и превратить их в очаги собственной экспансии. Попытки государства погасить эти очаги с помощью силы первоначально были крайне неэффективны и наводили на мысль о необратимой деградации его военной организации и системы безопасности. В таких условиях стало возможным формирование разветвленной сети экстремистского подполья в регионе, способного осуществлять масштабные акты террористической агрессии. Последствия этого не преодолены до сих пор.

Если рассматривать многообразные явления современного состояния Северного Кавказа в широком контексте исторического времени, как этап его собственного развития, то можно с уверенностью констатировать, что конец XX – начало XXI в. образует кризисный период в процессе его модернизации.

Региональный кризис конца XX в. есть кризис модернизации, но он вызван не культурным протестом традиционалистских социальных слоев и

групп против осуществляемых государством модернизационных преобразований, а реакцией переходного общества незавершенной социально-культурной модернизации на условия резкого срыва процесса и крушения уже «освоенных» этим обществом политико-экономических форм модернизации.

Реальность обозначенных выше кризисных явлений не вызывает особых сомнений. Но механический перенос на состояние регионального социума общих представлений о кризисе является неоправданным. Кризис модернизации и социально-политический кризис – взаимообусловленные, но не тождественные явления. Анализ ситуации и перспектив развития Северного Кавказа должен включать в себя серьезную проверку гипотезы о том, что социальные и культурные процессы в регионе выражают не кризисное состояние местного социума, а его активное приспособление к сложившимся в стране условиям с использованием социального ресурса традиционных этнических институтов и идеологического ресурса мусульманской религии.

Если эта гипотеза состоятельна, то не исключено, что Северный Кавказ надолго превратится в область устойчивого воспроизводства полулегальных, но вполне функциональных социальных практик на периферии модернизационного процесса, в которой обеспечивается потребление плодов модернизации, но блокируется ее собственное развитие.

И это ставит вопрос об обратимости и необратимости в результатах регионального социально-исторического развития.

2.3.4. Необратимое и обратимое в результатах исторического процесса

То, что произошло в стране в течение первого десятилетия XXI в., можно охарактеризовать как своего рода «революцию в революции». Основные результаты постсоветских преобразований сохранились, но от бурного либерального реформаторства власть перешла к их ревизии и консолидации, а на смену тотальному разгосударствлению и политической фрагментации пришло собирание и укрепление российской государственности.

В обществе и политических кругах страны нынешняя стабилизация иногда рассматривается как начало курса, направленного на реставрацию тех или иных сторон прежних порядков (будь то советского, либо имперского периода). Впрочем, представление об обратимости результатов исторического процесса присутствовало в политических движениях, сопровождавших крушение советского блока весьма широко. Восстановление германского единства, может быть, самый яркий пример воплощения таких представлений в жизнь. Но именно этот пример позволяет увидеть пределы и относительность того, что на первый взгляд выглядит как обратимость истории. Воссоединение Германии, конечно, отражало стремление немцев к национальному единству – константу германской истории XIX-XX веков, но оно подразумевало не возвращение назад к «до-демократическим» и империалистическим его формам, а движение вперед, необратимость ее демократического развития и курса на европейскую интеграцию.

Эта логика применима к анализу постсоветской северокавказской ситуации, в которой как кажется присутствовали признаки обращения вспять

исторического процесса. Программы деятельности активных общественных сил на Северном Кавказе зачастую формулировались в «терминах прошлого» – этнокультурного возрождения, реабилитации репрессированных народов, преодоления последствий Кавказской войны. О французских аристократах, возвращавшихся из эмиграции в 1814 г. было сказано, что они «ничего не забыли и ничему не научились». Если бы современные народы Северного Кавказа заслужили такую же оценку, то у них не было бы будущего. Не надо забывать, но надо учиться. Социальный и политический опыт прошлого – это часть интеллектуального арсенала, который необходим для решения проблем настоящего времени. Он должен соотноситься с ориентирами на будущее, с базовыми общественными процессами, которые определяют для региона долговременную перспективы развития. Только «чувство направления» в истории позволяет упорядочивать и интерпретировать события прошлого (в этом задача историка), высвобождать и организовывать энергию современников с прицелом на будущее (задача государственных деятелей, экономистов, социальных реформаторов), отмечал в свое время Э.Х. Карр [36, p. 119-123].

Это положение применимо, в первую очередь, к историческим обобщениям. Сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, могут оказаться в этом случае недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным. Поэтому здесь необходимо обратиться к подходам, предполагающим поиск решения проблемы объективности исторического познания в сфере самой жизненной практики. На первый взгляд речь идет о том, что историк должен делать выбор между различными точками зрения на политических основаниях, что вступает в противоречие с требованиями научной объективности [22, с. 359]. Но акту индивидуального выбора историка между различными точками зрения должен предшествовать общественный процесс формирования и формулирования этих точек зрения. Если этот процесс отождествляется с самой историей, «точки зрения» (идентичности) различных групп и лиц оказываются их «судьбой», возможность рационального выбора для личности элиминируется или приравнивается к предательству, а политический выбор сделанный сообществом в целом подразумевает подавление тех или иных идентичностей. Если же он развертывается как процесс общественного обсуждения различных «проектов будущего» для данного сообщества, участники которого должны следовать требованиям коммуникативной рациональности, чтобы суметь убедить своих оппонентов, то происходит не столько подчинение научной методологии соображениям политической целесообразности, сколько привнесение научной культуры исследования проблем в социальную практику.

Сложившаяся на Северном Кавказе в 1990-е гг. ситуация «плюрализма идентичностей» обостряет вопрос о возможности написать историю региона, которая была бы одной и той же для носителей различных идентичностей – российской или множества этнических, светской или религиозной, исламской или православной [34]. Можно было бы спросить, сколько «прошлых» имеет

такое множественное «настоящее» и сколько разных, но в одинаковой мере «объективных историй» региона может быть написано сегодня? Если ограничивать свой взгляд горизонтом текущей ситуации, то действительно можно оказаться в тисках познавательного скептицизма или субъективного произвола в интерпретации прошлого. Но если ориентироваться на будущее, в котором сохраняется возможность неконфликтного взаимодействия альтернативных программ, диалога социокультурных и политических субъектов «текущей истории», поддержания сложных, «многомерных» структур личной и групповой идентичности, то появится возможность различать «более» и «менее» объективные истории. Внутреннее богатство и «подвижность» такого будущего препятствуют редуцированию прошлого в простое обоснование какого-либо фундаментализма – державного, этнического, религиозного или идеологического. Предмет исторического анализа проблематизируется, поскольку проблемой, требующей решения, является искомое будущее. Познавательный интерес, направленный не на доказательство готовой истины, а на обобщение опыта прошлого, требует тщательного выявления и учета всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации исторического процесса.

Эта идея будущего может быть эффективной, если она будет строиться на базовых процессах современного мирового развития – глобализации и модернизации. Говоря о них часто забывают, что они представляют собой вызов, который встает не только перед Российским государством как политическим субъектом, но и непосредственно перед народами Северного Кавказа как социокультурными субъектами. Именно это обстоятельство задает и аналитические рамки для решения ряда проблем кавказоведения, и критерии для оценок тех или иных конкретных явлений региональной общественной жизни, и ориентиры для всех, кто так или иначе вовлечен в современную российскую и кавказскую политику.

В своей «Валдайской речи» осенью 2013 г. В.В. Путин выразил культурно-историческую рефлексию России как «государства-цивилизации», столкнувшегося «с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире». Он, по сути, констатировал, что угрозы для цивилизационной идентичности Запада, о которых в свое время предупреждал С. Хантингтон [33], набирают силу. Но в отличие от С. Хантингтона В.В. Путин сосредоточил внимание не на «столкновении цивилизаций», а на условиях глобальной конкуренции, не на цивилизационных «разломах», а на консолидации гражданской идентичности в полиэтничном государстве. Такая идентичность и общая национальная идея не могут быть навязаны сверху, здесь «необходимо историческое творчество», осмысление традиций «с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм» [9].

Современный Северный Кавказ как часть России сталкивается с той же проблемой цивилизационного развития, что и Россия в целом: проблемой модернизации и эффективной интеграции в геоэкономику и геокультуру XXI

века при сохранении своей культурно-исторической идентичности. Влияния и контр-влияния России и Северного Кавказа в конечном счете выражают их закономерную социально-культурную конвергенцию в процессе поиска новой жизни. Скорее всего, именно это отметят будущие историки как наиболее важное явление в российско-северокавказском цивилизационном процессе XX-XXI веков.

* * *

Жанр этой статьи не предполагает некоего специального «заключения» или «выводов». Весь ее текст – это своего рода выводы авторов из собственного интеллектуального опыта и одновременно общая гипотеза относительно места Северного Кавказа в историческом пространстве и времени. Надеемся, что такая форма подачи материала облегчит критический анализ и оценку высказанных в ней положений для профессиональных историков, интересующихся проблемами общей интерпретации истории народов Северного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – 265 с.

2. *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М.: Наука, 1982. – 253 с.

3. *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 279 с.

4. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. – Смоленск: «Полиграмма», 1993. – 128 с.

5. *Всесоюзная перепись* населения 1939 года: Основные итоги: Россия / редкол.: Поляков Ю.А. (отв. ред.) и др. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 207 с.

6. *Древние* цивилизации / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 475 с.

7. *Дунаевская И.М., Дьяконов И.М.* Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. III. Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – С. 79-83.

8. *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. – М.: Наука, 1967. – 492 с.

9. *Заседание* международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // [Электронный ресурс]. Президент России. Официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/news/19243 (дата обращения 09.10.2013).

10. *Иванов В.В.* Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 26-59.

11. *Идрисов И.А.* Распределение 100 крупнейших населенных пунктов по территории Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2007. – №1. – С. 130-136.

12. *История Древнего* Востока. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. – М.: Наука, 1988. – 623 с.

13. *История народов* Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 541 с.

14. *История народов* Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.

15. *Итоги всероссийской* переписи населения 2010 года по Чеченской Республике. [Электронный ресурс]. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. URL:

http://uverenniy.ru/gosudarstvennoj-statistiki-po-chechenskoj-respublike-chislenno.html (дата обращения: 14.02.2014).

16. *Итоги всесоюзной* переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госиздат, 1963. – 456 с.

17. *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

18. *Клычников Ю.Ю.* Перспектива новых трактовок традиционных конфликтных сюжетов в кавказоведении (на примере т.н. Кавказской войны) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Д: МАРТ, 2013. – С. 81-88.

19. *Краснослободцев В.П.* (географический факультет МГУ) Республика Ингушетия (социальный портрет проблемного региона) Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики. http://atlas.socpol.ru/portraits/ingush.shtml (дата обращения: 27.03.2014).

20. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 260 с.

21. *Марковин В.И.* Дольмены западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – 328 с.

22. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

23. *Меликишвили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I: Наири-Урарту. – Тбилиси: Изд. АН Грузинской ССР, 1954. – 446 с.

24. *Мудуев Ш.С.* Расселение и территориальная организация хозяйства горных районов Дагестана: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. [Электронный ресурс] Earthpapers. URL: http://earthpapers.net/rasselenie-i-territorialnaya-organizatsiya-hozyaystva-gornyh-rayonov-dagestana (дата обращения: 26.03.2014).

25. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 416 с.

26. *Народы Кавказа*. Т. 1 / под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 622 с.

27. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Полис. – 2002. – №2. – С.100-112.

28. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции. (На примере Западного Кавказа). – СПб.: Европейский дом, 1996. – 303 с.

29. *Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции: На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. – №5. – С. 77-102.

30. *Системный кризис* на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Материалы всероссийской научной конференции (13-15 сентября 2011 г., Ростов-на Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 288 с.

31. *Сущий С.Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.

32. *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 128 с.

33. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 571 с.

34. *Черноус В.В.* Российская идентичность на Кавказе: вызовы и ответы XXI в. // Россия и Кавказ: История и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. – С. 312-316.

35. *Эльдаров Э.М.* Динамика системы расселения Дагестана в постсоветский период // Demography. – 2007. – Vol. IV. – P. 265-291. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gef.bg.ac.rs/img/upload/files/Rad%2021.pdf (дата обращения: 17.01.2014).

36. *Carr E.H.* What Is History? – London.: Penguin Books, 1967. – 159 p.

37. *Megill A.* Jorn Rusen's Theory of Historiography: Between Modernism and Rhetoric of Enquiry // History and Theory. – 1994. – Vol. 33. – No 1. – P. 39-60.

УДК 93/94(470.6) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-12-40**

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Б.С. КАРАМУРЗОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: bsk-1947@mail.ru

А.Х. БОРОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Аннотация. В статье представлена авторская попытка рефлексии относительно обобщенного «образа» Северного Кавказа, который возникает в общественно-научном дискурсе последней четверти века, и тех концептуальных посылок, которые он так или иначе выражает. Подобная рефлексия рассматривается авторами как предварительное условие выработки общей интерпретации истории народов Северного Кавказа. В качестве отправных положений на пути к историческому синтезу приняты: представление Северного Кавказа как внутренне сложной, но целостной единицы и самостоятельного социокультурного субъекта исторического процесса; необходимость охватить преемственность и разрывы в его историческом бытии, глубину социальной памяти и масштабы исторического обновления местных обществ и культур; понимание предмета интерпретации не в виде законченного фрагмента прошлого, а в качестве всеобъемлющего процесса становления данного субъекта текущей истории, которая не завершена и открыта будущему. Такой широкий подход оценивается в статье как необходимая часть поиска рациональных оснований для национального согласия в познании прошлого и построении будущего страны и региона. Основным эвристическим средством для авторов является метод исторического синтеза. Синтетический подход реализован непосредственно через «позитивное» представление Северного Кавказа как пространственно-временной целостности, особой культурно-исторической единицы общероссийского и глобального социально-политического пространства.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Россия; история; общая интерпретация; базовые процессы; традиция; современность; исторический синтез.

NORTH CAUCASUS IN HISTORICAL SPACE AND TIME

B.S. KARAMURZOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: bsk-1947@mail.ru

A.H. BOROV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Abstract. The article presents an attempt in reflection on the generalized «image» of the North Caucasus that is emerging out of public and scientific discourse of the past quarter of the century as well as on those conceptual premises, which anyway are expressed in it. Such a reflection is evaluated to be necessary prerequisite if an overall interpretation of the history of the North Caucasus peoples is being elaborated. Basic propositions the authors accept as the point of departure in advancing toward historical synthesis are: the idea of the North Caucasus as complex but holistic unit and substantive socio-cultural agent of historical process; necessity to comprise continuity and discontinuities in its historical being, the depth of social memory and the scales of historical transformations local societies and cultures have underwent; comprehending the subject of interpretation not as completed piece of the past but as all-encompassing process of the making of the present agent of current history which, in turn, isn't completed but open to the future. Such a broad vision is evaluated as necessary element in the search for rational foundations of national consensus in the cognition of the past and constructing the future of the country and of the region. The main heuristic tool the authors use to this end is the method of historical synthesis. It is realized in the article directly by the «positively» representing the North Caucasus as spatial-temporal continuity, particular cultural-historical entity within Russian and global socio-political space.

Key words: North Caucasus; Russia; history; overall interpretation; basic processes; tradition; modernity; historical synthesis.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

THE FORGOTTEN COMPLEXITIES OF THE NORTH CAUCASUS PAST[1]

G.M. DERLUGUIAN

In the Balkans or the Caucasus visitors are often told that they cannot comprehend today's ethnic wars without knowing the region's long, long history. How much truth is there in this? What can we learn using the theoretical tools of historical social science? And not least of all, what do scholarly reconstructions tell us regarding the national epic of contemporary struggle the against would-be sovereigns that takes most of its inspiration from the legendary deeds of ancestors? Let us make such an attempt.

For nearly four centuries, starting with Tamerlane's destruction of the Golden Horde in the 1390s and ending with the arrival of Russian colonialism in the 1770s, the North Caucasus lay beyond the reach of any contemporary imperial power. The sheer difficulty of military logistics imposed by geography prevented the Ottomans or Persians from attempting more than occasional forays beyond the Caucasus ridge. Moreover, the great rival empires of Islam had no strategic or economic reason to fight for control over the sparsely populated and politically fragmented tribal fringes where not a single town of any notable size existed at the time. The imperial interests in the region were just as well served by long-distance trade. In the main, this trade procured slaves captured in raids and tribal feuds who were then exchanged for luxury goods (weapons above all) manufactured in the imperial metropolitan centres. This pattern of trade relegated the North Caucasus to a typical 'tribal' periphery in the world-systems generated around agrarian empires [13].

The peripheral position of the North Caucasus during the fifteenth and eighteenth centuries CE, however, did not mean that this was a stagnant backwater. Tribal peripheries could be the sites of very dynamic innovation in warfare, social organization and, as we shall see later, in the deployment of religious ideology. We may recall that Islam itself arose in a fragmented and quite violent peripheral society that had existed in Arabia on the eve of Mohammed's sermon. In fact, Islam was the sole world religion to emerge outside empire – and this matters a lot for understanding Islam today as well as over time. Arabia of the fifth to seventh centuries was no less connected to the neighbouring empires by trade, border raiding and cultural diffusion than would be the North Caucasus a thousand years later. In a rather astonishing geopolitical continuity, the empires, too, remained largely congruous in both epochs: the Ottomans took over and continued the Byzantine inheritance almost wholesale, while the social patterns of Sassanian Iran eventually re-emerged in the Safavid Persian Empire [22]. This analogy in the relations between empires and tribal periphery in two different epochs seems very illuminating

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

regarding the nineteenth-century struggle in the North Caucasus. The doctrine and life story of the Prophet offered both ideology and organisational blueprint to the indigenous state-builders in the North Caucasus who – like Mohammed in his own life effort[1] – had to fight on two fronts simultaneously: against the advancing Russian empire and to overcomethe tribal fragmentation of native societies.

To better understand this famous struggle, let us examine the social processes that generated the tribal fragmentation in the North Caucasus during the post-medieval epoch.

First of all, this matters in explaining the emergence of the mind-boggling number of ethnic groups and languages that are native to the North Caucasus. Why in the South Caucasus do we find relatively large national groups like Azeris and Armenians while in Dagestan alone there could be two dozen or more indigenous ethnic groups (depending on what gets called a 'dialect'), some of them no larger than a single village community? I hope it is not merely the sociologist in me teasing my anthropologist colleagues by using the terms that they regard at best with suspicion: tribes, barbarian, periphery. While I join most colleagues in eschewing the use of these terms to describe contemporary peoples and events today, I deliberately want to draw parallels with the original uses of these terms in Antiquity, where the Greek word 'barbarian' meant the peoples from geographic outliers, mostly from the mountains and forests, who had no towns or, for that matter, not much use for literacy. The tribe was a traditional social unit among the early Romans and their Celtic neighbours that had a predominantly military-political role in organising collective defence and attacks on neighbours. It would be also helpful to recall the legendary story of Etruscan rexes expelled from Rome because, as I will seek to show, it might cast light on the notoriously independent character of the Chechens. The goal is to excavate common socio-historical patterns enabling us to better understand the past and present of the North Caucasus. For no contemporary knowledge-making paradigm about the North Caucasus has been more tenacious than that of struggle.

Tribal fragmentation in a post-medieval North Caucasus

The story begins with Tamerlane who, in the 1390s, delivered the last shattering blow to the nomadic empire of the Golden Horde. Despite Tamerlane's megalomaniacal dream of imposing his rule on the whole world, no new empire resulted from this conquest. For centuries to come the North Caucasus existed in a geopolitical vacuum, too remote and insignificant for any outside power to impose its rule. The khanate of the Crimean Tatars, themselves vassals to the Ottoman Porte, laid a nominal claim to the steppe along the Kuban river in the western part of the region. But this only meant that the territory lay within the range of the Tatar cavalry, hunting for slaves as usual. Neither the khanate's administration nor any permanent garrisons were ever established in the Caucasus. The Crimean khanate acted essentially as a bigger predatorial warlord among many local warlords.

[1] The original meaning of jihad' is precisely that: effort.

Who were these local warlords? And what was the reaction of human populations to the situation of being perennially hunted by the slave raiders? The lasting fragmentation of military power in the North Caucasus led to the emergence of the unstable stateless alliances of heavily armed horseback warriors. They led a mobile semi-nomadic lifestyle imposing themselves as serial 'guests' on the agricultural and pastoralist communities. In exchange, following the classical logic of racketeering, these warlords offered armed protection to the communities which they patronised [29, 31]. On the virtue of receiving tribute from the populations they protected, these warriors came to be considered noblemen. The Turks and the Genoese merchants summarily called them Cherkess or, in the Italian spelling which entered all European languages, Circassians, among whom the Kabardins were the elite tribe.

This period witnessed the emergence of the majority of ethnic appellations that operate in the region to this day. But before they became labels in the roster of indigenous nationalities, these names applied to something else: communities and castelike status groups differentiated by occupations and environment. For instance, the Balkars and Karachais evidently had little military power to claim the more productive lands in the foothills. They were forced to adapt to the harsher environments higher in the mountains near the edges of glaciers, where economic survival depended on the seasonal migrations of sheep and goats up and down the valleys in the cycle of transhumant pastoralism. These people called themselves, straightforwardly, Taulula, meaning mountaineers. Similarly the ancestors of Chechens and Ingush had to engage in slash-and-burn agriculture in the dense forests that in those times covered the mountain slopes, offering some protection from raiders as well as a very modest living. Their ethnic appellations come simply from the names of their outpost villages beyond which lived the mountain and forest agriculturalists of a roughly similar language and culture. Indicatively, Kabardin was indeed a personal name that genealogical legend attributes to the mighty warrior who rescued and married, of course, a princess thus starting his noble lineage [7]. What this legend seems to indicate is rather that the original founder of the Kabardin tribe was a successful warlord whose personal name grew to apply to a small army of followers. History abounds in analogous examples, from the African Chikunda, a caste of slave warriors in the Zambeze valley who eventually seized women and cattle to constitute themselves into a tribe [3], to the Tatars, originally the unit of captives under the command of a legendary Mongol warrior named Kara-Tatar. Similarly, we can observe the transformation of the Roman lineage name Caesar into the later occupational denominations of Tsar or Kaiser.

The Kabardin warriors exacted feudal dues from the peasant communities of Chechen farmers and Taulula (Balkar and Karachai) herdsmen in exchange for protection from the nomadic Tatar rovers. In the process of self-constitution into feudal elite, the Kabardin warriors invented elaborate codes based on mutual loyalty, family honour, combat valour and lordly conspicuous consumption. In stateless societies the fragile guarantee of a chieftain's life rested on his reputation as a fearsome warrior and valued friend [13]. Today this code of behaviour is proudly called Adyghe Habze. It is considered the common repository of values and rituals of

all Adyghe peoples (which is the self-appellation of Circassians). Yet, according to the prominent Kabardin anthropologist Barasbi Bgazhnokov (personal communication), there can be no doubt that in the historical past this code was called somewhat differently – namely, Ork Habze, that is, the Knightly Code.

The Kabardin monopoly of violence derived from the possession of expensive armour and battle horses of the famous Kabardin breed. Just how expensive was the equipment of North Caucasus knights? By all historical accounts, fabulously so. In 1757 a Russian commanding officer calculated that the cost of a Kabardin's armour, sabre and battle horse could be as much as 2,000 rubles – adding with barely concealed sadness that his own salary was just 400 rubles a year [4, p. 37]. This suggests three things that explain much about the post-medieval social pattern in the North Caucasus. First, only a very small elite of warriors could arm themselves with such splendour. Secondly, such an elite possessed an overwhelming battlefield advantage over the commoner foot soldiers in terms of mobility, body protection and striking power. Last but not least, the commoner population and local economy were too thin to allow the warriors to arm themselves at the expense of tributary dues alone. The alternative source of large, concentrated incomes could be found only in slave trade.

But any monopoly is subject to erosion over time. Like everywhere in the hierarchical societies of Afro-Eurasia, the exclusive position of knights in shining armour was undone by the gunpowder revolution. In the North Caucasus, its effects registered fully towards the mid-eighteenth century with the proliferation of cheaper guns among peasants. But the social result was quite different to that of absolutist monarchies.

The Great Equaliser

The first guns arrived in the Caucasus in the early seventeenth century via the traditional trade routes – across the Mediterranean and the Black sea, and north from Persia. After the adaptational time lag of several generations, guns became quite common. In the Caucasus, the effect of gunpowder was virtually the opposite of the Western experience [23]. Instead of empowering bigger states capable of supporting standing armies and large bureaucracies, in the Caucasus guns led to the fragmentation of aristocratic hierarchies and a peasant democratisation.

With time, guns were imported in large quantities from the manufacturing centres of northern Italy, Germany and the Ottoman Empire via the Crimean Tatar khanate and trade fairs on the Black Sea coast. So far the nobles could control the spread of new weapons because they had long controlled the slave trade. Yet fairly soon the local smiths learned to imitate the imported weapons with great success. In Dagestan, where arable land was always scarce and whole villages derived income from skilled metal works and other crafts, there emerged a cottage industry of gun manufacture based on an intricate division of labour between differently specialised villages. It is estimated that in the midnineteenth century, at the peak of this early industrialisation, Dagestan alone produced up to 20,000 rifles a year [4, p. 121-2].

The majority were indeed the grooved-barrel rifles of remarkable quality and shooting precision. Rifles have been known in Europe since the sixteenth century but

they were rarely used except for hunting, mainly because reloading a rifle from the muzzle took seven to ten minutes. The relative speed of reloading favoured smooth-barrelled muskets, and thus what the armies of imperial states lacked in precision they made up for in sheer numbers and firepower on the battlefield.

A major obstacle to state-making in the Caucasus was – and, to some extent, still is today – the mountainous terrain. No matter how accessible the famous 'mountain outposts' were to peasant and nomadic tradesmen and how well known they were to local residents and those familiar with the region, geography provided the major obstacles to would-be foreign sovereigns. Location favoured sniping from behind the trees and rocks – essentially a hunting skill which many peasants living at the edge of forests already possessed – over marching in formation and hauling cannons into the battlefield. Since the eighteenth century the Caucasian warriors relied on the muzzle-loading rifles and pistols in combination with the newly invented lighter and less curved version of sabre, the famous Caucasian shashka (meaning simply 'long knife' in the Circassian languages). The shashka was used in upright position to support the rifle while aiming and, after the shot, for slashing in close combat – the same function as Western bayonets only even deadlier. It was not only a very deadly combination but, as it turns out, it was remarkably cheaper compared to the battle-gear of erstwhile knights. If the full combat attire of a Kabardin aristocrat plus his pure-bred battle horse cost a fortune, a good locally manufactured rifle cost only 5-8 rubles [4, p. 17]. This was still a hefty cost, equivalent to several cows. But it was no longer outside the range of a well-to-do farmer or a lucky peasant lad who ambushed his clan's enemy on a mountain pathway and took his horse and weapons.

The effect of guns on social structure was probably not immediate. Age-old cultural traditions derived from aristocratic warfare continued to exercise a strong influence well into the nineteenth century when the mountain princes were still observed proudly wearing their splendid chain mail. But consider a folkloric anecdote from the 1760s that perhaps best captures this moment of historical change. One day, to protest the exactions of noblemen, thousands of Kabardin commoners gathered at an extraordinary tribal convention held at a sacred site. This event was known as 'the Rebellion of Domalei', following the nickname of its leader, roughly translated as 'double shoulders' and indicative of Domalei's extraordinary physical strength. A Kabardin aristocrat, returning from a successful raid and leading several recently captured horses, met the crowd of peasants walking to join Domalei. When the aristocrat learned their purpose, he laughed disparagingly: 'What can you, the naked rabble, do with your stinking guns against the noble steel of my sabre and chainmail?' To this, a grim-looking peasant took his rifle from his back and uttered: 'That we shall see now.' By contemporary accounts, the grave of this self-assured aristocrat stood by a well-travelled roadside until the 1960s when it was paved over during the extension of a mountain highway[1].

The dispersion of affordable and well-crafted rifles allowed the Caucasus communal smallholders to resist the tribute-collecting noblemen on horseback.

[1] I thank Dr Barasbi Bgazhnokov for sharing this story.

Bluntly said, there was now a good chance that any daring or desperate commoner might put a bullet through the wonderful and wonderfully expensive chainmail of a Kabardin or whatever native nobleman might arrive in a village to demand his customary annual offerings of sheep, grain and perhaps a fox fur from each household. Such resistance was all the more likely if attempts were made under cover of night to seize a horse or, still better, a Circassian girl traditionally famed for her beauty, who might then be sold into Turkish harems. At least a quarter of all reports by the eighteenth-century Russian officials stationed along the North Caucasus frontier mention exactly this sort of micro-rebellion by the newly empowered peasants. The enraged and humiliated noblemen rushed to the imperial fortresses, claiming that they were Russian allies, and asking for soldiers with cannons to discipline the unruly subjects [17].

Cumulatively, the proliferation of privately owned guns enabled the self-emancipation of North Caucasian peasants. It also created an anarchic and inherently dangerous social environment. Many villages were fortified in this period and also grew in size as people sought mutual protection. Moreover, the clan structures grew more pronounced as the people reasserted group solidarities. Clan in this situation was clearly not an archaic vestige. The network of trust offered by extended kinship proved a necessary condition for enabling this self-emancipation. The new 'democratic' villages and the self-governing leagues of villages acquired semi-permanent militias. In such communities the traditional rituals of young male initiation were reconfigured to centre on the explicitly military function of defence and raiding against the enemies [24]. There emerged the new category of the champion warriors of relatively humble origin whose reputations allowed them to negotiate high fees for their mercenary services with many villages at a time. There also appear the popular Islamic preachers who propagated, to use the term of Michael Mann [20], the doctrine of 'normative pacification'. For many centuries before, Islam had remained only a tenuous presence in the North Caucasus, either from the side of Dagestan that had been in the orbit of Arab caliphate almost from the beginning, or, much later, spreading from the Black Sea outposts of the Ottoman Empire. Yet, this Turkish-influenced Islam always remained an aristocratic and apparently nominal allegiance in parallel with the external diplomatic relations of warrior elites. There are few indications of conversion at popular levels before the eighteenth century [32] – and then Islam spreads like bushfire. This could not be explained outside the contemporary context of struggles between the elites and commoners.

This peasant revolution was long ignored by Soviet scholars who, for the duration of the USSR, held a near-monopoly in Caucasus studies. But why? Marxist-Leninism presumably should have hailed all popular rebels, starting with Spartacus. The problem was that the impact of new gunpowder technology on social organization looked like the gross violation of smoother, unilinear evolutionary schemes upheld by the Soviet Marxist orthodoxy. Instead of'mountain feudalism' progressing towards absolutist monarchy and then perhaps bourgeois revolution, the social organisation of North Caucasian peoples seems to have undergone a marked 'regression' in the eighteenth century to the archaic forms of clan and tribe. This anomaly led many Soviet historians into clumsy attempts to explain away these

observed historical phenomena. The theories of Soviet-era Caucasian anthropologists, in turn, predicted that the archaic traits should be more pronounced among the 'backward' populations of the upper mountain ranges. Yet the strength and extensiveness of clan organisation was highest among those peoples of the North Caucasus, mainly Chechens, whose not-too-distant ancestors actively colonised the foothills and in the process overthrew aristocratic rule.

The social organisation of armed farmers

The rebellious farmers forged their solidarities by reinventing and reinforcing kinship networks, village neighbour communities, and the leagues of villages. Previously, these served mostly the circles of matrimonial and economic-ecological exchanges. In the new historical situation, the traditional horizontal networks primarily became the repositories of collective legal-ethical and military powers. The goal was the collective appropriation and protection of earthly assets. These communities, many of them newly founded, developed elaborate and strict ethical codes, including, in some instances (mainly in Dagestan), even the formal written law that prescribed as a major civic obligation the possession of weapons and participation in common defence. But let us not idealise peasant self-liberation out of its historical context, as do the romantic advocates of Caucasian democratic traditions today. The new community norms unambiguously sanctioned the exclusion of women from civic life and also the possession of slaves by free commoners, although we have little systematic data to tell us just how widespread the use of slave labour may have been in the otherwise-named democratic communities of the North Caucasus.

We must take note of one feature that infamously resurfaced in recent history: the dependence of a warrior's prestige expressed through communal acts of generosity and the ability to procure more sophisticated weapons from the profits of raiding for human captives. This practice had been pervasive before the closure of Russian colonial frontiers. In fact, the abolition of the slave trade was Russia's major legitimation for the conquest of the Caucasus in the nineteenth century. In the latter 1990s the practice of seizing and trading hostages emerged once again as a major component of ongoing wars, especially in Chechnya. Today this practice is reported as an endemic form of terrorism. Its function remains largely the same – to finance the procurement of weapons and the lifestyles of professional warriors.

The geopolitical and social patterns of belated Islamisation

The social revolution of commoners in the eighteenth century was accompanied by a popular radical Islamisation that replaced the erstwhile multiplicity of pagan cults and the typical religious syncretism of frontier zones. There seems to exist a strong causal association between peasant democratisation, the subsequent resistance to Russian conquest, and the particular brand of Sufi Islamic mysticism that came to be practised in the North Caucasus fairly recently [19].

In the mountains of Ingushetia and Ossetia the relics of Christianity lingered as legacies of medieval Byzantine and Georgian missionary efforts. But there were neither priests nor functioning churches. In a consequential divergence, since the

1770s Ossetians have essentially re-Christianised. Evidently the reason is that they happened to inhabit the strategically important valley around the new colonial town of Vladikavkaz. The re-invention of common religious ties to the newly arriving power secured the preferential treatment of Ossetians by Russian authorities.

The neighbouring Ingush were initially only slightly more peripheral in relation to the town but their loyalty was suspect because of cultural-linguistic proximity to the relatively more rebellious Chechens. Ingush were progressively alienated by Russian administrators and their Ossetian allies and driven toward a radical Islamisation as late as the mid-nineteenth century.

The geopolitical determinant of religious conversion, which in turn operated through the networks of trade, diplomacy and military alliance/confrontation between the centres of agrarian civilisations and frontier peripheries, becomes still a more robust explanation as we add more empirical instances from across the Caucasus [11]. In the realm of the aristocratic Kabardins and other Circassian peoples, we observe the inchoate coexistence of superficial Islam, a tenuous individual Christianity, and longstanding local traditions. There the religious choices shifted back and forth in consonance with the political opportunism of warring princely alliances that intermittently sought patronage from the Ottoman, Persian and, since the mid-sixteenth century, Russian empires (and before that, the Tatar overlords, Genoese traders and Byzantine emperors.)

Presently, Islamic religiosity in the Caucasus, by informal measure, is highest in Chechnya (apparently more so in the mountainous part than in the Russian-influenced and relatively peaceful lowlands) and also in the mountainous zones of Dagestan. It is somewhat lower in Ingushetia, and substantially lower in Kabardino-Balkaria and Karachai-Cherkessia (despite a few small enclaves of renewed Islamic religiosity since 1999, driven underground). The Islamic presence is almost negligible in today's Adygeia. From Kabardino-Balkaria to Adygeia, these are the areas where historically the process of popular Islamisation was checked by the early imposition of Russian control, by the victory of native aristocratic ranks, or by a combination of both factors.

In the eighteenth century the fervent Islamic conversion at the popular level spread from Dagestan to Chechnya and then further westward across the whole region. The original source was located in the Sufi religious schools of Dagestan. Indicatively, these religious centres were found outside the old coastal towns that traditionally remained under the domination of rich Muslim merchants, landowners and the orthodox clerics based in the officially patronised mosques. The most active circles of Sufi instruction emerged in the democratic semi-urban villages in the mountainous zone of Dagestan. In a pattern perhaps not dissimilar from the symbolic competition among the Mediterranean city-states in arts, public architecture and philosophy, the large and well-established villages of Dagestan competed among themselves to attract prestigious teachers of religion. Alternatively, they raised and endowed their own Qur'anic scholars.

The conversion spread through the networks of religious brotherhoods (tariqat, literally the 'way') loosely organised around the overlapping circles of Sufi teachers (murshids) and disciples (murids). The numerous itinerant Sufi mystics preached the

virtues of equality, moral order, self-discipline, charity, mutual help and trans-ethnic solidarity among the faithful. They denounced the moral corruption, feuds, greed, selfishness and arrogance of princes. The most radical among the Sufi preachers also called for resistance against infidel powers, which was a direct challenge to the early encroachments by the Russian imperial authorities.

Contemporary Russian authors blamed the religiously inspired resistance of North Caucasus Muslims on the instigation by Turkish agents [25]. By the late eighteenth century, however, the exhausted and beleaguered Turks could no longer project the necessary military, financial and ideological power to foster such a massive movement among the Caucasian highlanders. Instead, let us note the importance of this in a world-historical context, particularly because today's textbooks almost entirely ignore this aspect by focusing on the contemporary religious wars in the Christian West. In the sixteenth and seventeenth centuries the world of Islam was torn by the inward-oriented geopolitical and ideological confrontation between the two central empires of roughly equal strength: the Ottoman state espousing the majority Sunni orthodoxy and its rival, Persia, under the Safavid dynasty whose ideological militancy was informed by the minority Shi'a orthodoxy. The juxtaposition of imperial geopolitics and theological divergence resulted in a series of truly 'world' wars. The Turko-Persian wars produced a destructive stalemate that exhausted the major Islamic states of the period and, incidentally, greatly decreased geopolitical pressure on Western Europe during its own formative period of capitalism.

From the latter eighteenth century until the 1920s, the centres of Islamic ideological militancy shifted to the peripheral outliers, especially the tribal frontiers of the Islamic world that now came under Western pressure. The radical sermons of North Caucasus Sufis squarely belong in this much wider historical context. As Persia entered another phase of imperial decline and Ottoman Turkey turned into the 'sick man of Europe', the broadly analogous movements of religious renovation engulfed places as distant as the tribal frontiers of Afghanistan, inner Arabia, and the vast realm of the Sahara from Sudan to Senegal and from the Hausa emirates of Nigeria to the oases of what today is Libya, the mountains of Atlas, and French-occupied Algeria. This vast topic remains unexplored by comparative-historical social scientists.

Our knowledge of religious movements in the North Caucasus at this time is patchy because their propagation proceeded predominantly in oral forms; only much later were the most notable sermons recorded in Arabic[1]. In fact, many popular preachers, especially in Chechnya, were illiterate. The contemporary Russian reports are confused and exceedingly biased for the evident reason that their authors were the colonial officers who knew little about Islam and generally regarded the subject matter as a hateful and dangerous manifestation of'Asiatic fanaticism' [25]. Nevertheless, we can deduce that these movements increasingly addressed the aspirations of peasants who were already free from lordly domination or hoped for the liberation in near future and still in this world. Proselytism also carried a strong

[1] For an overview of Arabic texts from the Caucasus, see Gammer 1994.

social-normative message expressed in the demand for installing the universalistic norms of shah }a Islamic law [6]. It was a direct criticism of the particularistic tribal codes, or adat that in many instances sanctioned the traditional rank inequality, tribute-taking, trial by princes, and the brutal institutions like blood revenge. Russian sources registered numerous complaints by native noblemen who warned of impending rebellion and called for a swift suppression of'troublemakers' and 'bandits' [16].

Of course, the actual historical picture was vastly more complicated. Not everywhere did the peasants rebel, and many rebellions were defeated. The Sufi-led struggle for religious revival and conversion was surely not based exclusively among mountain peasants and tribesmen. At various stages many noblemen of different ranks and ethnic groups joined the movement, and subsequently many (though not all) defected from the religious militancy [25, 26]. Between the 1750s and the 1810s the Kabardins experienced a series of acute and inchoate struggles around the Islamic project of reorganising the realm on more centralised, shari'a law and more egalitarian patterns. The aristocratic privileges eventually survived with the support of Russian command, the majority of peasants were forced back into dependency, but a substantial minority of petty noblemen, radical Islamic preachers and rebellious commoners resettled into the western Circassian lands where the less accessible landscape offered them better protection against the Russian colonial armies [27].

The emerging democratic communities (whether tribally organised along traditional lines or just the newly formed communities of escaping peasants) furthermore experienced social dynamics of two kinds: lateral expansion and the emergence of an internal military hierarchy. The lateral expansion - spreading wherever possible through the military-agrarian colonisation and absorption of lesser ethnic groups in a short period of historical time (say, a century) – significantly increased the territories and the populations of lowlands Chechnya as well as the Circassian democratic tribes emerging in the wooded hills along the Black Sea.

The second dynamic was an internal social differentiation among self-liberated peasants that resulted in the emergence of professional warriors and charismatic warlords (who, in the beginning, perhaps resembled just lucky and experienced hunters). Their raiding for booty (mainly livestock), and human captives for ransom or slave export soon developed into an independent, prestigious socioeconomic activity that in some instances rivalled the erstwhile predatory warfare of more established noblemen. Of course, to the native noblemen and the Russian command it was banditry pure and simple, devoid of any traditional aura. Therefore, the lucky peasant warlords also tended to become the staunchest supporters of Islamic conversion, a process that provided them with the ideology of holy war against infidels and elevated their own status to that of religious paladin, or ghazi. The Sufi leadership itself split into competing factions on numerous occasions [26]. Ultimately, the movement settled down to create a new church-like orthodoxy, a hierarchy of power and privilege, and actually a theocratic state.

The social mechanisms of actualizing history

How have these histories made themselves known today? The effects have been not so much direct as evidenced through mediating social mechanisms. Against the backdrop of the current war in Chechnya, public opinion in the Caucasus attributes special meaning to the ancestral resistance against the Russian conquest. But this dichotomous epic of good and evil glosses over the social fracture of what is today more popularly called the old jihad: the class struggle of peasants against lords or the convoluted native politics of making deals with the advancing colonial empire.

Furthermore, the varied nationalist epics of anti-Russian resistance directly link the nineteenth-century struggle and the Stalinist purges of 1944 when entire peoples – Balkars, Ingush, Chechens – were deported from their homelands, ostensibly for aiding Nazi armies. The real intent of the Stalinist state, as far as it can be deduced from newly available archival documents, was to break up the native peasant communities that provided the basis for the 'honourable banditry' and occasional rebellions against collectivisation [5]. While there may be no direct continuity, it is possible to identify a clear pattern of repetition in the actions of a state that only imperfectly controlled – and thus feared – the peculiar North Caucasian peasants for whom their daggers, guns and clan solidarities served as a guarantee of their right to land and property.

Nationalists today see a continuing imperial master-plan aimed at the extermination of freedom-loving native peoples. Yet when I have had opportunity to ask North Caucasus residents how and when they learned about the struggle of centuries past, or more recent events such as the deportations, a clear majority admitted that it became an issue only after 1989 when local newspapers and public rallies helped to weave the big picture of historical injustice. Thus, weak repressive states wrought these tragedies, and newly weakening democratising states have provided the conditions for memories to coalesce into major collective grievances.

The second mechanism through which history crucially matters is the institutional framework of national republics. Terry Martin [21] provides an incisive historical-institutional analysis, arguing that the Soviet Union was not a federation but rather a unitary state where power flowed through the central hierarchy of the Communist Party. The bureaucratic appointments within the republics, however, favoured titular nationalities. This was a proactive Bolshevik policy drawn from the experience of many-sided alliances during the Russian Civil War. For instance, in 1919 the Chechen militias, convinced by the Bolsheviks that Marxism was also a form of struggle, hit the White armies from the rear at a decisive moment in the war and probably saved the Reds [14].

Soviet native cadres whose careers entirely depended on the continuation of Soviet institutions, zealously watched against 'bourgeois' nationalism. This arrangement worked well for nearly seventy years. It broke down only after 1989 when Moscow's sudden collapse became widely known and the communist national bureaucracies scrambled to find alternative sources of power. On the whole they abandoned the label 'communist' to become the national governments of newly independent states. The strategy of ethno-territorial affirmative action that was once a major strength of the Soviet state thus determined the way it collapsed [10].

History matters in shaping the cultures that permeate social relations and that become especially important in the moments of crisis. National cultures, however, are terribly slippery things to analyse, as we have learned in the spate of historical rewrites across the former Soviet Union since 1992 [28]. For example, the notorious propensity among Chechens and Kabardins towards symbolic posturing – including bringing weapons to public rallies – obviously can make a difference. But who brings weapons to rallies? Certainly not women, and hardly bureaucrats, medical doctors, or middle-aged workers. It would be worth trying to disassemble the presumably unitary ethnic 'cultures' into the fields and combinations of habitus specified in terms of social class, gender and other statuses – something along the lines of Bourdieu's Distinction [8]. This might help us to remember what so many nationalist activists like to forget: that cultures are not systems of norms but very contentious arenas. History is neither a programming device nor the abode of national spirits. Least of all should history be reified into unitary super-actors loosely called civilisations. History matters through the identifiable social mechanisms that actualise historical memory in popular mobilisations and state ideologies. It transports (and inevitably transforms) cultural dispositions from one epoch to another. It creates arenas of social action and the very actors themselves.

SOURCES AND LITERATURE

1. *Aglarov M.A.* Selskaia obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. – Moscow: Nauka, 1988. – 243 s. (*Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – Москва: Наука, 1988. 243 с.*)

2. *Anderson P.* Passages from Antiquity to Feudalism. – London: Verso, 1974. – 304 p.

3. *Arming Slaves* / Ed. by L. Brown, P. Morgan. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 368 p.

4. *Astvatsaturian E.G.* Oruzhie narodov Kavkaza. – Moskva-Nalchik: HOBBIKNIGA; El-Fa, 1994. – 192 s. (*Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – Москва-Нальчик: ХОББИКНИГА; Эль-Фа, 1994. 192 с.*)

5. *Azamatov K.T., Temirzhanov M.O., Temukuev B.B., Tetuev A.I., Chechenov I.M.* Cherekskaya tragediya. Sbornik statey i vospominaniy / sostavitel' A.I. Tetuev. – Nalchik: Izdatel'stvo «El'brus», 1994. – 198 s. (*Азаматов К.Т., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М. Черекская трагедия Сборник статей и воспоминаний / составитель А.И. Тетуев. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1994. – 198 с.*)

6. *Babich I.L.* Etapy rasprotraneniia islama v Kabarde i Balkarii (XI-XX vv.) // Babich I.L., Iarlykapov A.A. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Kabardino-Balkarii. – Moscow, 2003. – 144 s. (*Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003. 144 с.*)

7. *Bgazhnokov B.H.* Adygskaia etika. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 96 s. (*Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.*)

8. *Bourdieu P.* Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. – 614 p.

9. *Bourdieu P.* The Algerian Subproletariat // Man, State, and Society in the Contemporary Maghreb / I.W. Zartman (ed.). – London: Pall Mall, 1973. – P. 83-91.

10. *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 205 p.

11. *Collins R.* "Balkanization" or "Americanization": A Geopolitical Theory of Ethnic Change // Collins R. Macrohistory. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – P. 70-109.

12. *Derluguian G.* Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography. – Chicago: University of Chicago Press, 2005. – 416 p.

13. *Earle T.* How Chiefs Come to Power. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 270 p.

14. *Gakayev D.* Ocherki politicheskoi istorii Chechni. – Moskva: Izd-vo ChKTs, 1997. – 473 s. (*Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – Москва: Изд-во ЧКЦ, 1997. – 473 с.*)

15. *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Dagestan. – London: F. Cass, 1994. – 452 p.

16. *Kazharov V.Kh.* Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 438 s. (*Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик. Эль-Фа, 1994. – 438 с.*)

17. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. – Bloomington: Indiana University Press, 2002. – 304 p.

18. *Klebnikov P.* Razgovor s varvarom: besedy s chechenskim polevym komandirom Khozh-Akhmedom Nukhaevym o banditizme i islame. – Moscow: Detektiv, 2003. – 288 s. (*Хлебников П. Разговор с варваром. Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. – Москва: Детектив, 2003. – 288 с.*)

19. *Knysh A.* Forthcoming. Islam and Empire in the Caucasus, 1800 to the Present. Princeton University Press.

20. *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 549 p.

21. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – 528 p.

22. *McEvedy C.* The New Penguin Atlas of Medieval History. – London: Penguin, 1992. – 112 p.

23. *McNeill W.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 416 p.

24. *Panesh E.* Bifurkatsiia v protsesse sotsializatsii: na materialakh traditsionnogo vospitaniia adygov, XVIII – nachala XX v. // Problemy arkheologii i etnografii Severnogo Kavkaza. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 1988. (*Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: Сборник научных трудов / отв. ред. Н.И. Кирей. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1988.*)

25. *Pokrovskii N.I.* Kavkazskaia voina i Imamat Shamilia. – Moscow: ROSSPEN, 2000. – 584 s. (*Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – Москва: РОССПЭН, 2000. 584 с.*)

26. *Severnyi Kavakaz* v sostave Rossiiskoi imperii. XVIII – nachalo XX v. / Otv. red. V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. – Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. – 460 s. (*Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. И. Л. Бабич, В.О. Бобровников. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.*)

27. *Siver A.* Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya. – Nalchik: Elbrus, 2002. – 216 s. (*Сивер А. Шапсуги. Этническая история и идентификация. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 216 с.*)

28. *The Invention* of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 320 p.

29. *Tilly C.* War-making and State-making as Organized Crime // Tilly C. Roads from Past to Future. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1997. – P. 169-186.

30. *Tsutsiyev A.A.* Osetino-ingushskii konflikt (1992 – ...): ego predistoriia i factory razvitiya. – Moskva: ROSSPEN, 1998. – 200 s. (*Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992—...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М.: РОССПЭН, 1998. 200 с.*)

31. *Volkov V.* Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. – Ithaca: Cornell University Press, 2002. – 224 p.

32. *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. – London: Hurst & Co, 2000. – 256 p.

УДК 93/94 (470.6) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-41-55**

ЗАБЫТЫЕ СЛОЖНОСТИ ПРОШЛОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Г.М. ДЕРЛУГЬЯН

Нью-Йоркский университет в Абу-Даби
129188, Остров Саадият, Абу Даби, Объединенные Арабские Эмираты
E-mail: derluguian@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена специальному анализу геополитического положения Северного Кавказа на протяжении XV-XVIII вв. и социальных процессов, которые развертывались в местных обществах в этот период. Почти четыре столетия с конца XV в. Северный Кавказ оставался вне прямой власти какой либо из империй того времени. Регион был превращен в типичную «племенную» периферию мир-систем, складывающихся вокруг аграрных империй. Эта ситуация не означает однако, что он представлял собой застойную заводь. Племенные окраины могут становиться местом очень динамичных инноваций в военном деле и социальной организации. Длительная фрагментация (державной) военной мощи на Северном Кавказе привела к возникновению неустойчивых безгосударственных объединений тяжело вооруженных конных воинов. Прежде всего, это позволяет объяснить складывание поражающего воображение количества этнических групп и языков, характерных для Северного Кавказа. Только очень небольшой элитный слой воинов могла оснастить себя с рыцарским великолепием. Такая элита обладала подавляющим преимуществом на поле боя перед пешими солдатами-общинниками в отношении мобильности, защищенности тела и ударной мощи. Но исключительное положение рыцаре в блестящих доспехах было ликвидировано огнестрельной революцией середины XVIII в. на Северном Кавказе. В конечном счете, распространение владения огнестрельным оружием среди населения сделало возможным самоосвобождение крестьянства Северного Кавказа. Но одновременно это сформировало анархическую и потенциально опасную социальную среду. Более того, вместе с новым утверждением групповых солидарностей, более выраженными стали родовые (клановые) структуры. Кланы в этой ситуации очевидным образом не являлись архаическими пережитками. Социальная революция общинников в восемнадцатом столетии сопровождалась радикальной народной исламизацией. Судя по всему имеется сильная каузальная взаимосвязь между крестьянской демократизацией, последующим сопротивлением российскому завоеванию и особой разновидностью суфийского исламского мистицизма, который стал практиковаться на Северном Кавказе довольно поздно. Эти исторические сюжеты актуализировались в 1990-е гг. через посредство определенных социальных институтов. Во-первых, репрессивные государственные системы прошлого вызвали к жизни трагедии войны и депортации, а новые слабеющие и демократизирующиеся государства создали условия, при которых воспоминания о них слились в большие коллективные обиды. Второй механизм, через который история приобретает решающее значение – это институциональные рамки национальных республик. Таким образом, история имеет значение. Она передает (и неизбежно трансформирует) культурные диспозиции от одной эпохи к другой. Она создает арену для социального действия и самих лиц, действующих на этой арене.

Ключевые слова: Северный Кавказ, история, память, XV-XVIII века, геополитическая ситуация, военные вожди, этносоциальная фрагментация, огнестрельная революция, крестьянская революция, исламизация.

THE FORGOTTEN COMPLEXITIES OF THE NORTH CAUCASUS PAST

G.M. DERLUGUIAN

New York University Abu Dhabi
PO Box 129188 Saadiyat Island Abu Dhabi, United Arab Emirates
E-mail: derluguian@gmail.com

Abstract. The article presents a closer look at the geopolitical situation of the North Caucasus during XV-XVIII centuries and social processes that were developing within the local societies in that period. For those nearly four centuries the North Caucasus lay beyond the reach of any contemporary imperial power. The region was relegated to a typical 'tribal' periphery in the world-systems generated around agrarian empires. This situation, however, did not mean that it was a stagnant backwater. Tribal peripheries could be the sites of very dynamic innovation in warfare and social organization. The lasting fragmentation of military power in the North Caucasus led to the emergence of the unstable stateless alliances of heavily armed horseback warriors. First of all, this matters in explaining the emergence of the mind-boggling number of ethnic groups and languages that are native to the North Caucasus. Only a very small elite of warriors could arm themselves with knightly splendour. Such an elite possessed an overwhelming battlefield advantage over the commoner foot soldiers in terms of mobility, body protection and striking power. But the exclusive position of knights in shining armour was undone by the gunpowder revolution of the mid-eighteenth century with the proliferation of cheaper guns among peasants. Cumulatively, the proliferation of privately owned guns enabled the self-emancipation of North Caucasian peasants. Bu also it created an anarchic and inherently dangerous social environment. Moreover, the clan structures grew more pronounced as the people reasserted group solidarities. Clan in this situation was clearly not an archaic vestige. The social revolution of commoners in the eighteenth century was accompanied by a popular radical Islamisation. There seems to exist a strong causal association between peasant democratisation, the subsequent resistance to Russian conquest, and the particular brand of Sufi Islamic mysticism that came to be practised in the North Caucasus fairly recently. These histories made themselves known in 1990s through mediating social mechanisms. First, repressive states wrought tragedies of war and deportations, and newly weakening democratising states have provided the conditions for memories to coalesce into major collective grievances. The second mechanism through which history crucially matters is the institutional framework of national republics. So, history matters. It transports (and inevitably transforms) cultural dispositions from one epoch to another. It creates arenas of social action and the very actors themselves.

Key words: North Caucasus, history, memory, XV-XVIII centuries, geopolitical situation, warlords, ethno-social fragmentation, gunpowder revolution, peasant revolution, islamisation.

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ[1]

Э.А. ШЕУДЖЕН

В современной историографической ситуации проблема взаимовлияния исторического знания и исторической памяти приобретает все более выраженный теоретико-методологический характер: созданы оригинальные исследования, как общего, так и специального характера, ставшие серьезным импульсом для интенсивного развития знаний по данной проблеме.

Спектр исследований очень широк. Изучая проблему по различным направлениям, выделяя все новые аспекты ее познания, исследователям удалось расширить теоретические представления об этом феномене общественного сознания: структуре, функциях, основных тенденциях развития, эволюции. Общими усилиями философов, историков, социологов, психологов создается основа для выхода на более высокий уровень осмысления многих базовых вопросов [19, с. 122-169].

В определяющей степени интерес к данной теме обусловлен влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской критикой, позволяющей перенести исследовательский интерес в область изучения «воспоминаний» о прошлом. Применение термина «память» получило столь широкое распространение, что нередко заменяет термин «история», что свидетельствует о принципиально значимом «сдвиге», произошедшем в природе исторического сознания [1, с. 24].

Сегодня на основе сложившихся теоретических подходов и имеющегося опыта мнемонических интерпретаций в исторических исследованиях появилась реальная возможность для осмысления исторической памяти адыгов (черкесов) как этнической общности, достаточно явственно отражающей общие характеристические и специфические черты, обусловленные особенностями природно-географической среды, общественного развития, ментальности. При этом в полной мере осознается, что научный потенциал данной проблемы гораздо шире, учитывая, что существует выраженное разнообразие в интерпретации, как адыгской истории, так и проблем исторической памяти.

Понятие «историческая память», примененное к истории отдельных народов, ориентировано на интерпретацию способов накопления, сохранения, трансляции и усвоения прошлого. Речь идет о таком уровне коллективной памяти о социальном прошлом, на основе которой формируется национальное сознание, историческая общность людей, объединенных территорией, языком, традициями. Позволю себе добавить, что по мере развития различных интерпретаций происходит постепенное преодоление разрыва между «живой» памятью и историей, пока память не станет *исторической.* При этом разрыв реконструируется в ситуации ретроспекции, то есть тогда, когда появляется возможность связывать события прошлого с сегодняшней действительностью.

---

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

При такой постановке центральными становятся вопросы: каково пространство и объем исторической памяти и насколько она влияет на репрезентацию прошлого и уровень исторического сознания? При рассмотрении состояния исторической памяти адыгов достаточно определенно проявляются контуры пространства: образы исторического прошлого, сохранившиеся на уровне устной традиции; фрагменты, вошедшие в историческую память других народов, обладавших письменностью; рубежный этап обращения к истории как осознанному способу сохранения национальной идентичности; деформация исторической памяти, связанная с экстремальными событиями и, наконец, процесс осмысления возможностей и последствий конструирования исторической памяти.

Прежде всего, имеет смысл отметить значение устной традиции при репрезентации прошлого. Проблематика устной традиции сохраняет значение и в наши дни, о чем свидетельствуют интенсивные исследования в области «устной истории» и «истории исторической памяти». На протяжении веков героический эпос, сказания, песни и другие памятники устной культуры, монументально отражая «дух народа», все постоянное, устойчивое, являлись своеобразной «культурной проекцией» начального этапа истории адыгов. Именно в недрах устного творчества, переходя из эпохи в эпоху, от поколения к поколению, закреплялись образные представления об окружающем мире, получая разные интерпретации и художественные формы. По признанию многих авторитетных специалистов, «Нарты» относятся к самых древним героическим эпосам мира [15, с. 665-666], типологически близким рунам «Калевалы» и даже древнешумерскому эпосу о Гильгамеше.

С позиции понимания проблем исторической памяти важно отметить, что именно благодаря нартскому эпосу в сознании адыгов на многие века закрепился образ легендарного, по своему идеального, гармоничного мира. Именно это положение может стать исходным тезисом, осмысление которого позволяет ответить на вопрос: насколько исторична информация, содержащаяся в эпосе и какое место, она занимает в современной системе исторической памяти?

Конечно, отсутствие письменности требовало особого «устройства» памяти: передача общественно значимых навыков осуществлялась живыми носителями памяти непосредственно через имитацию и повторение. «Находя опору в рассказе о предках, – отмечал выдающийся французский философ Поль Рикер, – связь поколений прививается к огромному генеалогическому древу, корни которого уходят далеко в глубины истории» [20, с. 548].

Именно благодаря этому, основные навыки и умения «надежно» сохранялись «как в капсуле» и передавались новым поколениям. При всей условности фиксации исторических событий, в сознании народа закреплялась «эпическая модель истории», некий *способ хранения информации, важнейший источник коллективных исторических воспоминаний.* За время долгого бытования в устной памяти эпические сюжеты, разумеется, претерпели немало изменений, обогащаясь все новыми вариациями, многие из которых безвозвратно утрачены.

Тем не менее, это важнейший *маркер,* позволяющий говорить о зарождении *исторической памяти*, даже учитывая, что ее содержанием являются не реальные события прошлого, а их конвенциональные образы, соответствующие установившимся традициям. В закрепившихся в сознании образах и картинах сквозь фантастическую оболочку явственно видны отзвуки реального исторического прошлого *конкретных* народов.

Соотношение фольклорных текстов с жизненной реальностью, с событиями и лицами прошлого является одной из центральных тем исторической науки. Уже в XIX веке член Кавказского отдела Русского географического общества Леонтий Яковлевич Люлье, занимавшийся целенаправленным собиранием этнографических сведений о народах Кавказа, отмечал, что «в исследованиях подобного рода народные предания служат большим пособием», именно благодаря сказаниям память о предках не остается «в забвении». При этом он хорошо осознавал, что для «проникновения» в скрытые в них тайны прошлого необходимо «посвятить себя на несколько лет постоянному труду, не будучи притом уверенным в успехе» [13, с. 19-20].

Более того, и в самом адыгском обществе все более осознавалось значение устных свидетельств исторического прошлого. «Нартов эпос, сказки, песни-плачи, песни героические, поговорки, пословицы и т.п. произведения, полные неподражаемой поэтической красоты, проливающие большой свет на историю черкесов, – с болью писал Сефербий Сиюхов, – все эти произведения будут потеряны, если в ближайший срок не будут приняты самые серьезные меры к собиранию и записи всего того, что можно еще собрать и записать» [25, с. 307-308].

Устные придания удивительно гармонично вписываются в архитектурный план хорошо знакомых мест, создавая живописную картину так называемого «ландшафта памяти». В дневниках пребывания в Черкесии Джеймс Белл приводит интересный случай «переноса» мифологических представлений в сознание адыгов XIX века. «Когда наши гребцы следовали вдоль берега, они запели *живую* песню, адресованную царю рыб», веря в то, что в пещерах скал прячется животное, которое именуют морским медведем [2, с. 81-82].

Адыги на протяжении многих столетий сохраняли, более того, переживали связь с событиями, запечатленными в устной традиции, воспринимая себя *наследниками* исторического прошлого. Многочисленные безымянные сказители, совершенствуя идеи и сюжеты, сохраняли для потомков накопленный опыт. Фактически эпос стал древнейшей «энциклопедией» знаний, неписаным сводом законов, сформировавшим кодекс поведения адыгов – адыгэ хабзэ

При этом нельзя не учитывать, что при обращении к памятникам устной культуры может проявлятся особый иносказательный взгляд на прошлое. В восемнадцатом столетии один из оригинальных мыслителей этого века Джамбаттиста Вико, осмысливая историю устной традиции как способа познания прошлого, подчеркивал, что при обращении к этим свидетельствам важно освоить критический взгляд. При этом, он считал, что объективному

познанию прошлого препятствуют два вида тщеславия: тщеславие наций, полагающих, что их история восходит «к самому началу мира», и тщеславие ученых, далеко не всегда учитывающих сходство пути в истории «своего» народа с историческими судьбами других народов [3, с. 117-118]. При таком подходе ученые теряют способность понимать различие между образом мысли древних и их собственным [3, с. 369-376]. *Думаю, что эти положения, несмотря на временную дистанцию, сохраняют особую значимость.* Устные свидетельства, впитывая типические черты опыта общественного развития народов, накопленного на протяжении длительного исторического времени, создают *прочную,* но *небезупречную* основу исторической памяти.

Важной составляющей структуры исторической памяти адыгов, стал многослойный пласт информации, сохранившейся в записях людей «извне». Казалось бы, не имея письменности, а, следовательно, фиксированных документальных свидетельств, адыги должны были бесследно затеряться в безграничных пространствах прошлого. Но судьба распорядилась иначе: издревле находились люди, стремившиеся понять жизненную силу этой земли и населяющих её народов. Благодаря им, зафиксированные в письменном виде сообщения, стали мнемоническими местами, неподвижными симулякрами, позволяющими размышлять о том, как «выглядит Кавказ в людской памяти и историческом сознании» [4, с. 4].

В средние века и, особенно в новое время, сведения, вошедшие в сочинения европейских, арабских, турецких, русских авторов, закрепили образ «Страны Черкесии» в исторической памяти многих народов, прагматизируя или романтизируя его. Более того, образовался своеобразный «перекресток памяти», где пересекались, дополняя друг друга, а нередко и вступая в противоречия, взгляды людей разных культур. Какой бы народ этого региона ни посетили путешественники – татар, ногайцев, калмыков, в их описания обязательно включались сведения о черкесах, даже если авторам не удавалось побывать в их землях.

История адыгов нашла отражение в сочинениях такого обширного круга авторов, что даже условная систематизация вызывает серьезные трудности. Уже несколько поколений исследователей при реконструкции адыгской истории имеют дело с источниками, в которых доминирует взгляд «извне», что порождает серьезные методологические трудности. Ситуация осложняется тем, что эти источники отражают различные культурные традиции (христианские и мусульманские); особые стили мышления (купцов, миссионеров, ученых, путешествующих аристократов); языковые особенности, метафористические пристрастия. В связи с этим принципиально важно отметить роль ученых Кабардино-Балкарии в переводе, комментировании и издании огромного массива важнейших историографических источников серии «Клио».

Для европейцев знакомство с адыгским обществом во многом стало откровением: фактически был открыт новый мир. Вызывала восхищение не только сказочно прекрасная природа, но и органичная жизнь народа в этой самобытной среде. Многие из чужестранцев могли лично убедится в верности, благородстве, безграничной храбрости аборигенных жителей этого региона.

Почти во всех работах описывался антропологический тип черкесов: красивого народа, с тонкими чертами, выразительными умными глазами, стройными, подвижными и сильными фигурами. В сохранившихся записях встречаются интересные свидетельства, что описания «Страны черкесов» вызывали у европейцев особый интерес: они не только публиковались, но и распространялись в рукописях, пересылались из одной страны в другую по просьбе «заинтересованных лиц» [22, с. 90].

Несколько отклоняясь от основной линии изложения, хотелось бы отметить, что интерес европейского общества к Черкесии нашел несколько неожиданное отражение в литературных сказках. Именно в это отдаленное «королевство» отправлялись знатные благородные юноши Франции в поисках славы и богатства, именно там во дворцах правили мудрые «короли», в прекрасных садах обитали многочисленные «пугливые красавицы», а злая колдунья похищала «наследницу Черкесии» [27, с. 144-145, 206-207]. И хотя данное романтическое описание мало соответствует сложившимся историческим представлениям, оно весьма показательно с точки зрения мифологизации сознания и может учитываться как одна из особенностей исторической памяти на уровне обыденного сознания.

Для адыгов, мало осведомленных о своей «известности», фиксация «извне» не стала точкой перехода к письменной коммуникации. Сохранившиеся пласты устных свидетельств оставались матрицей, на которой по-прежнему основывались исторические представления, оказывая выраженное воздействие на коллективную память. Удивления достоин тот факт, что на протяжении веков, если судить по устным свидетельствам, неизменными оставались представления адыгов о себе, о древности своей истории. Отдаляясь от культуры своего детства, адыги все более активно утверждали ее достоинство и защищали ее уникальность. Более того, чем больше они узнавали о людях Запада и Востока, тем больше осознавали себя адыгами.

Западноевропейцы гордятся тем, что благодаря им преобразовывалась история: влияние христианства, Возрождения, Просвещения. При этом далеко не всегда учитывают, что культурное развитие шло не только с запада на восток, но и в не меньшей степени с востока на запад: греческая и финикийская колонизации, миграции германцев и славян, экспансия степей, «давление» Османской империи и т.п. Учитывая, что значение подобных влияний для формирования Европы только лишь начинает осознаваться, неизбежно повышается интерес к зонам пересечения этих мощнейших потоков культур, одной из которых был Северный Кавказ [12].

В отношении к прошлому есть ключевой вопрос: почему человечество вообще хочет знать о существовании прошлого и сохранять о нем память? Особый смысл приобретает понимание того, что нас заставляет осознавать прошлое, что должно случиться или уже случилось с каким-нибудь сообществом, чтобы его захватила проблема собственного прошлого. По твердому убеждению Франклина Анкерсмита, любое сообщество должно получить такой «возвышенный исторический опыт», при котором прошлое и его осознание станет «неотвративной реальностью», «такой же частью их

самих, как наши конечности являются частью наших тел – забвение прошлого станет тогда чем-то вроде интеллектуальной ампутации» [1, с. 14]. Для народов Северного Кавказа таким переломным периодом стала Кавказская война, разрушившая привычный традиционный мир, повлекшая глубинные изменения, проявившиеся в общественной организации, демографической структуре, хозяйственной деятельности, ментальных «подвижках».

Известно, что этнические и конфессиональные конфликты, войны и революции, переходные эпохи и тому подобные состояния общества, типологизируемые как «эпохи катастроф», влекут за собой не только изменения направленности и ритмов общественной жизни, но и обостряют потребность в осмыслении прошлого опыта. Появился даже термин «аварийный ген», закрепляющий в коллективной памяти воспоминания о потрясениях, пережитых предками. Несмотря на то, что в каждое историческое время складывается свой взгляд на проблему значимого, важного, существенного в истории, в памяти каждого народа есть события как бы «вневременные», память о которых сохраняется в веках. Именно к таким *болевым «местам памяти»* с полным основанием может быть отнесена Кавказская война.

Война на Кавказе воспринималась как *особое* явление, не вписывавшееся в привычные представления. По мере развития событий, наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились *знания* о народах региона. Даже в специальные разведывательные отчеты и описания военно-стратегического назначения стали входить данные по этнографии и истории горцев. Однако, несмотря на признание «этнографически значимого» исторического прошлого, заслуживающего исследовательского внимания, в подавляющем большинстве работ созданных в это время, «кавказцы», представлялись «удачливыми хищниками», «грабителями», «ворами», от которых русские войска «претерпевали крайнее разорение» [21, с. 88-89]. Использование для характеристики целых народов понятий, имеющих негативный смысл, становилось своеобразным ключом, запускающим психологический механизм восприятия в массовом сознании россиян народов Северного Кавказа.

Русское командование, как отмечал генерал М.Я. Ольшевский, стремилось даже достоинства горцев «обращать в недостатки», не помышляя о том, чтобы привести выдвигаемые требования в соответствие с «*их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни*» [16, с. 65]. Более того, успехи военных предприятий горцев нередко объяснялись неукоснительным соблюдением ими «укоренившихся веками обычаев», характерных для «азиатских» нецивилизованных народов.

Действительно, как свидетельствуют источники, массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания. Прежде всего, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, представлениями о мужском долге, презрении к смерти и уверенности, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг

останется в памяти потомков. «Без них, – писал генерал А.А. Вельяминов, – не найдет он между сородичами своими ни дружбы, ни доверенности, ни уважения, он делается предметом насмешек и презрения…» [8, с. 78-80]. Сохранились свидетельства, что окруженные отряды горцев просили только об одной милости: что бы дали знать их семействам, что они «умерли, как жили, не покоряясь чужой власти» [29, с. 23].

В серьезную проблему, осложнявшую проведение карательных операций, превращались сохранившиеся маркеры исторической памяти. Так, желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, российское командование предпринимало, как неоднократно признавалось, безрезультатные военные операции, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в коллективной памяти убеждение в неприступности, спасительной силе Кавказских гор. В качестве естественной границы, более того, водораздела, отделяющего мир адыгов от «чужого», во многом враждебного мира, «земли войны», стала восприниматься Кубань.

Война усилила процесс осознания важности национальной идентичности, взаимных обязательств, проявляющихся в приверженности семье, роду, «своему народу», в стремлении «защитить друг друга против набегов и насилий людей посторонних» [9, с. 526]. Благодаря обычаю гостеприимства создавались «островки безопасности» и никакие угрозы не могли заставить адыгов выдать укрываемых соплеменников. Причем этот освященный веками обычай свято соблюдался даже лояльно настроенными «мирными» обществами. В условиях замкнутого горского общества и военной угрозы он стал единственным способом получения и передачи жизненно важной информации [23, с. 93].

Играл свою трагическую роль и обычай кровной мести. Все родственники погибших воспринимали офицеров и солдат русской армии непосредственно своими кровниками. Неукоснительное следование этому обычаю придавало все большую массовость и ожесточенность сопротивлению. В семьях, в которых погибли все взрослые мужчины, за оружие брались юноши четырнадцати – пятнадцати лет. Более того, представления о традиционном «рыцарском» поведении адыгов, сохранявшиеся на уровне устной памяти, по мере ужесточения противостояния вытеснялись новыми, более жесткими поведенческими нормативами отношения к «чужим».

Осознание значимости закрепления в письменных источниках памяти о «людях войны» пришло довольно рано. Одним из первых к этой теме обратился Семен Эсадзе. Его работа «населена» самыми различными людьми: «европейскими авантюристами»; «главами воинствующих партий»; «предводителями» племен; «уважаемых» старшин, которым доверялись переговоры с русскими генералами «по поводу» выдачи погибших в боях; известными «храбрецами», «лихими наездниками, участвовавшими «в смелых набегах и кровавых битвах» [30, с. 19, 28, 29, 54, 61, 69, 72, 102, 106].

При этом, наряду с мощными пластами информации о массовом сопротивлении адыгов, даже через десятки лет в памяти сохранялись фамилии людей, наживших свое богатство «на несчастии, слезах и крови, завоеванного

населения» [26, с. 121]. Задумаемся над непростой проблемой: должны ли историки, исследуя историю Кавказской войны репрезентировать латентные, скрытые стороны внутренних противоречий? В том числе, их психологическую составляющую: одни отцы посылали на явную смерть сыновей, в то время как другие получали от русского командования деньги, награды, именное оружие, тщательно утаивая это от соплеменников.

При всем трагизме и утратах в массовом сознании адыгов война закреплялась как явление общенародного, национального характера. Происходил всплеск интереса к прошлому: новую жизнь обретал героический эпос, «обновлялась» тематика народных сказаний и песен. Фольклорные формы и образы, как бы приобретая новую жизнь, продолжали оказывать выраженное воздействие на коллективную память.

Так, Дж. Бэллу удалось записать несколько фрагментов подобных песен, услышанных им на тризнах. «Утром он вышел из дома для заключения мира, а вечером его принесли завернутым в саван. «Хвала Богу, – закричала его мать, – за то, что ты пал на поле чести, а не в поисках добра» [2, с. 189]. В этих сохранившихся записях, как бы остановивших время, отразились не только традиционные моральные нормативы поведения воина, закрепившаяся в сознании народа реакция на воинский подвиг, но и понимание «особости» происходивших событий: значимость гибели «на поле чести, а не в поисках добра».

Война обострила проблему отношения к остаткам исторического прошлого (сооружениям, древним захоронениям, барельефам, надписям и т.п.). Более того, как свидетельствуют записи разных авторов, посетивших Северо-Западный Кавказ в это время, для доказательства древности происхождения и прав на занимаемую территорию адыги обращались к сохранившимся памятникам исторического прошлого, проявляя к ним «самое большое почтение». Сохраняя удивительную толерантность по отношению к представителям разных народов, адыги все четче осознавали *древность* и *особость* своей истории.

Среди адыгов были «большие любители старины», для которых разыскание исторических памятников стало главным занятием, однако, несмотря на крайнюю нужду, они не стремились расстаться со своими собраниями. Одного из таких «коллекционеров» упоминает Тэбу де Мариньи, сожалея, что ему не удалось «извлечь большую выгоду, добыв у него эти предметы». В отличие от европейцев, не стесняющихся собственноручно при помощи кирки вскрывать древние захоронения в поисках предметов, могущих принести «доход», адыги воспринимали памятники как следы, «оставленные каким-то великим народом, жившим в этой стране до них» [14, с. 90, 91].

На состояние исторической памяти оказали влияния и последствия войны. В историографии сложилось интересное несоответствие: причины войн исследуются более обстоятельно, чем их результаты, и особенно последствия. При таком положении последствия войн сводятся, как правило, к материальным потерям и подсчету павших на полях сражений. Само по себе это весьма важно. Однако такой подход не дает представления о более

отдаленных, но не менее значимых последствиях военных конфликтов. Понадобились десятилетия, смена нескольких поколений для преодоления «пораженческих» настроений, но отголоски войны, как раскаты уходящей грозы, еще сохраняются в исторической памяти. И с этими обстоятельствами необходимо считаться.

Для адыгов последствия оказались столь же трагичными, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство России. Удивительным образом в памяти народов закреплялась выраженная героизация событий войны и фобия побежденного, «умиротворенного» народа. Особенно трагичным для адыгов стал процесс депортации, называемый в официальных документах «удалением» или «переселением» [6, с. 633]. «Такая мера, – считал генерал Н.И. Евдокимов, сделавший карьеру на Кавказе, – при настоящем положении туземцев, принесет нам великую пользу и даст возможность как горцам выйти из настоящего их напряженного положения, так и нам более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта» [18, с. 292-293].

Процесс приобрел масштабный характер, люди покидали родину без всяких средств к существованию, что неизбежно приводило к тяжёлым бедствиям, голоду, эпидемиям, высокой смертности. Проведенная в последние годы комплексная разработка данной темы, введение в научный оборот обширного круга архивных источников, способна придать большую аргументированность и целостность, закрепившимся в коллективном сознании представлениям о масштабе произошедшей демографической катастрофы [10].

В связи с этим, мягко говоря, странно звучат утверждения о «легкости», «малозатратности» юго-восточной «отечественной колонизации». «В России, – утверждает профессор В.В. Ильин, – никогда не практиковались охоты за скальпами, массовое уничтожение коренных народов» [5, с. 334]. К глубокому сожалению, опыт истории приводит к малоутешительному выводу: фактически любая человеческая цивилизация, оказавшись в положении военного превосходства над другой, вполне способна повести себя с «чудовищной жестокостью, имеющей целью уничтожить другую цивилизацию» [17, с. 426]. *Это так и есть, потому что, так уже много раз было!* Вопрос о природе подобных явлений был и остается одним из сложнейших в истории.

Известно, что в источниковой базе любой войны преобладают источники, созданные в стане победителей. В то время как побежденная сторона теряет не только территорию, независимость, но и в значительной степени – право на объективную историю. В частности, реконструкция событий Кавказской войны уже почти два века ведется преимущественно на основе официальных российских источников. Объясняется это тем, что подавляющее большинство северокавказских народов, в том числе и адыги, не имели своей письменности, а немногие документы на арабском языке в основном освещают события, связанные с движением Шамиля.

Многие сведения о событиях на Кавказе вошли в историческую память благодаря воспоминаниям, дневникам участников войны и другим источникам

личного происхождения. Несомненный интерес представляют сборники воспоминаний участников Кавказской войны [7], переизданные работы, в том числе и военачальников высших уровней, ставшие библиографической редкостью [11, 16, 24]. Понятно, что оценки Кавказской войны как центрального события северокавказской истории в воспоминаниях коррелируют с эмоционально-ценностными характеристиками. Несомненно, что при таком состоянии источниковой базы резко сужается видение проблемы: превалирует так называемый «взгляд из туннеля», что априорно закрепляет в историческом сознании недоверие к сохранившимся свидетельствам.

В этом смысле задача историка состоит в том, чтобы исправить «отклонения памяти», сопоставив сомнительные утверждения авторов воспоминаний с другими историческими свидетельствами. Во всяком случае, интерпретация и анализ источников по данной проблеме требует от историка не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного, твердого стремления к объективности, что далеко не всегда в наше время кипящих страстей «имеет место быть».

Процессы демократизации российского общества, освобождение историков от идеологических ограничений, казалось бы, создали условия для серьезного, взвешенного подхода к проблеме. История Кавказской войны как бы открывалась заново: появились интересные специальные исследования, опубликованы сборники документов. Но к великому сожалению, не профессиональные труды определяют характер процессов, влиявших на историческое сознание. Все мыслимые пределы превзошел масштаб вторжения в научные проблемы дилетантов и политически ангажированных «специалистов», агрессивно навязывающих обществу «свои» версии событий на Кавказе.

Драматизм историографии Кавказской войны, впрочем, как и любой другой, в том, что интерес к этой проблеме родился на крови и страданиях народов. Поэтому неудивительно стремление перевести научную полемику в морально-этическую сферу, фактический отказ от принципов и методов, принятых при обосновании научной аргументации, что неизбежно приводит к упрощенным одномерным трактовкам. Под влиянием резко меняющейся политической ориентации и личных пристрастий в массовом сознании формируются заведомо негативные образы, с одной стороны, «русских» и «казаков», а с другой – «горцев». От исследователя, как минимум, требуется всесторонняя, объективная оценка исторической ситуации, в которой суждено было жить людям. При этом важно учитывать, что в исторической памяти нередко закрепляются диаметрально противоположные оценки одних и тех же исторических деятелей. Недостаточный учет этих обстоятельств способен серьезно осложнить исторически сложившиеся взаимоотношения между народами. Именно поэтому так важно, сохраняя историческую память народов, избегать превращения истории в «тотальный трибунал», призывая к ответу за события исторического прошлого то один, то другой народ. В разрушении односторонних подходов, в преодолении стереотипов и догматических представлений, влияющих на умы людей и, в конечном счете, формирующих

коллективное историческое сознание, состоит первостепенная задача историков.

Все больше историков, обращаясь к болевым проблемам исторического прошлого, задаются вопросом: каковы границы репрезентации болезненных событий прошлого, должны ли они становиться достоянием исторической памяти потомков? Конечно, миссия историка состоит в том, чтобы добраться до истины, но недостаточно образно описать прошлое, важно понять, как было прошлое *пережито* и насколько *пережитое* является той «исторической истиной, которую им следует стремиться восстановить» [28, с. 184].

Вне всякого сомнения, сохранение исторической памяти одна из сложнейших интеллектуальных проблем. Так или иначе, именно историки решают, на свой страх и риск, какие события прошлого являются историческими и могут быть занесены в анналы истории. Сложившиеся в современной науке подходы к пониманию исторической памяти, ее «знаковой» системы, способны придать большую теоретическую основательность анализу процессов характерных для развития исторического знания. В то же время нельзя не учитывать, что историческое знание живет активной жизнью, оно не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и отторжения, радости и скорби, что в полной мере соответствует противоречивости реальной исторической жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 608 с.

2. *Бэлл Дж.* Дневники пребывания в Черкесии в течение 1837-1838 годов. В 2 т. Т. 1. / пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: Эль-Фа, 2007.

3. *Вико Д.* Основания Новой науки об общей природе наций. – М.: REFL-book – ИСА, 1994. – 756 с.

4. *Жданов Ю.А.* Солнечное сплетение Евразии: учебная лекция по регионоведению. – Майкоп: РиПо «Адыгея», 1999. – 40 с.

5. *Ильин В.В.* Философия истории. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 380 с.

6. *Кавказ* и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 720 с.

7. *Кавказская война*: истоки и начало 1770-1820 годы. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны». – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. – 552 с.

8. *Кавказский сборник*. Т. VII. – Тифлис, 1883.

9. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. – 1860. – Кн. 28. – С. 517-550.

10. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 312 с.

11. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 455 с.

12. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. – СПб.: Александрия, 2008. – 400 с.

13. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. – Киев, 1991.

14. *Мариньи Т.* Поездки в Черкесию. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 207 с.

15. *Мелетинский Е.М.* Эпос и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. – С.665-666.

16. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 607 с.

17. *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. – М.: АСТ; Астрель, 2008. – 768 с.

18. *Письмо графа* Евдокимова к генералу Карцеву от 25 июля 1862 г. // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х т. Т.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 292-293.

19. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под редакцией И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. – С. 122-169.

20. *Рикер П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

21. *Русские авторы* XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х т. Т.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001.

22. *Северный Кавказ* в европейской литературе XIII-XVIII веков. Сборник материалов. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 396 с.

23. *Северный Кавказ*: человек в системе социокультурных связей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.

24. *Секретная миссия* в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау / подгот. Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. – Нальчик: Эль-Фа,. 1999. – 507 с.

25. *Сиюхов С.* Адыгея. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк // Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – С. 304-345.

26. *Сиюхов С.* Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 374 с.

27. *Французская* литературная сказка XVII-XVIII веков. – М.: Художественная литература, 1991. – 384 с.

28. *Хаттон П.* История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб.: «Владимир Даль», 2003. – 424 с.

29. *Шамиль на Кавказе* и в России: Биографический очерк / сост. М.Н. Чичагова. – СПб.: Тип. и Лит. С. Муллер и И. Богельман, 1889. – 202 с.

30. *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. – Майкоп: Изд. «МЕОТЫ», 1993. – 120 с.

УДК 93/94 (470.64) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-56-68**

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Э.А. ШЕУДЖЕН

Адыгейский государственный университет.
352700, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского 15
E-mail: bases11@yandex.ru

Аннотация. На основе сложившихся научных подходов осмысливается структура исторической памяти адыгов, отражающая как общие характеристические черты, так и специфические, обусловленные особенностями природно-географической среды, общественного развития, ментальности.

Автор связывает сложность структуры исторической памяти с характером происходивших в прошлом событий, выделяя проблему значимого, важного, существенного в истории для каждого отдельного сообщества. В то же время в памяти каждого народа выделяются и

вневременные события. Отмечается значение устной традиции при репрезентации прошлого бесписьменных адыгских сообществ. Как важная составляющей структуры исторической памяти адыгов, выделяется многослойный пласт информации, сохранившийся в записях людей «извне». Подчеркивается, что в процессе научной репрезентации адыгской истории появляется возможность выяснить, каким образом и почему, конкретные события прошлого фиксировались, закреплялись, модифицировались, фальсифицировались и предавались «забвению», непосредственно влияя на историческую память и уровень исторического сознания. С другой стороны, фиксируется актуальная для современности, переоценка традиционных форм передачи и сохранения памяти, влияние власти на конструирование исторического знания, формирование «культивируемой памяти». Сохранение исторической памяти рассматривается, таким образом, в качестве одной из важнейших и сложнейших интеллектуальных проблем, стоящих перед профессиональным научно-историческим сообществом.

Ключевые слова: адыги; историческая память; места памяти; время; историческое сознание.

ADYGHES (CIRCASSIANS): THE PROBLEMS OF HISTORICAL MEMORY

E.A. SHEUDZHEN

Adygheya State University, Historical Faculty.
352700, Republic of Adygheya, Maikop, Zhukovsky st., 15
E-mail: bases11@yandex.ru

Abstract. On the basis of the existing scientific approaches, the structure of the historical memory of the Adyghes is comprehended, reflecting both the general characteristic features and specific features that are determined by the peculiarities of the natural-geographical environment, social development and mentality.

The author connects the complexity of the structure of historical memory with the nature of past events, highlighting the problem of significant, important, substantial in a history for each individual community. At the same time in the memory of each people exist timeless events. The significance of the oral tradition is noted at the representation of the past of the pre-literate Adyghe communities. The multilayered volume of information is distinguished, preserved in the records of people «from the outside» as an important component of the structure of the historical memory of the Adyghes. It is emphasized that in the process of scientific representation of Adyghe history, it is possible to find out how and why specific events of the past were reflected, fixed, modified, falsified and abandoned to «oblivion», directly affecting historical memory and the level of historical consciousness. On the other hand, the revaluation of traditional forms of transmission and preservation of memory, the influence of authorities on the formation of historical knowledge, the formation of «cultivated memory», actual for the present are fixed. The preservation of historical memory is thus seen as one of the most important and most complex intellectual problems facing the professional scientific and historical community.

Key words: Adyghe; historical memory; places of memory; time; historical consciousness.

РОССИЯ И ЧЕРКЕСИЯ – ТРАГЕДИЯ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ[1]

Я.А. ГОРДИН

Смысл предлагаемой работы в том, чтобы на основании известного материала – мемуаров, официальных документов, проектов «замирения» Кавказа попытаться найти ответ на вопрос – была ли жестко детерминирована трагедия Черкесии или существовал иной – более гуманный и приемлемый для адыгских народов вариант.

Надо сказать, что фундаментальные просчеты, допущенные русским командованием во время Кавказской войны и, быть может, в особенности на Западном Кавказе в начале 1860-х годов, заложили печальную традицию, тяжело аукнувшуюся во время двух Чеченских войн нашего времени. Поэтому для понимания кавказско-российской драмы второй половины 1990-х – начала 2000-х годов, последствия которых отнюдь не изжиты, необходимо понять – или хотя бы попытаться понять – причины трагедии Черкесии.

На конференции «Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы» директор Института этнологии и антропологии профессор Валерий Александрович Тишков сказал: «На Северном Кавказе современная российская политика совершила наиболее трагические ошибки, допустив массовые жертвы и разрушения, за которые российская власть несет ответственность. Применительно к Северному Кавказу имеет место также провал отечественной обществоведческой экспертизы». Это было сказано в феврале 2000 года.

Если заменить Северный Кавказ на Западный и, соответственно, поменять дату, то приведенные жесткие слова, вполне могут быть отнесены к ситуации за полтора века до того.

В 1864 году генерал Ростислав Фадеев, человек несокрушимой имперской закваски, но в то же время способный адекватно оценивать реальность, писал в своих «Письмах с Кавказа», опубликованных в «Московских новостях»: «Не было никакого общего плана для управления покорными и вновь покоряющимися горцами для уравновешивания различных общественных элементов, боровшихся в среде их, элементов, из которых одни были благоприятны, другие враждебны... Мы действовали одною силой оружия, без политики и оттого везде встречали врагов и ни одного доброжелателя».

Собственно говоря, генерал Р. Фадеев по сути сказал то, что через без малого полтора века заявил профессор В.А. Тишков – отсутствие глубокого осмысления ситуации и упование на грубую силу вместо «политики».

Отсутствие, если пользоваться современной терминологией, экспертного сообщества, вовремя Кавказской войны XIX века приводило к тому, что неизменно побеждала ставка, на грубую силу. В качестве экспертов выступали различные группы кавказского генералитета и офицерства, в объективности

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

которых высшая петербургская, власть имела основания сомневаться. А потому Петербург не мог выработать последовательной политики, склоняясь то к одной, то к другой позиции. И в конечном счете выбирая наиболее простой путь.

Для того, чтобы понять атмосферу, в которой генералы-кавказцы формировали свои взгляды на способы «замирения» горцев, надо представить себе, хотя бы кратко, характер восприятия горцев, русским офицерством.

Восприятие это отнюдь не было черно-белым. Наряду с активным неприятием «хищников», существовал и другой взгляд.

Восприятие горца имело целый ряд принципиальных аспектов, начиная с пристрастия русских военных к горскому костюму и оружию, что имело отнюдь не только прагматический смысл, и до высокой оценки нравственных качеств горца.

В удивительном по глубине очерке Лермонтова «Кавказец», не пропущенный цензурой при жизни автора и опубликованный только в 1928 году, есть чрезвычайно важный для нашей темы портрет русского офицера: «... Не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне, нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств... Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый Шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия... О горцах он вот так отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный...» [8, с. 316].

При этом, естественно, он выполняет свой долг русского офицера – воюет с горцами и убивает горцев.

Но многолетняя Кавказская война создала совершенно особый психологический климат. В воспоминаниях полковника К. Бенкендорфа, убежденного «кавказца» есть удивительный эпизод: «Однажды, в одном селении в базарный день возникла ссора между чеченцами и апшеронцами; куринцы не преминули принять в ней серьезное участие. Но кому они пришли на помощь? Конечно не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся!» [12, с. 365].

М.Ф. Федоров, автор «Походных записок на Кавказе», разжалованный за служебное упущение офицер, в 1830-х годах служивший на Западном Кавказе, вспоминал: «… Мы истребили четыре больших аула и несколько встреченных на походе отдельных жилищ ... При этом, мне невольно пришел на память ответ великого князя Московского Дмитрия послу Мамая, в трагедии Владислава Александровича Озерова:

Посол. Или не помните Батыевых побед?

Дмитрий. Для мести нам Батый оставил вечный след.

Такое изречение в первых годах настоящего столетия еще действительно заслуживало рукоплесканий, но в настоящее время, когда конвой Его Величества и главнокомандующих состоит из кавказские горцев, такой способ ведения войны нельзя назвать справедливым» [14, с. 24].

Тот же Федоров рисует чрезвычайно, важную для понимания гипотетических возможностей «замирения» картину: «Соседями анапского поселения были немирные племена: натухайцы и шапсуги. Во время управления поселением коменданта фон-Бринка, старшины этих, племен имели к нему особенное уважение... Весьма часто случалось видеть на полевых работах поселянина рядом с черкешенкою, поселянку рядом с черкесоми, за всем тем, весьма редко возникали какие-нибудь жалобы; серьезных же происшествий во время моего пребывания ни разу не случалось. Соседство шапсугов и натухайцев было более даже полезно, чем вредно для поселения; соседние жители аулов этого народа всегда заблаговременно извещали коменданта о намерениях более отдаленных от крепости племен... В самой крепости учреждена была по три раза в неделю на избранной площади меновая, торговля – «сатувка» (от черкесского глагола «сату» – менять). Черкесы привозили на сатувку преимущественно мед, воск, баранье сало, масло, татарский сыр, иногда баранов, рогатый скот и вооружение, по большей части древнее, со знаками и надписями времен крестовых походов, панцыри, кольчуги, шлемы, налокотники, луки, стрелы, шашки и кинжалы.... Горцы высоко уважали Егора Егоровича Еринка за его строгую справедливость при разборе споров и жалоб, за его бескорыстие, радушное гостеприимство неустрашимость, или, лучше сказать, доверие его к горцам: случалось, что человек до тридцати вооруженных черкесов ночевали в его комнатах; он был один вместе с ними и постоянно без оружия. Нельзя не удивляться, как он, своими рассказами, умел заставить горцев благоговеть пред именем нашего Государя Императора: 6-го декабря этого (1840) года в день тезоименитства Его Величества, двадцать шесть почетных натухайцев и шапсугов за особым столом обедали у коменданта, пили шампанское за здравие Государя и вместе с нами кричали ура!.. Во время управления фон-Бринка крепостью и анапским поселением пять ближайших аулов изъявили, покорность, дали: присягу и аманатов и это покорение не стоило ни одной капли человеческой крови» [14, с. 180].

Нет причин не верить Федорову. Но его свидетельство говорит о том, что ситуация на Черноморской линии в роковом 1849 году никак не сказалось на положении вокруг Анапы. Очевидно, это в немалой степени зависело от поведения местного российского начальства.

Офицер Генерального Штаба князь И. Шаховской, служивший на Западном Кавказе в 1830-е годы, писал: «Кабардинцев мы, русские, иначе не знали как с дурной стороны; я же, познакомившись с ними ближе, напротив, пришел к другому заключению: их мирный и патриархальный домашний быт, гостеприимство и радушие при врожденной отваге, вселяют к ним невольное уважение» [15, с. 451].

Можно было бы множить отзывы такого рода, но и так понятно, что мир Кавказской войны, в котором переплетались вражда и дружба, ненависть и взаимное уважение, давал психологические основания для поисков взаимоприемлемого компромисса.

С ермоловских времен в кавказской стратегии России боролись два направления: экономическое и психологическое сближение с горскими народами для того, чтобы исподволь убедить их в преимуществе вхождения в структуру Российской империи, с одной стороны, и жесткое подавление любого сопротивления, постоянная демонстрация военного превосходства.

Как известно, ярким и убежденным представителем первого направления был адмирал Н.С. Мордвинов, написавший в 1816 году специальное наставление отправляющемуся на Кавказ Ермолову. Это был манифест первого направления.

Н.С. Мордвинов, декларировал: «Таковых народов оружием покорить невозможно». И предлагал иной путь: «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно их приучить к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, но вне привычки, должно ознакомить их с нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями...». Н.С. Мордвинов толковал о нравственном сближении «с жителями гор Кавказских» [2, с. 151].

Ермолов, как мы знаем, не внял увещеваниям мудрого адмирала и, по сути дела, потерпел поражение. Наиболее острая фаза войны началась после него и длилась еще без малого тридцать лет. Хотя в самом конце своего проконсульства, когда произошло массовое восстание казалось бы уже замиренной Чечни, восстание впервые после шейха Мансура окрашенное религиозно, он попытался сменить стратегию.

Нечто подобное произошло и с первым «замирителем» Кавказа князем П.Д. Цициановым, начавшим с непреклонной жесткости и пришедшей через несколько лет к поискам компромиссного варианта.

Фактическим продолжателем идей Н.С. Мордвинова оказался через четверть века военный практик, командовавший Черноморской линией Н.Н. Раевский-младший.

В марте 1840 года он писал командиру Кавказского корпуса Е.А. Головину: «Долг службы и совесть заставляют меня повторить то, что я говорил прежде и в чем всегда был убежден: одна миролюбивая система с черкесами может привести к прочному их покорению, – всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитиях, вредна и противна великодушным намерениям Монарха; торговля, сближая горцев с нами, доставляет огромные выгоды гарнизонам, уменьшая контрабанду, не может иметь вредных последствий; уничтожение торговли лишит нас плодов, приобретенных от постоянного следования системе мира, уронит доверенность к нам горцев, покажет только нашу слабость, повлечет за собою все бесчисленные и грязные злоупотребления, неразлучные с разбойничьей войной, которую называют

частными экспедициями или набегами, и отдалит время покорения Черкесского края» [3, с. 385].

Возбужденный тон рапорта Раевского был вызван тем, что он находился в остром конфликте со своим непосредственным начальником, генералом П.Х. Граббе, сторонником исключительно силовых мер и не щадившем ни горцев, ни собственных солдат.

А непосредственной причиной очередной попытки Раевского убедить Головина в своей правоте, были катастрофические события на линии. В феврале того же 1840-го года началось тотальное наступление черкесов на прибрежные крепости, произошел захват нескольких из них и гибель гарнизонов. Одной из главных причин этой отчаянной акции была продовольственная блокада, на которой настаивал П.Х. Граббе.

Идея Раевского не получила полной поддержки. В конце концов, голод был выбран как эффективное оружие. Он и был таковым.

Если вспомнить рассказ Федорова о поведении натухайцев и шапсугов в районе Анапы, то очевидно, что торговля и демонстрация уважения способны установить подобие мира на локальном пространстве. Хотя, разумеется, идеи как Н.С. Мордвинова, так и Раевского, не были ключом к разрешению фундаментального конфликта представлений.

Представления высшей власти и радикальной части кавказского генералитета не всегда совпадали. Петербург, где достаточно приблизительно представляли себе ситуацию на Кавказе, был настроен более миролюбиво. Если генерал Граббе видел в горцах смертельных врагов, то император Николай Павлович – неразумных подданных, а в перспективе – мирных подданных.

В 1841 году Раевского на должности начальника Черноморской линией сменил генерал И.Р. Анреп. Он исповедовал те же стратегические идеи, что и Раевский. И когда ему удалось договориться после катастрофы 1840-го года – в июле 1841 года – о принесении присяги на верность российскому императору народом джигетов и убыхским князем Аулбла-Ахметовым, то император удостоил генерала благодарственного рескрипта.

«Господин генерал-майор Анреп! Рассмотрев донесение ваше к командиру отдельного кавказского корпуса о добровольной покорности, изъявленной прибрежными джигетами и частью убыхов, Я, к истинному Моему удовольствию, вижу в этом неожиданном событии доказательство благоразумных ваших действий и распоряжений к водворению тишины, спокойствия и порядка на вверенном вам берегу. Мерами кротости и убеждения, чувствам моим вполне соответствующими, важная эта цель достигается гораздо прочнее, нежели силою оружия. Я остаюсь уверенным, что это благое начало, поддерживаемое постоянным доброхотством и строгою справедливостью к племенам, изъявившим покорность правительству, а с другой стороны неослабленными и решительными действиями против непокорных, будут иметь самые благоприятные, содействия...» [14, с. 195].

В ноябре того же года Николай снова благодарил Анрепа за то, что «достигая с твердостию предназначенной цели, преимущественно употреблены были в сем случае меры кротости и миролюбивых сношений с горскими

племенами и тем самым положено доброе начало к совершенному их покорению».

Но дело в том, что представления о будущности «покоренных племен» у российской стороны и у горцев были существенно разными.

Генерал Граббе в 1840 году составил «Условия, предписываемые покоряющимся горцам».

«Покорные горцы должны:

1. Немедленно выдать аманатов от этих аулов. Командующий войсками предоставляет себе назначить, сколько и из каких фамилий означенные аманаты должны быть выданы.

2. Принести присягу в покорности российскому императору и предоставить через старшин присяжные листы российскому начальству.

3. Исполнять все требования и приказания русского пристава, который будет назначен правительством.

4. По требованию пристава выставлять арбы или ишаков для перевозки тяжестей, в случае движения отряда выделить людей для устройства дорог и мостов...

5. Не переходить из одного аула в другой для постоянного жительства без дозволения местного начальства...» [13, с. 264-265].

Так было на местах. Документы, составляемые в Петербурге, выглядели несколько иначе.

В 1830-м году особый комитет составил положение об устройстве Закубанского края, где говорилось:

«1. Показывать горцам превосходство господствующего образованного народа над грубыми племенами.

2. Преследовать и наказывать вооруженною рукою хищничества, грабежи и разбой кавказских народов, щадя к тому неприкосновенных.

3. Являть по временам снисходительность и великодушие высшей власти отличиями и наградами.

4. Вводимыми у горцев исподволь установлениями заставить их почувствовать блага мира, порядка, торговли и просвещения...

8. Пригласить в Анапу почетнейших князей и старейшин закубанского народа и объявить им меры русского правительства, которые будут приниматься для спокойствия Закубанского края и благоденствия живущих там горских племен» [7, с. 334].

Разница между установочным документом Петербурга и «Условиями», составленными Граббе, весьма существенна.

Беда была в том, что представления о благоденствии как у петербургских теоретиков и кавказских практиков с одной стороны, и у горцев с другой – принципиально различались.

Осенью 1841-го года, после отчаянного натиска 1840-го года на береговые укрепления, что в конечном счете не переломило ситуацию в пользу черкесов, теснимые не столько войсками, сколько голодом, горцы заявили о покорности. По поручению Раевского переговоры вел контр-адмирал Л.М.Серебряков, начальник 1-го отделения Черноморской линии. Он

докладывал Раевскому: «Исполняя волю Вашего Превосходительства, я терпеливо продолжал вести с так называемыми представителями натухайскими прения, всю бесполезность коих очень хорошо понимал; я доносил вам, что предложения их так далеки от умеренных, снисходительных требований правительства, что явно изобличали совершенное ослепление насчет положения делили намерение продлить время одними пустыми толками.

Иначе нельзя понять просьбы их: отложить окончательное заключение переговоров до будущей весны, оставаясь до того времени в неопределенном перемирии, и требования, чтобы в противном случае, если на отсрочку не соглашаемся, то взамен даваемых ими присяги и аманатов очистить укрепления и все занимаемые нами пункты от Абина до Анапы, и других дерзких и нелепых предложений, коих едва ли случалось слышать русскому генералу от стада нищих дикарей» [10, с. 70].

Впоследствии Серебряков сменил терминологию и называл горцев «гарнизоном осажденной крепости».

Его бескомпромиссная позиция 1841 года определялась не в последнюю очередь предшествующим опытом переговоров русского командования с черкесами.

В 1837 году генерал А.М. Симборский, командовавший одним из отрядов на Черноморской линии, послал письмо с условиями покорности, утвержденными Николаем, народу убыхов. Среди условий главными были:

«Прекратить все враждебные противу нас действия.

Выдать аманатов по нашему назначению...

Выдать всех находящихся у них беглых и пленников.

Не принимать непокорных в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.

Ответствовать за пропуск через их земли хищников...

Повиноваться поставленному от нашего Правительства начальнику».

Симборский писал: «Добровольное признание над собою власти Государя Императора сопрягается с неисчислимыми для вас выгодами и пользами, которые по милосердию и великодушию Его Императорского Величества прольются на вас в той же степени как и на все благоденствующие под Его Державою народы. В жилищах ваших водворится мир и спокойствие, взаимные ссоры и распри ваши прекратятся и благосостояние каждого будет умножаться произведениями труда его. Свободная торговля с Россией нужными для вас товарами учредится по всему протяжению земли вашей и в службе Государя Императора откроется обширное для вас поприще к приобретению богатства, почестей и славы.

Между тем, в домах своих вы будете управляемы по собственным нравам и обычаям, а вера ваша останется неприкосновенною святыней для всех русских властей» [6, с. 10].

В 1837 году все эти посулы благоденствия на предложенных условиях, совершенно для горцев неприемлемых, были чистой утопией.

Даже Паскевич, не слишком глубоко понимавший ситуацию, сказал в 1830-м году: «Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние».

Результат обращения Симборского был вполне предсказуем. Старейшины убыхов ответили: «О неверные русские, враги истинной религии! Если вы говорите, что наш падишах отдал вам эти горы, то он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то не остались бы на них жить. Мы имеем посланных от султана Махмуда, Мегмет-Ади-паши, королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одном доверенному лицу с вашей и нашей стороны для узнания истины; и если вы в том убедитесь, то должны оставить эти места... Мы поклялись нашей верою и уведомляем вас о том, что не исполним того, что в вашей бумаге написано. Бог будет за нас или за вас!»

Через некоторое время убыхи прислали еще одно послание: «Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться». Разумеется, убыхи плохо представляли себе международную ситуацию и были введены в заблуждение турецкими и английскими эмиссарами. В решающие моменты черкесы не получили реальной помощи ни от кого.

Многочисленные народы натухайцев, шапсугов, абадзехов не склонны были к столь радикальным формулировкам, но и принимать условия, которые русские власти пытались им продиктовать, и они отнюдь не были склонны.

«Мы теперь от высокого английского короля получили бумагу, относящуюся ко всем горским племенам от Чечни до самого Бугаса-Кызил-Таша, содержание которой известно и вам; в оной говорится, чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали никогда в российские пределы, россияне же удалились от черкес и более на вступали с войсками в земли наши; на сих условиях следует утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о том и вам, мы уверены совершенно, что дружба и согласие между нами водворятся лишь тогда, когда все войска ваши и крепости будут переведены за Кубань, торговлю же со всеми племенами как водою, так и сухопутьем продолжали бы. Если изъявите на то согласие ваше, то не оставьте почтить нас ответом, а что мы вое единодушно согласны покориться, в том нет сомнения и подозрения...

На подлинном подписались: абадзехского, шапсугского и натухайского обществ муллы, все духовенство и почтенные люди» [6, с. 8].

Таким образом, фактически наиболее многочисленные адыгские народы называли покорностью договор о мире, о взаимном ненападении. На этих условиях они, как мы увидим, настаивали почти до самого конца войны, что категорически не соответствовало представлениям радикальной группы российских генералов и постепенно склоняющегося на их сторону Петербурга.

Был однако момент, когда российская сторона готова была пойти на существенный компромисс.

В марте 1858 года – на Восточном Кавказе еще силен Шамиль, – статс-секретарь А.В.Головнин писал начальнику штаба Кавказского корпуса Д.А.Милютину: «Какое государство в мире в состоянии держать постоянно 300

тыс. войска на военном положении и терять в год постоянно по 30 тыс. человек? Какое государство может уделять шестую часть всего дохода на одну область?» [6, с. 8].

В ноябре 1859 года тот же Головнин писал тому же Милютину, дав ему понять, что государство не выдерживает тяжести Кавказской войны: «Если не будет принята целая система самых энергичных мер, то государственное банкротство, т.е. потеря всякого кредита за границей и понижение на 50% и более кредитных билетов в Империи, неизбежно [9, с. 448]. Одной из этих «энергичных мер», по мнению Головнина, было резкое сокращение издержек на Кавказе, то есть, мир с горцами.

В этом же самом ноябре генерал Г.И. Филипсон на свой страх и риск заключил соглашение с абадзехами. Это было знаковое событие, открывавшее путь к общему компромиссу. Сторонников у Филипсона на Кавказе было немного, но они были.

В 1864 году, оценивая происшедшее за последние года, Р. Фадеев неодобрительно писал в своем Четвертом письме с Кавказа: «20 ноября 1859 года в урочище Хомасты генерал Филипсон принял от Мегмет-Амина и старшин присягу верности абадзехского народа на следующих условиях (представляю вкратце, но подлинными словами):

Абадзехи клянутся в верности Императору Всероссийскому на вечные времена.

Они принимают на себя обязательства:

1. Повиноваться начальству, которое будет над ними поставлено. 2. Хищничеств в пределах России не производить, а виновных в том открывать. 3. С непокорными племенами в неприязненных действиях против русских не участвовать. 4. Людей неблагонамеренных у себя не держать. 5. Русских беглых возвращать.

Выдают несколько аманатов. (Эта последняя мера давно уже оставлена на Кавказе как ни к чему не ведущая.)

Они выговаривают себе права: 1. Неприкосновенность веры и свободный отъезд в святые места. 2. Освобождение навсегда от всяких повинностей, податей, рекрутства и обращения в казачье сословие. 3. Тем из них, кто пожелает, дозволяется служить в России, и они могут быть уверены, что их служба без вознаграждения не останется. 4. Права всех сословий абадзехского народа остаются неприкосновенными. 5. Земля остается навеки их собственностью и никакая часть ее не будет занята под станицы. 6. Крепостные остаются во владении господ и если кто из них убежит, то русское начальство должно возвратить его хозяину. 7. Абадзехам предоставляется устроить управление по своему вековому обычаю; для заведования абадзехами будет назначен особый русский начальник. 8. Этот начальник может вступаться в народные дела в тех только случаях, когда увидит изменнические действия или ему будут жаловаться на совет старейшин, составляющих управление.

В договоре не было сказано ни слова о тысячах русских пленных и беглых, находящихся в Абадзехской земле».

Я процитировал не подлинный текст документа, а его пересказ Фадеевым, чтобы был ясен характер отношения большинства кавказского генералитета к стратегии Филипсона.

По сравнению с ситуацией конца 1830-1840-х годов стороны существенно сблизили свои позиции. При всех выговоренных преимуществах абадзехи пошли на то, о чем и слышать не хотели двадцать лет назад – они согласились на русского начальника, надзирающего за ними.

Что же произошло за эти двадцать лет?

Тот же Фадеев в Восьмом письме говорит об этом с изумлением и явным сочувствием черкесам: «Горцы потерпели страшное бедствие; в этом нечего запираться, потому что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично Государем Императором и гордо приняли вызов на войну... Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще большей энергией массы; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ, после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, потому только, что горцы не хотели покоряться. Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под мятелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети».

Надо иметь в виду, что Филипсон заключил договор только с одним народом. Можно предположить, что решающую роль в этом сыграл Магомет-Амин, пораженный пленением Шамиля и подавлением Северо-Восточного Кавказа. Но он обладал влиянием только в пределах земли абадзехов.

Д.А. Милютин писал о положении в конце 1850-х годов: «Мысль о поголовном выселении из гор всего туземного населения и занятий всей предгорной полосы сплошь казачьими станицами – вообще не одобрялась в Петербурге и вызывала сильные возражения... В отношении горцев говорили, что предположенная слишком жестокая мера доведет их до озлобления и отчаянного сопротивления». Именно это и констатировал Фадеев, служивший на Кавказе при А. И. Барятинском как раз последние пять лет войны.

В конце 1850-х годов российская высшая власть, хотя и ободренная разгромом Шамиля, безусловно страшилась перспективы длительной войны на Западном Кавказе. В Петербурге куда лучше понимали реальное положение финансов и экономики страны, чем на Кавказе.

Но к полномасштабному компромиссу, включающему существование русских укреплений на землях адыгов, горцы были не готовы. Русские власти не собирались терять контроль над уже захваченными территориями.

М.И. Венюков, путешественник и этнограф, уже отличившийся при освоении Дальнего Востока, а в начале 1860-х годов командовавший батальоном на Западном Кавказе, свидетельствовал: «Когда Государь прибыл на Кавказ (август 1861 года. – Я.Г.), то охотно изъявил согласие на прием горских старшин, которые должны были заявить свои пожелания. Кажется, что

в то время в высших правительственных сферах не было решено, вытеснять ли горцев с их земель или оставить их там, ограничась проведением через их земли дорог и постройкою укреплений? Следующие слова официального «Обзора царствования императора Александра II», изд. в 1871 г., заставляют думать, что правительство было склонее на последнюю меру. Именно, в «Обзоре» говорится: «Огромность жертв, которых требовал план изгнания горцев из их убежищ и жестокость такой меры смущали энергию исполнения... Его величество, принимая горских депутатов, предложил им сохранение их обычаев и имуществ, льготу от повинностей, щедрый замен тех земель, которые отошли бы под наши военные линии, и требовал только выдачи всех русских пленных и беглых. Что же ответили горские старшины? На другой день они представили челобитную, в которой требовали немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и срыть наши крепости» [4, с. 415].

Это был последний момент, когда компромисс был возможен и адыги могли остаться на своей земле.

Реальность этой ситуации подтверждает и генерал М.Я. Ольшевский, прослуживший на Кавказе четверть века и, как увидим, горцам сочувствующий: «Представ пред государем императором спешенными и обезоруженными, они (депутаты от горских общества, Черкесии. – Я.Г.) были приняты великодушно явившимся перед ними русским царем. Но так как заявления депутатов были требовательны, то им объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают они ли выселиться из гор на указанные им места, или переселиться в Турцию? В противном случае, с наступлением ноября откроются военные действия и их заставят исполнить уже силою оружия то или другое» [11, с. 528.

Генерал Н.И. Евдокимов и его сторонники свое решение приняли, но, очевидно, еще не решились предъявить его императору как категорическое, зная настроения в верхах.

Решение это было принято еще в 1860-м году. Милютин вспоминал: «Главным предметом совещаний был план военных действий в Закубанском крае. В этом вопросе существенно различались взгляды генерал-лейтенанта Филипсона и графа Евдокимова. Первый отстаивал мнения, изложенные в первой его записке. (Вполне возможно, что компромиссные предложения императора базировались на записке Филипсона, которого он уважал. – Я.Г.) Основная мысль его заключалась в том, что горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от половины восточной, что к нему вовсе не применим тот образ действий, который привел к таким успешным: результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря. По мнению Филипсона, следовало кроткими мерами при содействии Магомет-амина достигнуть на всем Западном Кавказе такой же степени покорности, которая уже была достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и

нравам племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д. Нельзя не подивиться такому оптимизму Григория Ивановича Филипсона, тридцать лет прослужившего на Кавказе (именно в западной части его) и, стало быть, имевшего довольно времени, чтобы убедиться, как смотрят горцы на гуманность и кротость и как мало можно полагаться на изъявления их покорности» [9, с. 474].

Между тем есть сведения, что первоначально Милютин принял сторону Филипсона – он это впоследствии отрицал, – а затем был убежден Евдокимовым.

По сути дела, Филипсон и Милютин вполне могли быть союзниками. Оба они были военными интеллигентами, людьми образованными и исповедующими умеренно либеральные воззрения.

Александру II, воспитаннику Жуковского, Филипсон был ближе, чем Евдокимов, малообразованный, выслужившийся из нижних чинов, много претерпевший от горцев (дважды был тяжело ранен) и ненавидевший их. Таким образом, весы качались...

Филипсон отнюдь не был наивен и все особенности горского менталитета были ему известны лучше, чем Милютину. Но в отличие от Евдокимова он, последователь Раевского, под началом которого служил, мыслил стратегически и был сторонником процесса, а не одномоментного грубого действия, процесса с фундаментальным результатом – постепенной адаптации горцев к миру европейских представлений и поэтапного включения их в общеимперский организм.

То, что он писал в своей записке о международном аспекте будущей операций, тоже должно было быть внятно императору. Для него – в отличие от Евдокимова, – мнение Европы не было пустим звуком.

Цитируя «Обзор царствования императора Александра II», Венюков делает чрезвычайно существенное добавление: «Факт этот верен, да только в рассказе не договорено кое-что, что, может быть, было и неизвестно рассказчику и что именно я хочу здесь сообщить. После милостивого приема Государем депутатов, граф Евдокимов сильно опасался, что горцы примут императорское предложение и останутся на своих землях, под «покровительством» России, чего он никак не хотел допустить, порешив в своем уме выгнать их из гор всех до последнего. Зная легковерность азиятов, он командировал к ним ночью своего приближенного, полковника Абдеррахмана, и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего, даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный совет, и участь их была решена» [4, с. 416].

Венюков был серьезным ученым. Он ссылается в данном случае на надежный источник и есть все основания предположить, что его рассказ соответствует реальности.

Трагическая судьба адыгских народов была определена двумя факторами. Во-первых, неготовностью горцев к глубокому компромиссу, существенно менявшему не просто образ их жизни, но и фундаментальные их представления о своем месте в мире, представление, важнейшим элементом которого было

осознание свободы, которую русские авторы называли «дикой вольностью». Во-вторых, борьбой генеральских группировок в верхах Кавказского корпуса, одна из которых вообще отрицала возможность компромисса.

Надо иметь в виду, что Филипсон был явно не одинок в своем понимании грядущей трагедии. Цитированный нами генерал Мелентий Яковлевич Ольшевский, хотя и не высказывался прямо в поддержку позиции Филипсона, но в его воспоминаниях есть пассажи, свидетельствующие о его искреннем сочувствии черкесам.

Достаточно привести два взгляда на план Евдокимова, чтобы понять принципиальное различие существовавших позиций.

Венюков, отнюдь не ретроград, корреспондент Герцена, последние десятилетия своей жизни проживший в Европе, в эмиграции, писал о плане переселения горцев на равнину: «Длинная полоса земель вдоль левого берега Кубани, от самого ее истока, где жили издавна уже покорные карачаевцы, до начала дельты, предназначена была в исключительное их пользование. Таким образом, выходя из родных гор, они оставались ввиду их, в отношении производительности почвы ничего не теряли, а в отношении удобства сбыта своих произведений даже выигрывали. Одно могло не нравиться им: близость надзора русских, которых селения окружали их земли со всех сторон... Факта подобного этому я не знаю в истории никакого государства, кроме России. Янки Соединенных Штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истреблять. Англичане в Австралии, в Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакой, как зверей. Мы же долго боролись с черкесами как с равными противниками, и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен» [4, с. 435].

Однако куда более опытный и лучше знавший горцев Ольшевский смотрел на ситуацию существенно по-иному: «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда с степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?

К тому же каждый абадзех, шапсуг, убых понимал, что, с переселением в Черноморию или на Лабу, он будет лишен той независимости и свободы, которой пользовался в трудно доступных для нас горах и лесах? «

Венюков не учитывал – помимо прочего, того фактора, который так ясно очертил Ольшевский – фактора психологического – крушения традиционного мира, с которым человеческое сознание, особенно консервативно-патриархальное, расстается мучительно.

Сам же Венюков трезво осознавал положение, в которое могли попасть переселившиеся на равнину горцы: «Должен однако заметить, что граф Евдокимов, который был непосредственным исполнителем официального «проекта заселения западного Кавказа», не слишком заботился об участи

горцев, выселившихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей России войны, есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал все, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [11, с. 532].

Филипсон был не единственным противником этой тотальной доктрины Евдокимова. Позицию Филипсона поддерживал, по свидетельству того же Венюкова, и начальник Генерального Штаба Кавказской армии генерал А.П. Карцов, выпускник и преподаватель Военной академии, военный историк и теоретик. Но Евдокимов в это время уже пользовался поддержкой императора.

Методы, которыми проводилось вытеснение черкесов из мест их проживания, и ужасающие последствия этих методов известны.

Теперь мы представляем себе картину столкновения мнений в высших кругах кавказского генералитета, реальную расстановку сил и то уважение, которое питала немалая часть русского офицерства к своим противникам. Более того, с конца 1850-х годов просвещенная часть русского офицерства, служившего на Кавказе, стала разрабатывать проекты мирного включения горцев в структуру российской империи. Примером может служить очерк С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе» и полемика с ним Н. Августиновича, также продумывавшего способы «сближения». Судя по содержанию очерка С. Иванова, он хорошо знал быт кабардинцев [1, 5].

Основные идеи обоих авторов, по сути дела, восходят к идеям адмирала Мордвинова с их экономическим пафосом.

Если учитывать все вышесказанное, можно ли считать трагедию Черкесии жестко детерминированной? Полагаю, что нет.

Я не принимаю известную формулу: «История не знает сослагательного наклонения». Без анализа вариантов невозможно понять степень закономерности и смысл реально происшедшего.

Почему народы Чечни и Дагестана, сопротивлявшиеся имперской экспансии дольше и не менее ожесточенно, чем адыги, остались на своей исторической земле? Колонизационная проблема?

Но если горный Дагестан не представлял в этом отношении интереса для Петербурга, то плодородная плоскость Чечни была заманчивым приобретением. И тем не менее, несмотря на неоднократные переселения групп чеченцев с места на место, в основном они остались на своей земле. Хотя их присутствие представляло несомненную опасность и после окончания Кавказской войны.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что происшедшее с Черкесией было трагическим недоразумением, вызванным совокупностью различных обстоятельств и в значительной степени личностным фактором.

Горская элита Черкесии, находясь в плену мифологизированных представлений о международной ситуации и реальных возможностях России, пропустила благоприятные моменты, когда можно было пойти на компромисс с наименьшими для народов издержками. Основная масса горцев до последнего

периода не могла примириться с потерей главного – представления о себе как о людях свободных, что вело к снижению уровня самоуважения, фактора для горца фундаментального. Не говоря уже о том, что согласие даже на умеренные требования, включавшие в себя появление русского начальника с правами контроля, воспринималось как измена традиции предков.

Что касается российской стороны, то здесь значительную роль сыграла личность генерала Евдокимова со всеми его особенностями и отсутствие у высшей власти, как и у большинства кавказских генералов, стратегического взгляда на будущность Кавказа и России.

Ю. Толстой, биограф генерала Е.А. Головина, занимавшего в конце 1830 – начале 1840-х годов пост командующего Кавказского корпуса, писал на рубеже 1860-1870-х годов, когда была уже возможность трезво оценить результаты шестидесятилетней войны: «Самые лица, призванные к начальствованию этим краем, кто были они? Генералы, отличившиеся воинской доблестью – это правда! Но если с усилием подавив чувство восторга, невольно вызываемое в русском всяким подвигом воинской отваги, по совести спросить себя: кто из этих генералов заботился не о преходящей, часто бесследно, славе удачных поражений неприятеля, но о более прочной славе установления гражданского порядка, применениям требований этого порядка к местным требованиям, водворении в самих туземцах сознания, что порядок этот обеспечит их собственное благополучие, если поставить этот вопрос, то в длинном ряду правителей Закавказья не на многих именах можно остановиться». Ю. Толстой называет Цицианова, Ермолова, Воронцова и Барятинского. Это были – каждый в своем роде, – незаурядные люди, но вряд ли они в полной мере отвечали требованиям Ю. Толстого.

При том, что он совершенно точно поставил вопрос, он не обладал достаточным знанием исторического материала. Он должен был назвать Раевского, Филипсона, Карцова. Но свой пассаж Толстой заканчивает формулой, которую можно назвать ключевой в нашей проблематике. – «... Покорение Кавказа должно быть скорее нравственное, чем военное».

Мы знаем, что высшие власти империи долгое время не поддерживали идею тотального выселения адыгов. И с уверенностью можем предположить, что окажись на месте Евдокимова не менее авторитетный для Петербурга Филипсон – что было вполне вероятно при соответствующем стечении обстоятельств, – то реализовался бы иной вариант российско-кавказской истории.

Пушкин, немало думавший о Кавказе, глубоко понимавший сложность исторического процесса, рассуждая именно о возможности вариантов, в качестве одной из главных сил, влияющих на ход процесса, назвал «случай, могучее орудие Провидения»

И учитывая принципиальную многовариантность исторического процесса, надо тем более помнить завет мудрого Ключевского: «История, быть может, ничему не учит, но жестоко наказывает за невыученные уроки».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Августинович И.* По поводу статьи г. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе», помещенной в 6-й книжке «Военного Сборника» // Военный сборник. – 1859. – № 7. – С. 201-214.

2. *Архив графов Мордвиновых*: в 10 т. / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. – Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1901-1903. Т. 5. 1902. XXII, – 743 с.

3. *Архив Раевских*: Т. 1-5 / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург: тип. М.А. Александрова, 1908-1915. Т. 3: Письма 1839-1841 гг. 1910. XVII, – 718 с.

4. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания. 1861-1863 // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. – М.: Типография Лебедева, 1880. Книга 1. – С. 400-448.

5. *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – 1859. – № 6. – С. 541-549.

6. *Кавказский сборник*. Т. VIII. Приложение. – Тифлис: Типография Окружного Штаба, 1884. – 368 с.

7. *Короленко П.П.* Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Военный сборник. – 1893. – № 4. – С. 329-351.

8. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4-х томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. Т. 4. Проза. Письма. – 590 с.

9. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856-1860. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2004. – 560.

10. *Морской сборник*. – СПб.: Типография Морского Министерства, 1865.

11. *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с.

12. *Осада Кавказа*. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Сборник. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. – 688 с.

13. *Условия*, предписываемые покоряющимся горцам, составленные ген.-адъют. Граббе // Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1959. – С. 264-265.

14. *Федоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 // Кавказский Сборник. Т. III. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского Военного Округа, 1879. – С. 6-91.

15. *Шаховской И.* Воспоминания о Кавказе // Военный сборник. – 1876. – Т. 111, № 9. – С. 221-237; – № 10. – С. 447-468.

УДК 93/94 (479) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-69-85**

РОССИЯ И ЧЕРКЕСИЯ – ТРАГЕДИЯ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ

Я.А. ГОРДИН

Литературно-художественный общественно-политический журнал «Звезда».
191028 Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 20
E-mail: mail@zvezdaspb.ru

Аннотация. В работе исследуются представления русских государственных деятелей и генералитета о способах «замирения» Кавказа и превращения горцев в мирных подданных империи и предложения, сделанные горцам в разное время представителями российских властей. Особое внимание обращается на принципиальное несовпадение взглядов на

решение проблемы формата взаимодействия у горцев и группы радикального генералитета. Ограниченность имперского мышления, представленная наиболее отчетливо во взглядах и действиях генерала Евдокимова, обусловила непонимание в Петербурге реальной ситуации и сути проблемы кавказско-российского сосуществования.
Исследователем ставится вопрос о причинах неспособности враждующих сторон к заключению взаимоприемлемого согласия. Вытеснение черкесов из мест исторического обитания, трагедия Черкесии видится автором, как результат ненайденного компромисса.

Ключевые слова: Кавказская война; Черкесия; замирение; генералитет; горцы; имперское мышление; трагедия; компромисс.

RUSSIA AND CIRCASSIA – THE TRAGEDY OF UNCOMPROMISING

Ya.A. GORDIN

Literary and artistic socio-political magazine «Zvezda».
191028 St. Petersburg, Mokhovaya st., 20
E-mail: mail@zvezdaspb.ru

Abstract. The work examines the views of Russian statesmen and generals about the ways to «pacify» the Caucasus and turn the highlanders into peaceful subjects of the empire and proposals made to the Caucasians at different times by representatives of the Russian authorities. Particular attention is drawn to the fundamental mismatch of views on the solution of the problem of the format of interaction of the highlanders and that of the group of radical generals. The limited nature of imperial thinking, represented most clearly in the views and actions of general Yevdokimov, caused a misunderstanding of the real situation and of the essence of the problem of Caucasian-Russian coexistence in Petersburg.
The researcher poses the question of the reasons for the inability of the warring parties to achieve mutually acceptable consent. Displacement of the Circassians from the places of their historical habitat, the tragedy of Circassia, are seen by the author as a result of an unachieved compromise.

Key words: Caucasian war; Circassia; pacification; generals; highlanders; imperial thinking; tragedy; compromise.

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИДЕИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)[1]

С.А. АЙЛАРОВА

Адыгские просветители первой половины XIX века, остро осознающие социально-экономическую отсталость своего обширного края, выдвигают целую программу экономических преобразований. Они жаждут увидеть свои народы зажиточными и благоустроенными, не уступающими в предприимчивости и всевозможных промыслах народам Европы и России. Со страниц историко-этнографических трудов, проектов, записок просветителей встает впечатляющая картина современного им состояния хозяйственной жизни северокавказских народов (прежде всего адыгов), намечаются перспективы их экономического развития. Просветители настаивают на том, что только положительное отношение к хозяйственному труду, его высокий статус на шкале ценностей адыгской культуры во многом определит успех социально-экономического развития. Они анализируют этнические традиции хозяйствования и отмечают важность воспитания культурных установок на трудолюбие и бытовое устройство, повседневный практицизм и рационализацию хозяйства.

Шора Ногмов в своей «Истории адыхейского народа» писал, что «адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и пр.; на нашем языке есть названия всех хлебов». Наряду с земледелием, он пишет о многообразном скотоводстве, отмечая, что кабардинцы «имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец; но особое внимание было обращено на разведение хороших лошадей» [7, с. 71].

Однако по сравнению с уровнем жизни и хозяйствования народов модернизировавшейся Европы, адыги – народ бедный, с весьма неустроенным бытом. И Ш. Ногмов ищет причины не только в суровой природе и отсутствии контактов с более развитыми обществами, но и в низкой культуре и интенсивности труда во всех областях хозяйственной деятельности адыгов. Постоянные феодальные междоусобицы, набеги врагов, общая нестабильность, отсутствие гарантии сохранности плодов труда способствовали деградации традиционно высокой адыгской этики труда. «…Древние адыхе одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью… И действительно, адыхейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частных побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

впал и беспечность, леность и во все происходящие от них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самою грубою пищею и весьма худым жилищем» [7, с. 66]. Высокая адыгская этика труда в прошлом, по мнению Ш. Ногмова, – это не только продукт национальной жизни, но и результат интенсивных межнациональных контактов, в частности, цивилизующего влияния средневековой византийской культуры. Как пишет Ногмов, византийское духовенство «внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение», способствовало «возрождению искусств и художеств».

Но блестящие византийские ремёсла, развитые формы урбанистической и сельскохозяйственной деятельности не закрепились в суровом кавказском крае. Отсутствие единой государственности, национального единения и сплоченности сделали адыгов беззащитными перед ударами многочисленных могущественных врагов. «Бедный народ, облитый кровью, без крова и пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих лесах… Народонаселение уменьшилось, селения и пашни запустели, и с этого времени начался упадок адыхского, или антского народа, дотоле жившего в независимости» [7, с. 76-85].

Всем своим творчеством и общественной активностью кабардинский просветитель старался способствовать развитию экономики и культуры своего народа. Наиболее значительное место в общественной деятельности Шоры Ногмова занимает время, когда он служил секретарем Временного Кабардинского суда (1838-1942 гг.). Пользовавшийся авторитетом и уважением в обществе секретарь суда писал и подготавливал ходатайства, затрагивавшие самые назревшие экономические потребности кабардинского общества [5, с. 77; 9, с. 67-71; 6, с. 94-131].

В этом отношении интересны следующие документы – два рапорта Кабардинского временного суда, представленные на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, в которых была представлена обширная программа действий по хозяйственному и общественно-культурному развитию Кабарды, содержались предложения о строительстве при крепости Нальчикской училища для обучения кабардинских детей русской грамоте. Указанные документы, составленные от имени народа Шора Ногмовым, дают яркую характеристику его представлениям о путях дальнейшего хозяйственного и культурного развития своего края [8, с. 59-63].

Рапорт начинается с краткой истории русско-кабардинских политических связей. Далее автор описывает плачевное состояние просвещения в Кабарде. Необразованность народа является причиной не только гражданского беспорядка и анархии, но и убогого состояния хозяйствования. Из-за отсутствия образования совершали «с древних веков и до ныне» «гнусные поступки, от пустого воображения за лучшее отвергали самые полезные общественные занятия». Полезные общественные занятия – это занятия наукой, ремеслами, производительным сельскохозяйственным трудом, – заменялись организацией набегов, «воровством». «Вместо чтения книг некоторые упражнялись чисткою оружия.., вместо грамматики занимались обидой своих

ближних…, а вместо арифметики занимались разбоями и воровством…, а вместо прочих ремесленных наук занимались непримиримым тяжебным спором».

В документе подвергается критике вся феодальная система воспитания юношества, которая ориентировала их лишь на военные занятия, формируя презрительное отношение к честному хозяйственному труду. Составитель рапорта отмечает, что кабардинцы не имея «должного образования, никак не могли сами между собой принять такового для себя и отечества, остаются по всюду подобно охотникам без должного пристанища и к полезным занятиям по хозяйственной части, для улучшения своего состояния» приступить страшатся».

В силу всех этих обстоятельств, говорится далее в рапорте, «всякие полезные науке по дикой необузданности ныне кажутся им в тягость, в особенности для молодых людей, имеющих привычку более к шалостям и вредным занятиям».

Констатировав крайне неудовлетворительное состояние с общественно-нравственным и трудовым воспитанием кабардинской молодежи, автор переходит к практическим предложениям. Предлагалось прежде всего просвещение, обучение детей, для чего должна была строиться школа. Автор считает «за лучшим избрать, применяясь к прежним временам как всякий человек сотворен от всевышнего, одарен чувствами, разумом, способностями, обучение означенных детей».

Третьим пунктом рапорта-ходатайства шла просьба кабардинцев «О дозволении кабардинским владельцам и черному народу на отдачу их холопьев во внутрь российской границы, по кавказской области, русским ремесленникам для обучения разного рода мастерствам, на собственном их иждивении». Вернувшись на родину, специально обученные в России оригинальным ремеслам работники сформировали бы у определенной части населения желание освоить новые для Кабарды формы хозяйственной деятельности. Как отмечается в рапорте – «в последствии можно возбудить кабардинский народ быть готовым к трудам для лучшего приведения хозяйственных обиходов, а тем самым можно отвлечь всякого от вольнодумных гнусных действий» [8, с. 62].

В последующее время Ш. Ногмов выступал с рядом инициатив, в частности, о внедрении новых для Кабарды сельскохозяйственных культур в народное хозяйство, например, пшеницы, кукурузы и картофеля.

Ш. Ногмов поддерживал все новые веяния в хозяйственной жизни адыгских обществ. Где ярким словом, где делом он помогал становлению новой экономики Кабарды, формированию современной хозяйственной психологии и культуры.

Молодой Д.С. Кодзоков уже в первые годы своего пребывания на Кавказе был одержим просветительскими проектами преобразований в быту и хозяйствовании горцев, которые находил весьма несовершенными. В одном из писем своим приемным родителям Хомяковым 28 сентября 1839 г. он писал: «Теперь скажу о моих действиях… По моему убеждению приготовляется

материал для постройки русского дома с печьми и окнами, ибо жить в саклях зимою невозможно и убийственно, порождает множество болезней, особливо глазных. Начали строить баню русскую, ибо неопрятность выше всякого описания… Пример удивительно действует. Все соседи поговаривают, что все мною вводимое очень хорошее и можно надеяться, что со временем они последуют нововведениям. Вспомните, как брили русские бороды» [3, с. 93].

Уже в эти годы сложилось убеждение, что в основе бытовой неустроенности и разорительных традиций хозяйствования – низкий статус труда в обществе. «О беспечности жителей невозможно составить себе понятия: стада гибнут, лошади пропадают… О хозяйстве говорить нечего, это жалость. Из подаренных мне от кунаков лошадей, рогатого скота, овец я намерен положить основание примерному для их имений хозяйству, но недостаток людей и рук затрудняет всякие благоразумные меры… Изобилие естественных произведений, леса, трав, плодов, животных – все пропадает и гибнет без пользы из лености и беспечности…».

Он снова и снова повторял, что причины бедности и невысокого (по сравнению с европейскими) уровня развития горских народов – в недостаточной интенсивности труда («лености») в традиционных горских обществах: «Причина их бедного состояния не что иное, как лень выше всякого понятия». Уже тогда, в 30-40-е гг., XIX в. зародились у Д.С. Кодзокова планы организации образцово-показательных хозяйств, где его соотечественники могли бы познакомиться с более совершенными формами ведения сельского хозяйства, освоили бы ремесла, навыки домостроения и элементы европейского бытового комфорта. «Итак, можете убедиться, – писал он приемным родителям, – что мои преобразования ни к чему другому клонятся, как к личной и общей пользе; со временем, когда расширится круг моих действий, все убедятся в пользе моих стараний… Есть готовность многих к преобразованиям, не достигает смелости идти первому противу принятого обычая, которые между грубыми народами имеют более весу, нежели где-нибудь…» [3, л. 87 об.].

Молодой просветитель был полон планов реформ, жаждал многое переделать в адыгском быту и традициях хозяйствования, хотя и понимал на какую толщу обычно-правовых и ментальных представлений опирается традиционный уклад жизни кавказских народов.

Ф.А. Бекович-Черкасский указывал на ведущую роль земледелия и скотоводства в хозяйстве адыгских народов. Он обрисовывает довольно удовлетворительный уровень земледелия – «хлебопашество тамошних народов вообще в хорошем состоянии по причине благоприятствующего тому грунта земли» [2, с. 905]. Кроме того, он указывал на развитые скотоводство и пчеловодство, которые «значительнее хлебопашества». Адыги разводили «в большом количестве буйволов, коз и овец». Однако, несмотря на многоотраслевое сельское хозяйство и плодородную землю, местное население небогато. И причины – не только в недостатке у некоторых племен земли. Военных действиях на территории земледельческих угодий и всевозможных колониальных мероприятиях российской администрации, но и в невысокой

интенсивности земледельческого и скотоводческого труда. «Отличные пашни, леса – словом, всевозможные угодья могут при трудолюбии доставлять больше выгоды, но праздность, врожденная сему народу, составляет к сему преграды». В традициях дворянской и буржуазной историографии Бекович-Черкасский пишет о «врожденной праздности» кабардинцев, но речь идет о исторически сложившейся трудовой и хозяйственной культуре народа.

Препятствует интенсификации земледелия и характерный для традиционного хозяйствования принцип удовлетворения ограниченных потребностей, гарантирующих простое физическое выживание. Так, Бекович-Черкасский пишет, что «народы сии обыкновенно засевают только такую часть хлеба, какая по расчету нужна для собственного их пропитания и которую они надеются сбыть жителям кавказских вершин, не занимающихся хлебопашеством» [2, с. 905]. Поэтому для более продуктивного хозяйствования необходимо развитие торговли (путем «выгодной и значительной покупки» зерновых), а также строительства «кожевенных заводов, чтобы можно было переработать закупленное у местного населения сырье». Следовательно, сельское хозяйство адыгов, по мнению Бековича-Черкасского, должно быть оживлено элементами предпринимательства и коммерции.

О необходимости развития торговли, которая является «первой ступенью к образованности», писал и С. Казы-Гирей. Он предлагал снять все ограничения для развития русско-адыгской торговли, «вызвать в станицы Лабинскую и Темиргоевскую торговцев для распространения меновой торговли и стараться всячески облегчить ее для горцев» [5, с. 157].

Просветители мечтают о появлении на Северном Кавказе городов, центров урбанистической культуры, вокруг которых кавказские народы начнут формироваться в цивилизованный, знакомый с европейскими потребностями социум. «Черкесов прежде всего, – писал Ф.А. Бекович-Черкасский, – необходимо познакомить сколько-нибудь с роскошью, водворять между ними прочную оседлость». С этой целью, по его мнению, «…представляется величайшею пользою для возведения их на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды» [2, с. 871].

Для привлечения в город кабардинцев он предлагал вначале заселить его татарами-мусульманами, которые послужат им примером. Чтобы сделать город притягательным для всех северокавказских народов, Ф.А. Бекович-Черкасский выдвигал условие «при учреждении города предоставить людям всех состояний, на жительство в оном поселяющихся, льготы от всех государственных и земских повинностей на 15 лет».

Новый город должен быть «устраиваем по плану со всеми предметами роскоши и вкуса», с красивыми благоустроенными домами и прямыми улицами. В городе будет мечеть и разные учреждения, например, суд – мехкеме под председательством кадия, а также «училище для малолетних детей». Просветитель считал необходимым «людей, вызванных на жительство в город, разделить на три класса или сословия: первого класса люди, имеющих хотя даже незначительный капитал, но занимающихся продажею разных товаров,

для кабардинцев необходимых, должны именоваться купцами; второй класс – ремесленники и третий класс – земледельцы».

Город-полис начнет консолидировать вокруг себя все сословия адыгского общества, которые «в самое короткое время, оставив мрачные жилища, вертепы свои, поспешат с семействами в город поселиться». Городская торговля, в которую будут втягиваться кабардинцы, а также разнообразные формы межэтнического общения, в процессе которых они «сдружатся с людьми, благословляющими безмятежную, приятную жизнь», и приобщатся к оседлости, с «которой неразлучно трудолюбие и стремление к пользам».

Таким образом, город должен был стать не только экономическим, политическим, но и цивилизующе-культурным центром адыгов. Столкнувшись с другой, более развитой жизнью, княжеско-дворянская молодежь встанет на путь «перевоспитания», перестанет предаваться «сумбурной» и «разбойной» жизни, усвоит лояльность российской власти. Этому должна была способствовать обязательная для всех феодальных отпрысков военная служба до 25-летнего возраста, а также привлечение их к разного рода работам. «Ничто так не поселяет худых мыслей и не портит сердца людей, как праздность, – писал Бекович-Черкасский, – потому, дабы спасти кабардинцев от совершенной со временем гибели, поставить в обязанность местного начальства возложить на узденей и князей, еще в мужественном возрасте находящихся, различные обязанности, как-то: заседателей, надзор за караулами, табунами, за работами поселян, за действиями их и тому подобное» [2, с. 872].

О необходимости строительства экономико-административного центра, который станет для живущих в нем адыгов своеобразным «окном в Европу», укрепить связь северокавказских народов с Россией писали С. Казы-Гирей и С. Хан-Гирей. Казы-Гирей предлагал построить на Лабе аул, который «будет центром торговли, местом информации о событиях в мире и в адыгских обществах, станет местом «для постепенного введения европейской образованности» [4, с. 106]. Для Хан-Гирея также такое село со временем станет центром торговли, местом сосредоточения купцов и ремесленников – «поселение туда этих людей, без сомнения, принесет ту пользу, что эти места превратятся в цветущие города» [10, с. 322].

В таких центрах торговли адыги будут вовлекаться в коммерцию, сообщаться с предприимчивыми народами, которые, по мысли Казы-Гирея, будут указывать «горцам сначала на некоторые из местных богатств, которые они могут употреблять при меновой торговле, потом на богатства, которые племя, владение или целый народ может отдать на откуп предприимчивому человеку» [5, с. 159].

Хозяйственные проблемы и экономические перспективы адыгских народов – в центре внимания труда С. Хан-Гирея «Записки о Черкесии», где второе отделение второй части книги так и называется «Промышленность». В данной части книги Хан-Гирей освещает различные стороны «народной промышленности» – земледелие, скотоводство, традиционные промыслы, торговлю и т.д.

Переход народа от кочевничества к оседлости, навыки земледелия у адыгов уходят, по мнению Хан-Гирея, в глубокую древность. Затрудняясь определить, «когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца», он лишь отмечает, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен». На это указывают и фольклорно-этнографические данные: «В описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества и ему в известное время приносили благодарственные молебствия» [10, с. 241].

Хан-Гирей констатирует, что «черкесы... не могут заниматься как должно земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большого к себе внимания; поэтому и все их успехи в земледелии весьма ограниченны...».

Ведь для того, чтобы земледелие на Кавказе процветало как в Европе, необходимо сочетание целого ряда условий: высокой культуры и интенсивности труда, стимулирующей конкуренции и, наконец, помощи правительственных программ. Земледелие, приносящее «собою изобилие, может только усовершенствоваться постоянною рачительностью и улучшением земледельческих орудий, которые до высокой степени совершенства достигают лишь через долговременный опыт. К тому благодетельные попечения правительства распространяют земледелие и похвальное соревнование помещиков, которым оно приносит важные выгоды, дают этому источнику народного благосостояния прочное и совершенное основание». К сожалению, всех этих условий нет на его родине: «Черкесы... чуждые всего этого».

Орудия, которыми работают адыгские крестьяне, архаичны и примитивны. Неизменная технология поддерживалась натурально-потребительским характером земледелия, ориентированного на удовлетворение неизменных потребностей, и простое физическое выживание. «Вообще черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожаев подвергаются всем ужасным последствиям голода» [10, с. 242].

Застойность земледелия он объясняет неразвитостью обменов, замкнутостью всего хозяйственного цикла у адыгов. «Нерадению» адыгских крестьян «немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина». Одно из адыгских племен обнаруживало «привязанность к хлебопашеству» именно благодаря возможностям торговли с турками в анапском порту, «куда возили они хлеб на продажу этим последним».

Весьма развито было у адыгов приусадебное огородничество: «Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засевает он всякого рода огородные растения». Однако в контрасте с ним практически отсутствующее садоводство – адыги «не имели никакого понятия о садоводстве... и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют их леса».

С незапамятных времен адыги занимались скотоводством. «Они занимаются скотоводством, – пишет Хан-Гирей, – и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов – покровителей скотоводства, чем

доказывается с сколь давнего времени они занимались скотоводством». Со страниц «Записок о Черкесии» встает впечатляющая картина адыгского животноводства: здесь и разведение лошадей, коров, буйволов, овец, коз. «Рогатый скот, разводимый черкесами, мелок, но сложен хорошо, сносен для работы», а коровы «весьма обильны молоком».

В хозяйстве крестьянина рогатый скот занимал исключительное место – с его помощью производились все сельскохозяйственные работы, ибо у адыгов «нет употребления впрягать лошадей». «Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники сбрую конскую».

Отсюда – «довольно попечений» о содержании скота: его содержат зимой в теплых хлевах и «кормят трижды в день сеном». Для летнего времени держали специальные летние хлева; больную скотину также держали в особом хлеву.

«Довольно попечений» адыги уделяли также овцеводству. Овца имела большое значение в жизни всех северокавказских народов – «из овечьей кожи делают они шубу, единственную свою защиту от стужи, а из волны ткется сукно»; «баранье мясо предпочитается мясу всех других животных...» и «почитается... за особо благородную пищу» [10, с. 243].

Однако в целом адыгские племена «не богаты большими стадами овец», исключая «кабардинцев, бесленеевцев и махошевцев, которые имеют довольно большие стада». Лимитировалось разведение овец во многих, особенно горных, местностях недостатком кормов.

Но с особым интересом Хан-Гирей характеризует традиции адыгского коневодства. Не секрет, что кабардинская лошадь славилась в России высокими качествами породы. «Превосходство черкесских лошадей для верховой езды описывать было бы излишне, – пишет он, – кто из господ русских офицеров, хоть бы раз бывавших в походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения трудов. Сверх того, черкесские лошади сложены довольно хорошо и очень крепки» [10, с. 244-245].

С множеством подробностей и деталей описывает Хан-Гирей тот тщательный уход, благодаря которому формируется и воспитывается знаменитая лошадь. «Удивительно, с какою неутомимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом при наступлении жаров и зимою при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых... Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды» [10, с. 245-246]. Лошадь откармливается чистым зерном – «черкес... скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого». Даже представители высших сословий, не снисходящие до какой-либо физической работы, «собственными руками нередко обчищают копыта своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это исполнить».

Однако система хозяйствования адыгов, складывавшаяся веками и, казалось бы, гармонично приспособленная к природно-климатическим условиям местности, оценивается в итоге Хан-Гиреем достаточно критически. Она удовлетворяет само традиционное адыгское общество, но обнаруживает весьма низкий уровень в сравнении с экономикой и хозяйственными навыками современных Хан-Гирею передовых народов Европы. Таких критических замечаний у Хан-Гирея можно найти множество. Например: «Черкесы... не радеют о скотоводстве, подобно другим народам, хотя страна, ими занимаемая, богата привольными пастбищами»; или: «...черкесы... не прилагают больших попечений об улучшении и разведении разных пород скота, и если у них некоторые из них, как-то: овцы, а в особенности лошади, превосходны, то это должно приписать более тучности земли и благорасположению климата их страны, нежели попечению владельца».

И, пожалуй, для Хан-Гирея ясны причины такого отставания от «просвещенной Европы» – это прежде всего низкий культурный статус труда в адыгском обществе. По этому поводу он бросает замечания о черкесах, «чуждых хозяйственного труда», и сетует на то, что «господствующий класс в Черкесии считает земледельческие работы постыдными для своего сана» [10, с. 122]. Ведь даже те огромные заботы, которые кладутся на то, чтобы выхолить и выкормить породистую лошадь, направлены не на то, чтобы с этим благородным животным заняться производительным трудом – «таким образом выдержанная лошадь» готовится для войны и набега, и «наездники пускаются искать на ней опасностей, славы и добычи в удальстве» [10, с. 246].

И не случайно из домашних промыслов наиболее развиты и «производят превосходные изделия» те, что обслуживают и соприкасаются с военно-феодальным укладом жизни. «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала и искусство их во всем, что касается до оружия, – пишет он, – вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностию для употребления» [10, с. 250]. Адыги даже сами изготавливали порох, технология изготовления которого подробно описывается Хан-Гиреем.

Кроме того, просветители сообщают о ремесленных занятиях «всякого рода, какие только им (адыгам. – С.А.) потребны для ограниченного круга их надобностей». Так, Шора Ногмов пишет о развитом кузнечном производстве: «Древние адыхе, имея некоторое понятие об искусствах, вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы». И хотя адыги, как отмечает Хан-Гирей, «не имеют никаких фабрик, заслуживающих это название, и всякий мастер или мастерица работает у себя на дому,» – но они «по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления» [10, с. 248]. Он указывает на великолепное искусство вышивки золотом и серебром,

которым «отличаются женщины высшего класса», изготовление бурок, войлоков и полстей.

Хозяйство адыгских народов включало также рыболовство, пчеловодство, звероловство. Пчеловодство было хорошо поставлено и приносило «чрезвычайно много пользы». Мед и воск потребляются в домашнем быту, а также «с выгодою продаются». Звероловство, по мнению Хан-Гирея, «не обращает на себя надлежащего... внимания». «Приносящее северным народам великие богатства», оно и адыгов могло «обогащать... весьма важною торговою статьею». Однако ввиду стойкого предубеждения против занятий торговлей, для феодалов «ловить зверей для продажи их мехов считается постыдным». Крестьянство же мало занимается этим промыслом, поскольку «торговля мехами, будучи незначительна, не поощряет надлежащим образом жителей к звероловству» [10, с. 247].

Главным препятствием в деле укрепления экономического благосостояния адыгских (и всех северокавказских) народов С. Хан-Гирей видит в отсутствии государственности, гражданского правопорядка, господства феодальной междоусобицы и анархии. Не могло быть процветающего земледелия и скотоводства там, где «...земледелец под защитою ружья обрабатывает свою землю» и где мирных крестьян поджидает «непрестанная опасность, сопровождающая их в течение всей жизни».

Тем менее в условиях войны и постоянных набегов могла процветать торговля. «Торговля, – пишет Хан-Гирей, – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилие знатного воина лишает слабейших собственности; следственно, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни». Небольшие торговые обороты с казачьими станицами и на рынках вдоль Кавказской линии из-за отсутствия денежной системы носили меновой характер. «Черкесы не имеют собственных денег, да и чужестранных серебряных и золотых монет у них весьма мало в обращении. Вообще они эти деньги принимают лишь как драгоценный металл и вся их торговля производится посредством мены» [10, с. 251].

Если со стороны адыгов в обмен шли товары местного производства – меха, кожи, мед, воск, масло, а также строительный лес, то со стороны России – изделия русской промышленности – ткани, галантерея, посуда и утварь, соль.

Для меновой торговли в нескольких населенных пунктах – Моздоке, Екатериноградe, Прочноокопе, Бугазе – устроены «так называемые меновые дворы с карантинами для очищения товаров от зачумления». Однако мена, «при них производимая, весьма незначительна», кроме того, меновые дворы действовали непостоянно, а то и вовсе закрывались.

Необходимы, по мысли Хан-Гирея, энергичные меры по развитию торговли и ремесленного производства, формированию определенной категории работников, которые могли бы этим заниматься профессионально. Например, «создать в Черкесии из черкес же сословия купцов и ремесленников постоянных», ибо «промышленная предприимчивость... не чужда... духу этого

народа» [10, с. 322]. Для этой деятельности подойдут свободные крестьяне – «из простого независимого класса вольных земледельцев избрать людей, способных к торговым оборотам, преимущественно тех, которые и до того времени занимались таковыми». Для того чтобы такая торговля набрала обороты, ей необходима правительственная финансовая поддержка. «Дать им товары сначала на маловажную сумму для закупки предметов торговли, обязав их доставлять в назначаемые им места закупленные товары для отправления в Россию, предоставляя им значительные выгоды от подобных торговых оборотов так, чтобы они могли составить себе капиталы, хотя незначительные, разумеется, причем должны соблюдать интересы казны и обеспечивать суммы, отдаваемые этим новым купцам».

Для увеличения и разнообразия товаров он предлагает предоставить средства в виде инструментов и материалов адыгским ремесленникам, с тем чтобы они также могли составить себе капиталы. Места поселения купцов и ремесленников в будущем «превратятся в цветущие города», что будет «способствовать к вящему освоению туземцев с гражданственностью».

Для приобретения профессиональных навыков будущих купцов и ремесленников надо направить в Россию – здесь они «сделаются искусными в торговых оборотах». Знакомясь с новым укладом жизни, с российской культурой, с русскими городами, они, «видя... дивные произведения искусства Европы, фабрики и другие заведения, сами занимаясь там работами, совершенно привяжутся к цели своего назначения». Таким образом, эти пионеры модернизации отсталого края, «обогащая себя, обогатят и своих соотечественников и послужат немаловажным орудием... посеяний в Черкесии плодов гражданственной жизни» [10, с. 323].

Государственность и гражданский порядок – вот гаранты будущего экономического преуспевания и торговой активности адыгских народов. И Хан-Гирей не устает повторять, что «народ черкесский, одаренный от природы многими способами ума и духа, склонен... к торговле и что с искоренением вредных предрассудков и водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно, и торговля закипит и процветет по манию мудрого устройства порядка и управления».

При условии развития гражданственности на этой многострадальной земле возможно будет и «устроение солеваренных заводов», и «собирание и сбыт нефти, и заведение фабрик и заводов». Прекращение кровавого беспредела междоусобиц и набегов, изнуряющих «эту прекрасную, но от беспорядка несчастную землю», откроет новую, цивилизованную эру для адыгских народов, для любимой Хан-Гиреем Черкесии. Он понимает, что для его поколения это счастливое время еще не наступит, но «дети наши насладятся этим счастием» [10, с. 253].

В своем творчестве северокавказские просветители первой половины XIX века уделили большое внимание теме хозяйственной деятельности и перспективам экономического развития адыгских народов. Они ставят вопрос о необходимости обновления и совершенствования хозяйственной культуры,

развитии торговли, строительстве городов. Отмечают они и необходимый аспект будущей модернизации – новое отношение к труду, повышение его общественного статуса. Со всей остротой отстаивается в их трудах главное условие успешной модернизации – становление гражданственности, российской государственности, власти законов на их родине. Несмотря на утопизм некоторых проектов, выдвинутые просветителями предложения могли способствовать созданию предпосылок для развития Северного Кавказа по пути хозяйственного прогресса, развитию товарно-денежных отношений и приобщению региона к общероссийской экономической системе [1].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айларова С.А., Тебиева Л.Т.* Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII-XIX вв.). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 294 с.

2. *Акты* Кавказской археографической комиссии (АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. – 1011 с.

3. *Государственный* исторический музей – Отдел письменных источников (ГИМ-ОПИ). – Ф. 178. – Оп. 1. – Д.33.

4. *Кумыков Т.Х.* Казы-Гирей. – Нальчик: Эльбрус. 1978. – 143 с.

5. *Кумыков Т.Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 176 с.

6. *Нагоев М.Б.* Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 407 с.

7. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. / Вступ.ст. и подг. текста Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

8. *Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 13454. – Оп. 2. – Д. 337.

9. *Туганов Р.У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 384 с.

10. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подг. текста к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 345 с.

УДК 93/94 (470.64) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-86-98**

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИДЕИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

С.А. АЙЛАРОВА

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10.
E-mail: soigsi@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются хозяйственные воззрения адыгских просветителей, формировавшиеся в конкретной социально-экономической обстановке XIX в. Новые исторические условия встречи народов Северного Кавказа с капитализирующейся Россией, поставили адыгские общества перед необходимостью модернизации, обновления экономики, социальных отношений, повседневного быта широких народных масс. В фокусе исследования находится именно адыгская интеллигенция, осознавшая требования эпохи,

поставившая задачу становления новой хозяйственной культуры, которая восприняла бы все лучшее из европейской и русской культуры, и в то же время сохранила бы национальные достижения в хозяйственной деятельности. В осмыслении этой проблемы лучшим представителям адыгской интеллигенции помогало знание специфических особенностей местной экономики и одновременно форм хозяйственной практики, порожденных европейским прогрессом.
Движение экономической мысли и просвещения, происходившие в тесной связи с обновлением социально-экономических структур общества, отражено в индивидуальных творческих судьбах адыгских просветителей – Ф.А. Бековича-Черкасского, Ш.Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, С. Казы-Гирея, Д.С. Кодзокова и др. Их труды являются одними из самых репрезентативных источников по истории хозяйственно-экономического развития горских народов в XIX веке. Изучение работ адыгских просветителей позволяет делать выводы о видении ими трудностей, перспектив и конкретных программ хозяйственного развития и преодоления экономической отсталости края.

Ключевые слова: адыгские просветители; хозяйственная жизнь; Северный Кавказ; адыги; земледелие; скотоводство; этика труда; ремесло; торговля; модернизация.

CULTURAL-ECONOMIC IDEAS OF THE ADYGHE ENLIGHTENERS (FIRST HALF OF XIX CENTURY)

S.A. AYLAROVA

North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches named after V.I. Abaev.
Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue., 10.
E-mail: soigsi@mail.ru

Abstract. The economic views of Adyghe enlighteners, which were formed in the concrete socio-economic situation of the XIX century, are investigated in this work. New historical conditions for the acquaintance of the peoples of the North Caucasus with capitalizing Russia, presented the Adyghe societies with the necessity for modernization, renewal of economic, social relations and everyday life of the broad masses of the people. The Adyghe intelligentsia is precisely in the focus of this study, because it realized the requirements of the era, set the national task of creating a new economic culture that would take all the best from European and Russian culture, and at the same time would preserve national achievements in economic activity. In understanding this problem, the best representatives of the Adyghe intelligentsia were helped by the knowledge of the specific features of the local economy and also of the forms of economic practice generated by European progress.
The progress of economic thought and enlightenment, which took place in close connection with the renewal of the social and economic structures of society, is reflected in the individual creative destinies of the Adyghe enlighteners – F.A. Bekovich-Cherkassky, Sh.B. Nogmov, S. Khan-Girey, S. Kazy-Girey, D.S. Kodzokov, etc. Their works are of the most representative sources on the history of economic and economic development of the highlander peoples in the XIX century. The study of the works of Adyghe enlighteners makes it possible to draw conclusions about their vision of difficulties, prospects and specific programs of economic development and overcoming the economic backwardness of the region.

Key words: Adyghe enlighteners; economic life; North Caucasus; Circassians; agriculture; cattle breeding; ethics of labour; craft; trade; modernization.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ[1]

З.Я. ЕМТЫЛЬ

Современный этап развития отечественной исторической науки обозначился в целом падением познавательного интереса к теоретико-методологическим проблемам исторического познания и смещением акцента с вопросов о способах получения исторического знания на результаты исторических исследований. В результате произошло значительное расширение проблематики научных исследований, многие ранее не известные факты истории адыгов стали предметом общественного достояния. Однако настоящий прорыв в развитии адыговедения видится сегодня в формировании серьезной теоретической основы проводимых исследований.

Одним из перспективных направлений разработки адыгской истории нуждающимся в теоретическом осмыслении, является история интеллигенции. Она выступает как связующая проблем политического, культурного, ментального уровня и интегрирует в себе такие важные направления исторического знания как общественно-политическая история, развитие культуры и образования адыгов.

Значимость разработки истории национальной интеллигенции, опыта ее общественной деятельности обуславливается и этнокультурной ситуацией на Северном Кавказе, характеризующейся обострением национального самосознания адыгских народов, активным поиском ими форм национальной и культурной идентичности в условиях существования в рамках полиэтнического российского государства, что предъявляет новые требования к интеллигенции, далеко выходящие за ее профессиональные или культурно-образовательные функции. Перед интеллигенцией встает задача переоценки ценностей, духовного синтеза, способствующего осознанию народом не только своего этнокультурного своеобразия, но и специфичности национальных потребностей и интересов. Именно на национальную интеллигенцию ложится задача определения места и роли своего народа как в системе глобальной, так и общероссийской совокупности народов.

Говоря о формировании теоретических подходов к разработке истории адыгской интеллигенции, представляется целесообразным сфокусировать исследовательское внимание на ее деятельностной стороне. При этом принципиально важно учесть влияние как объективных, так и субъективных факторов, определявших характер, содержание и направление развития общественного аспекта деятельности интеллигенции и обратного воздействия

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта 14-11-23007 «Роль национальной интеллигенции в инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство в конце XIX в. – 20-е гг. XX в. (по материалам адыгских народов)». (Региональный конкурс «Северный Кавказ: традиции и современность»).

деятельности интеллигенции на жизнь общества. Необходимо учитывать, что интеллигенция – сложное социокультурное явление общественной жизни, одновременно является объектом и субъектом социальной реальности. «Она, с одной стороны, продукт социального ландшафта и отражает состояние развития общества, с другой стороны, воздействует и видоизменяет своей деятельностью весь общественный организм» [10, с. 58]. В поле исследовательского внимания должны находиться не только факторы, обусловившие формирование адыгской интеллигенции, ее социальный и профессиональный состав, но и непосредственно деятельность самой интеллигенции в наиболее значимых сферах общественной жизни. Такой подход к исследованию истории интеллигенции позволит расширить исследовательское видение, создавая условия для комплексной реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции и вывести исследования по истории национальной интеллигенции на качественно новый уровень осмысления проблем.

Признавая необходимость сосредоточения исследовательского внимания на деятельностной стороне истории адыгской интеллигенции, следует упомянуть В.Т. Ермакова [5, с. 63], который в свое время справедливо отмечал, что именно деятельностная концепция истории российской и советской интеллигенции приобретает решающее значение в разработке и освещении ее истории. Именно на этом участке исторического познания исследователей ждут реальные достижения.

При этом он предложил сосредоточить внимание на трех аспектах, не устанавливая жесткой иерархии между ними: а) исполнение различными отрядами интеллигенции своего профессионального долга; б) гражданской позиции интеллигенции, то есть исполнение ею своего гражданского долга служения народу, родине, высоким идеалам; в) характеристике морального и нравственного «поведения» интеллигенции [6, с. 19]. Однако в отечественной историографии интеллигенции по-прежнему господствует подход, в основе которого лежит изучение каналов и способов формирования интеллигенции, анализа ее социального и профессионального состава.

Важным аспектом в изучении деятельностной стороны истории адыгской интеллигенции является исследование истории идей, получивших распространение в среде интеллигенции, в том числе через биографии отдельных представителей интеллигенции и их социокультурного окружения. Объектом исторического исследования должна выступать не только событийная сторона истории, безусловно, отражающая содержание деятельности национальной интеллигенции. Теоретическая установка должна состоять в том, чтобы отойти от традиций историописания интеллигенции, сконцентрировав исследовательское внимание на движении идей в среде национальной интеллигенции во взаимодействии не с абстрактным историческим окружением, а теми политическими, культурными, религиозными и социальными контекстами, в которых эти идей рождались, распространялись, модифицировались и трансформировались.

В данном случае речь идет не только о «великих идеях», но и о тех,

которые разделялись большими группами людей и имели распространение в рассматриваемый исторический период. Такой подход позволяет наиболее полно, с одной стороны, отразить субъективность интеллигенции, с другой, осознать ее влияние на интеллектуальное состояние адыгского общества. Учитывая современное состояние научного знания стоит отметить, что проблема интеллигенции является одной из тех, которые успешно могут быть исследованы в контексте такого относительно нового для отечественной науки направления, как интеллектуальная история.

Новые возможности в разработки проблемы открываются в связи с постепенным преодолением в отечественной исторической науке предметной односторонности исторического исследования, отдающей приоритет в истории социальным явлениям над индивидуальными. Социальные образования перестают рассматриваться как исходные элементы исторического исследования. Меняется предметная область на изучение собственно «человека истории». «Антропологизация» исторической науки означает не только расширение проблематики исторических исследований, но и перенос исследовательского интереса на внутренний, духовный мир человека, мотивации его деятельности. Данная методологическая ситуация открывает новые возможности для осуществления научных исследований не только по истории адыгской интеллигенции, но и отечественной интеллигенции в целом.

Большое методологическое значение для исследования истории адыгской интеллигенции имеет понимание того, что интеллигенция, как и любое явление общественной жизни, не является статичным и способна видоизменяться под влиянием меняющихся конкретных исторических условий. Каждая эпоха накладывает на «облик» интеллигенции «свою печать, колорит времени», востребуя те или иные ее качества [1, с. 5].

Рубежным событием в истории российской интеллигенции вообще и адыгской в частности стали революционные преобразования в Российском государстве. Они не только привели к ломке всей системы общественных и социальных связей, но и предопределили существенные качественные и количественные изменения как российской интеллигенции в целом, так и адыгской национальной интеллигенции в частности. Это был тот случай, когда историческое развитие адыгского народа и его интеллигенции стимулировалось факторами внешнего характера, круто изменившими условия существования во всех сферах общественной жизни.

Сразу же после прихода к власти большевики стали последовательно реализовывать политику создания новой интеллигенции. Она основывалась на принципах, во многом противоположных дореволюционным, что вело к снижению «качественного» уровня интеллигенции и «сужению» ее функционального поля. В связи с «растворением» дореволюционной интеллигенции среди выходцев из других социальных слоев существенно видоизменялись групповые черты интеллигенции, заметно снизился культурно-образовательный уровень интеллигенции, а масштабные репрессии в сочетании с массовой идеологической обработкой содействовали унификации сознания интеллигенции, ее оппозиционного потенциала [4, с. 27].

Тем не менее в своей сущностной основе интеллигенция продолжала существование[1] [8, с. 10-11]. Более того, в условиях неразвитости системы среднего и высшего профессионального образования в особенности в национальных регионах, к которым относились в том числе адыгские образования, происходило широкое вовлечение «старой» интеллигенции в процесс подготовки «новой» интеллигенции. Таким образом, «старая» интеллигенция имела определенное влияния на формировавшуюся интеллигенцию советского общества. В данном случае, возможно говорить о серьезной трансформации интеллигенции под влиянием изменившихся общественно-политических обстоятельств[2].

Говоря о результатах деятельности советской власти в области формирования «новой» адыгской интеллигенции, следует отметить, что политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификаторству. Широко тиражируемые новой властью представления о культурной отсталости национальных меньшинств и засилии патриархально-феодальных пережитков, подлежащих решительному искоренению, постепенно формировали у новой национальной интеллигенции отторжение национальных основ культуры. Интеллигенция становилась проводником ценностей и культуры, размывавших национально-культурную специфику своего народа. В известной степени происходила денационализация интеллигенции. Оставаясь национальной по формальному признаку (этническая принадлежность), интеллигенция становилась носителем и проводником ценностей, ориентированных не на сохранение и развитие национально-культурной специфики своего народа, а на интернационализацию его сознания и быта.

Исходя из того, что адыги на протяжении столетий находились в зоне активного политического, межкультурного взаимодействия с Османской и Российской империями, а со второй половины XIX в. были включены в состав последней, особое теоретическое значение при разработке истории адыгской интеллигенции приобретает выявление роли факторов внешнего воздействия как на процесс формирования, так и содержание деятельности адыгской интеллигенции. Важное теоретическое значение имеет понимание того, что подверженность Северного Кавказа на протяжении длительного времени мощному влиянию двух цивилизаций – Западной и Восточной обусловила

[1] Осинский И.И. не без оснований сделал вывод о том, что советскую интеллигенцию возможно рассматривать как интеллигенцию собственном смысле. Эта новая советская интеллигенция считала своим гражданским долгом формирование у подрастающего поколения таких высоких нравственных качеств как любовь к Родине, интернационализм, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность, добросовестность и др. Продолжая традиции дореволюционной интеллигенции, ее представители лелеяли высокую научную и художественную мысль, несли народу просвещение, общественные идеалы, умножая духовные ценности страны.

[2] Следует отметить, что проблема преемственности интеллигенции на протяжении многих лет носит острый дискуссионный характер. Сторонники преемственности советской интеллигенции по отношению к дореволюционной признают, что интеллигенция, воспитанная в условиях жесточайшего идеологического диктата во многом утратила такие качества дореволюционной интеллигенции как терпимость к инакомыслию, оппозиционность к отрицательным явлениям существующего режима, но вместе с тем сохранила многие положительные качества, свойственные интеллигенции, и достигла значительных успехов в развитии просвещения, науки, техники и искусства.

появление в составе национальной интеллигенции носителей различных типов ценностей (западных и восточных) [1] [9].

Обращая внимание на необходимость выявления роли факторов внешнего воздействия на процессы, связанные с историей адыгской интеллигенции, следует отметить недопустимость смещения исследовательского акцента в сторону рассмотрения интеллигенции исключительно как управляемого объекта как это происходило в советской и отчасти в постсоветской историографии интеллигенции. Необходимо понимание того, что интеллигенция является сложным явлением общественной жизни, выступающим одновременно в роли объекта и субъекта социальной реальности, ее продукта и создателя.

Учитывая региональный аспект исследуемой проблемы, большое методологическое значение для ее разработки имеет понимание того, что исследование истории интеллигенции национальных регионов вообще и адыгской в частности должно осуществляться с новых исследовательских позиций. В современной отечественной методологии местной (локальной) истории происходит осознание важности преодоления сложившейся в отечественной науке традиции, состоявшей в стремлении к «подтягиванию» местной истории, как считалось к уровню более высокой русской истории, и «подгонки» ее под уже исследованные явления в центральной России, в лучшем случае упоминая о специфических особенностях [13, с. 102].

Зреет понимание того, что в российской истории господствуют нелинейные отношения между целым и частным и упрощенный «линейный взгляд» не позволяет понять многомерность исторического процесса и не способствует вскрытию сложного «устройства» российского общества [3]. «Новая историографическая культура не приемлет старых как метанарративных стилей, свойственных макроисторическому построению, так и антикварных или эрудитских подходов к написанию локальных историй, характерных для краеведения» [7].

Важно понимание того, что адыгская интеллигенция представляла собой проявление локальной истории в пределах истории российского государства. Исследование истории данного социокультурного явления должно быть ориентировано на то, чтобы выявить его специфические черты как проявления культуры локального мира. При этом речь не идет об ограничении исследовательского пространства исключительно национальными рамками.

В данном случае речь идет о необходимости исходить из понимания того, что интеллигенции как социокультурному явлению свойственно многообразие форм, обусловленных в том числе ее этническим происхождением, которые не должны быть стандартизированы. Думается, что в контексте формирования новых подходов к исследованию локальной истории, исследовательский акцент должен быть несколько перемещен с линейного исторического метанарратива

[1] Северокавказский регион традиционно в научном дискурсе понимается как регион пограничный, своеобразный «мост» между Севером и Югом. С точки зрения С.И. Панарина, этот мост первоначально ориентировался на контакт с Югом, однако приход на Кавказ России привел к переориентации его на Север.

на локальные социокультурные пространства и их включенность в глобальную перспективу.

Такой подход к исследованию истории адыгской интеллигенции не только обогатит новыми фактами из жизни региона эмпирическое пространство общероссийской истории, но и создаст возможности для расширения тематики исторических исследований по проблеме интеллигенции в целом, поможет приблизиться к пониманию всей сложности и многообразия проявлений интеллигенции как универсального явления в жизни различных народов.

Большое методологическое значение для осуществления исследования истории интеллигенции вообще и адыгской в частности имеет понимание того, что интеллигенция как социокультурная группа всегда и везде представляет собой явление многообразное, дифференцирована политически, идеологически, социально, профессионально и т.д. Как справедливо отмечал В.Т. Ермаков, «и российская и советская интеллигенция никогда не была единым и однообразным монолитом» [5, с. 65]. Поэтому в раскрытии многообразной противоречивости интеллигенции на социокультурном, историософском, мировоззренческом, идейно-политическом, морально-нравственном и иных уровнях состоит одно из перспективных направлений обновления и углубления отечественной историографии интеллигенции [6, с. 23].

Говоря о многообразии и дифференцированности интеллигенции, следует особо отметить, что она в полной мере проявила себя в период революционных преобразований в России. Политическая позиция адыгской интеллигенции определялась целой совокупностью мотивов, которая выходила далеко за рамки социального происхождением, места в системе социальной иерархии, материального положения, профессиональной принадлежности. В частности, в исследовании истории адыгской интеллигенции в революционный период предстоит выявить значение и роль таких факторов как культурно-религиозного, мировоззренческого, национального.

Стоит отметить, что необходимость преодоления упрощенного, прямолинейного подхода к вопросу о политической ориентации интеллигенции была отмечена еще советскими исследователями в 70-80-е гг. XX в. На важность выявления роли субъективных, социально-психологических факторов в определении позиции интеллигенции в отношении революции и советской власти указывали С.А. Федюкин [12, с. 32] и В.С. Волков [2]. А.В.Ушаков обращал внимание на неверность сложившейся схемы, согласно которой к дворянско-монархическому лагерю принадлежали интеллигенты из дворян, занимавшие должности крупных чиновников и офицеров; буржуазно-либеральная интеллигенция обязательно включала профессоров, адвокатов, журналистов, а пролетарская – революционеров, выходцев из неимущих слоев. Она сводила сложные явления к простым, игнорируя богатейшую гамму политических, психологических, профессиональных и других факторов [11, с. 53]. Однако избавиться от подобного догматизма отечественной историографии интеллигенции в полной мере так и не удалось.

Исходя из наличия в отечественной исторической науке большого количества и диапазона оценочных формулировок в отношении «российской» и

«советской», «старой» и «новой» интеллигенции, представляется необходимым определить исследовательскую позицию в этом вопросе. Думается, что оценочные крайности препятствуют формированию объективных, научно обоснованных представлений как на место и роль интеллигенции в сложных, порой противоречивых процессах социально-политической, культурной трансформации, происходивших на протяжении всей истории интеллигенции, так и на содержание изменений самой интеллигенции как социокультурного слоя.

Осмысление теоретических основ исследования истории адыгской интеллигенции привело к выводу о необходимости рассмотрения адыгской интеллигенции в качестве социокультуного явления, отражающего как состояние развития общества, так и активно воздействующего на весь общественный организм. Предметом особого исследовательского внимания должна стать деятельностная сторона истории адыгской интеллигенции во всем ее разнообразии и противоречивости. При этом принципиально важно понимание того, что интеллигенция всегда в силу своей особой природы представляет собой явление многообразное, дифференцирована политически, идеологически, социально, профессионально и т.д., что делает невозможными упрощенные прямолинейные оценки деятельности интеллигенции и лежащей в ее основе мотивации.

При разработке истории адыгской интеллигенции принципиально важное теоретическое значение имеет понимание того, что интеллигенции как явлению свойственно многообразие форм, обусловленных в том числе ее этническим происхождением, которые не должны быть стандартизированы. Вместе с этим следует иметь в виду, что она, как и любое явление общественной жизни, не является статичной, способна видоизменяться под влиянием меняющихся конкретных исторических условий существования.

Исследование истории адыгской интеллигенции на обозначенных теоретических установках позволит не только значительно расширить исследовательское поле, создавая условия для комплексной реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции, но и что не менее важно в условиях современного общества, переосмыслить социальную роль и место интеллигенции в обществе, понять масштабы последствий, связанных со сведением функций интеллигенции к удовлетворению профессионально-кадровых и пропагандистских запросов власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселов В.Р.* Интеллигенция на рубеже эпох: проблемы исторического выбора и преемственности // Интеллигенция и мир. – 2001. – №1. – С. 5-11.

2. *Волков В.С.* Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научного обоснования политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Вып. 2. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1978. – С. 3-11.

3. *Гомаюнов С.* Местная история в контексте россиеведения [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал: Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/793/614/1216/006Gomayunov.pdf (дата обращения: 28.01.2017).

4. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX – начала 30-х гг. XX в. – Краснодар: Изд. дом Юг, 2010. – 351 с.

5. *Ермаков В.Т.* Интеллигентоведение как самостоятельная область исторического знания (К постановке вопроса) // Интеллигенция и мир. – 2001. – №1. – С.61-65.

6. *Ермаков В.Т.* Интеллигенция России в XX столетии (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность: сборник статей. – Иваново, 1996. – С. 16-24.

7. *Колесникова М.Е., Маловичко С.И.* Новые направления региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2004. – №39. – С. 48-58.

8. *Осинский И.И.* Интеллигенция и некоторые проблемы гуманизма // Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти. – Омск, 1993. – Ч.1. – С. 7-15.

9. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе // Россия и Кавказ – сквозь два столетия: Исторические чтения. – СПб.: Журнал «Звезда», 2001. – С. 35-46

10. *Соколова Ф.Х.* Интеллигенция европейского севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1017-1930-е годы): дис… докт. истор. наук. – Архангельск, 2005. – 632 с.

11. *Ушаков А.В.* Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций (профессиональная и политическая структура) // Интеллигенция и революция. XX век: сборник статей. – М.: Наука, 1985. – С. 48-57.

12. *Федюкин С.А.* Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция: сборник статей. – М.: Наука, 1985. – С. 20-33.

13. *Шеуджен Э.А.* Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Шеуджен Э.А. Путь в историю: В поисках методологии исследования. – Майкоп: Качество, 2007. – С. 96-103.

УДК 93/94 (470.64) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-99-107**

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

З.Я. ЕМТЫЛЬ

Кубанский государственный технологический университет.
350015, г. Краснодар, ул. Красная, 135, 3-й этаж, ауд. 157.
E-mail: adg1070@gmail.com

Аннотация. История адыгской интеллигенции выступает как связующая проблем политического, культурного, ментального уровня и интегрирует в себе такие важные направления исторического знания как общественно-политическая история, развитие культуры и образования адыгов. В работе анализируются некоторые важные аспекты и теоретико-методологические установки, на которых могут базироваться исследования адыгской интеллигенции, претендующие на комплексность реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции, качественное переосмысление социальной роли и места

интеллигенции в обществе. Отмечается, что в поле исследовательского внимания должны находиться не только факторы, обусловившие формирование адыгской интеллигенции, ее социальный и профессиональный состав, но и непосредственно деятельность самой интеллигенции в наиболее значимых сферах общественной жизни. В качестве важного аспекта в изучении деятельностной стороны истории адыгской интеллигенции указывается исследование истории идей, получивших распространение в среде национальной интеллигенции, во взаимодействии с политическими, культурными, религиозными и социальными контекстами, в которых эти идеи рождались, распространялись и трансформировались. В своем исследовании автор исходит из понимания того, что интеллигенции, как социокультурному явлению, свойственно многообразие форм, обусловленных ее этническим происхождением, социальной, профессиональной принадлежностью, политическими, идеологическими, мировоззренческими установками и воззрениями, которые не должны быть стандартизированы.

Ключевые слова: интеллигенция; адыгская интеллигенция; история идей; деятельность; культура.

SOME ACTUAL ASPECTS OF INVESTIGATION OF THE HISTORY OF ADYGHE INTELLIGENTSIA

Z.Ya. EMTYL

Kuban State Technological University.
350015, Krasnodar, Krasnaya st., 135, 3rd floor, aud. 157.
E-mail: adg1070@gmail.com

Abstract. The history of the Adyghe intelligentsia acts as a connecting factor of problems of political, cultural, mental level and integrates such important areas of historical knowledge as socio-political history, the development of culture and education of the Adyghes. The paper analyzes some important aspects and theoretical and methodological guidelines on which the studies of the Adyghe intelligentsia can be based, claiming the complexity of reconstructing the complicated history of the Adyghe intelligentsia, a qualitative rethinking of the social role and place of the intelligentsia in society. It is noted that in the field of research attention must be paid not only to the factors that led to the formation of the Adyghe intelligentsia, its social and professional composition, but also the direct activity of the intelligentsia in the most significant spheres of public life. An important aspect in the study of the activity side of the history of the Adyghe intelligentsia is the study of the history of ideas that have spread among the national intelligentsia in interaction with the political, cultural, religious and social contexts in which these ideas were born, disseminated and transformed. In his study, the author proceeds from the understanding that the intelligentsia, as a sociocultural phenomenon, is characterized by the diversity of forms due to its ethnic origin, social, professional affiliation, political, ideological, ideological attitudes and views that should not be standardized.

Key words: intelligentsia; Adyghe intelligentsia; history of ideas; activity; culture.

ЛЕС КАК КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ)[1]

В.А. ДМИТРИЕВ

Одной из действенных моделей этнологического (культурно-антропологического) познания является этническая экология, направляющая внимание на связи культуры этноса с окружающей средой. Антропогеографический подход постоянно воздействовал на развитие этнографической науки, способствовал ее системному оформлению и возникновению большинства ее концепций, в том числе и таких, которые можно считать достижениями отечественной этнографической науки 1950-70 гг., как концепция хозяйственно-культурного типа (ХКТ) или антропогео(био)ценоза. Развитие последней в частности, обеспечило появление весьма популярной школы Л.Н. Гумилева.

Характеризуя концепцию ХКТ, в первую очередь, следует отметить ее материалистическую основу, которая и в целом присуща антропогеографическому подходу. В ней внимание концентрируется на деятельности в определенной природной среде, которая формирует обе стороны экологического взаимодействия: культуру этноса и ландшафт, в котором она существует. Однако, в современном понимании, данная связь не является достаточной, так как в ней отсутствует мотивация деятельности в ландшафте культуры. Понятие мотивации является многокомпонентным. В данном случае нет задачи рассмотрения всех его компонентов, но отметим только характерное для культур с развитой этноэкологической традицией отношение близости, единства с имеющимся ландшафтом, которое было свойственно мотивации в культуре жизнеобеспечения западных адыгов.

Данный для каждой культуры ландшафт является как средой деятельности, так и семиозисом. Семиозисы леса не отделяются от ценностей образа жизни и, следовательно, экологии культуры, при этом могут ставиться как вне культуры, как поля существования.

Лесное пространство Северо-Западного Кавказа положительно оценивалось российским природоведением: «рассматриваемая нами страна вместе с другими соседними странами составляет последний к востоку полуостров европейской растительности среди азиатских, по характеру флоры, пространств… Особенно великолепна флора на Черных горах… Леса фруктовых деревьев особенно свойственны южным покатостям Черных гор… Часть их превращена в сады прививкой лучших пород, в чем горцы были довольно искусны… большую пользу населению приносят леса Черных гор. Особого внимания заслуживает также растущий на последних предгорьях между Лабой и Белой лес (Тхачок), еще недавно служивший убежищем для

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

егорукаевцев и махошевцев. Огромные дубовые деревья в нем достигают иногда толщины 3 футов в диаметре…» [10, с. 150-152].

Территория Республики Адыгея, как образца ландшафта Северо-Западного Кавказа, признается лесной землей, обладающей этим качеством в преобладающей степени [21, с. 45-45, 124].

Леса Северо-Западного Кавказа дают все возможности для развития хозяйства, присваивающего, а при вложении целенаправленного труда – и производящего. Для первой категории, собирательства и охоты, были все условия. Для полной характеристики экохозяйственной системы нельзя не отметить роль свиноводства, которое сохранилось в такой форме, как в эпоху одомашивания свиньи и до относительно недавнего времени. Наличие свиноводства отмечается в одной из поговорок, которую относят к жителям а. Ципка в Черноморской Шапсугии: «Умрем – с нами свиней похоронят, буде жить – свиньи наша пища» [29, с. 62].

Божество леса и покровитель охоты Мэзитхэ/Мазитха в мифологии народов Северного Кавказа был божеством наиболее доступным для контакта. Его даже можно было привлечь на свою сторону, завладев его волоском или щетинкой. Если же осуществлялось опосредованное общение с ним, то адыгский охотник приходил к священному дереву и просил Мазитху выделить ему дичь из своего стада [24, с. 209]. Дерево было предметом посредником, а ипостасью божества был кабан с некоторыми признаками человека, но в то же время с рогами. У дерева охотники оставляли жертву Мазитхе [40, с. 113-116].

До середины XIX в. все пространство лесистых Прикубанских и Черноморских склонов Северо-Западного Кавказа находилось в полном хозяйственном и ритуальном освоении. Для характеристики образа жизни важны два обстоятельства: вынесение сакральной деятельности в участки леса (священные рощи и лесистые мысы горных рек) и отсутствие стремления к отделению культуры жизнеобеспечения от природопользования.

В сакральной топографии древо жизни всегда компонуется с водным источником, заснувшему под деревом герою снятся вещие сны, совмещаются образы дерева и женщины

В определении Люлье, у адыгов «нет ни особых строений для молитвы, но жертвенников; храмом им служит заповедная роща под открытым небом», единственным символом поклонения являлся Т-образный деревянный крест, прислоненный к дереву. Такие рощи связаны с общинами и группировались по долинам горных рек [26, с. 71, 78].

Повествуя о движении «самошествующей Ахыновой коровы», Хан-Гирей характеризовал ее движение как стремление к священной роще в верховьях р. Шахе. «Корова, переплыв реки, достигала сама до *древа жертвоприношения»*. Достигнув цели, она ложилась в тени больших деревьев, на которых было развешано много оружия, которое приносили до и после походов. Заклание священной коровы происходило поэтапно в разных участках рощи, шкуру, голову и ноги зарывали в землю, как приношение данному месту [37, с. 134-135; 13, с. 619-620].

Роща была местом важного осеннего праздника в честь Мэрэм-Мерисы, бывшего аналогом праздника Покрова, проводимого в сентябре-октябре. Праздник длился несколько дней, сопровождаясь пиршествами, танцами, жертвоприношением быка [3, с. 110]. Праздник Успенья богородицы А. Махвич-Мацкевич у абадзехов также наблюдал как отмечавшийся в священной роще [28, с. 9-12].

В описании Т. Лапинского место моления выглядело как священная дубрава друид. «Мощные столетние дубы, образующие круг, бросали густую тень на род грубого каменного алтаря, в середине которого возвышался очень старый, грубо сделанный деревянный крест. Вокруг алтаря стояли четыре молодых быка, восемь баранов и восемь козлов, которых держали за рога молодые мужчины. На каменной плите, заменяющей престол, стояли большие чаши с хлебом, пшеничными и маисовыми пирогами, медом и маслом, а также сосуды с молоком и шветтом… В отдалении полукругом у алтаря стояли мужчины с меховыми шапками под мышкой, немного далее назад – многочисленная группа женщин девушек. Приблизительно в ста шагах от алтаря горели широким полукругом около 30 костров, над каждым из них висел большой котел, в котором кипятилась вода… Все население одного юнее-из (совокупность хозяйств, в определении источника, «так сказать деревня, которая… образует, до известной степени, маленькую независимую республику», т.е. община) приняло участие в пиру…. Я часто видел священные рощи, дубы, украшенные разноцветными лентами, под которыми жители совершают свои богослужения; туда приносят также кушанья и напитки для богов» [33, с. 82-88].

В священной роще проводился обряд излечения женщин от бесплодия, под священным деревом молились беременные женщины об избавлении от трудностях при родах, для излечения от болезни надо было заночевать под священным деревом, но называлось «дерево под богом», имеются свидетельства об обряде воздушного погребения на дереве у отдельных этнических групп адыгов [36, с. 28, 33, 35, 44-45, 47, 48-50]. Э. Челеби свидетельствовал, что в обрядности воздушного погребения присутствовало заклание свиней [39, с. 75-76]. Примечательным объектом было дерево «пенекассан» с развешанными на нем оружием или оружием и вещами из принадлежностей умершего воина

Альтернативой роще выступало отдельно стоящее дерево, отличавшееся особыми свойствами. Особо выделялись деревья, пораженные молнией [26, с. 80].

Рощи служили местами молитв и общественных собраний, «леса служат им храмами, и крест у подножья дерева освящает алтарь, на котором приносятся жертвы» [15, с. 340]. По одному из описаний, таким крестом могло быть деревянное изображение божества Созереша, в конкретном случае «представлявшего собой голый ствол с крестообразно приколоченными ветвями наверху» [25, с. 583]. Сообщается, что в Черноморской Шапсугии представлены топонимы, содержащие сочетание слов «крест-дерево» [29, с. 44-

45]. Священные рощи состояли из больших деревьев, все пространство было очищено от подлеска [25, с. 548].

В рощах проходили посвящения мальчиков, достигших известного возраста, как сообщал Белл, но забыв указать, в каком возрасте проходил обряд и какому божеству делалось посвящение [7, с. 509].

Сакральными местами выступали отдельные деревья, рощи из крупных деревьев, очищенные от подлеска, рощи в которых, были одно или несколько особо крупных деревьев. В сочинении К. Пейсонеля присутствует тезис о наличии в Черкессии замечательного дерева, к которому черкесы имеют большое почитание, идущее вплоть до идолопоклонства [31, с. 201]. Было бы желательным, установить, является ли этот тезис авторским переложением услышанного, или действительно существовало такое главное дерево страны. Известно, что в Карачае было такое основное культовое дерево – сосна Джангыз Терек, росшая на поляне между селениями Хурзук и Учкулан [17, с. 275].

Почитание отдельного мощного дерева подробно описано в этнографии адыгов. Дерево могло выступать представителем лесного царства, но также и входило в систему, похожую на систему социальных связей в адыгском обществе. Адыги верили, что срубленный у священного дерева сук лишит жизни виновного проступка, погубленное дерево лишит жизни всю семью, а уничтожение рощи ведет к уничтожению всего рода, которому она принадлежала [9, с. 159; 36, с. 57]. С этим, несомненно, связана ожесточенная защита рощ от порубок и просто захвата врагом в годы Кавказской войны. Совокупность рощ – лес, в таком случае должен был уподобляться народу.

Хозяйственное пространство и зона леса не разделялись: хлебные наделы формировались в лесном пространстве как просто обработанные земли без оформления границ и излишней прополки; среди посевов сохранялись крупные деревья, которые использовались как элемент агрокультуры; дикорастущие плодовые деревья служили подвоями для культурных растений, что зачастую соединяло фигуры охотника и садовника. Как писал Т. Лапинский, «дикие фруктовые деревья занимали пятую часть лесов…Из стручковых разводят фасоль в большом количестве и очень хорошего качества… Повсюду встречаются превосходные сахарные дыни и арбузы. Дикая виноградная лоза растет по всей стране, … северные абазы пренебрегают разведением винограда, в противоположность южным, которые занимаются этим с усердием… Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо и, хотя на них затрачивается мало труда, здесь можно встретить все сорта хороших фруктов» [33, с. 53-55].

По наблюдениям Дж. Белла, там, где земля не возделывалась, все пространство было покрыто плодовыми деревьями и «чудесным ковром травы и диких деревьев» [7, с. 461].

Уничтожались только кустарники и мелколесье, с чем можно связать характерное для Северо-Западного хозяйства разведение коз, выедавших кустарник и низкорастущие древесные побеги. «Коза численно самое распространенное домашнее животное в стране Молоко и мясо коз, вследствие

превосходных пастбищ, очень хорошие; … этих полезных животных в стране свыше полутора миллионов. Коза находится только зимой под крышей, но и тогда она днем выгоняется в лес и сама находит себе в снегу какую-нибудь пищу» [33, с. 58-59]. Если козы «съели Грецию», как выразился К. Маркс, то в землях западных адыгов они приносили исключительно пользу. Хан-Гирей писал: «жители гор с тщанием разводят более коз, питающихся столь удобно ветвями деревьев, которыми покрыты горы, пригории и холмы. Коз поистине можно назвать как бы сотворенными для горных жителей: целые стада их, быстро бегая по скалам, питаются» [37, с. 293].

Горы Северо-Западного Кавказа были захвачены виноградарством, практикой разведения винограда для всего Западного Кавказа (в частности, Абхазии) было размещение лозы на стволе лесного дерева.

Существовала также практика выносить на расчищенные лесные хлебные поля пчелиные «плетеные улья свои» [37, с. 296].

Существовала особая «подпитка» принесенными из леса предметами жизненного пространства западных адыгов. Можно назвать обычай брать деревья из леса и высаживать их на усадьбах, хотя в этом трудно усмотреть какую-то практическую пользу.

Еще одним примером, когда предмет из леса фактически превращался в семиозис, является использование деревянного шеста-посоха. По сведениям А.Я. Люлье, «в прежнее время присягали на посохе, вырубленном в священной роще, … и произносимую клятву начинали словами: «Я клянусь тем, кто создал эту ветвь». Коран заменил посох из священной рощи. Однако… всякий раз, когда надо присягать, Коран вешается на простую палку, воткнутую в землю» [27, с. 92]. Существовали разные виды клятвы на палке, воткнутой в землю, обозначавшие намерения [2, с. 94; 36, с. 109-110], и на палке, поднятой над головами, обозначавшей объединение ради какой-то цели. Очевидно, следует разделить назначения этого предмета. Посох, также сделанный из принесенной из леса палки, обретает свойства, которые можно назвать мужскими, будучи примененным как пика или копье, посох принимал свойства оружия. Для абхазского пастуха, он и был оружием, оцениваемым вместе с топором-цалдой как оружие простолюдина. Посох в абхазской мужской субкультуре достаточно ярко описан Я.В. Чесновым, выделившим в нем семиозисы хтонического мира (посох-змея) и мужского начала (посох-фалос) [11, с. 119-127], или в культуре черноморских армян посох отмечен В. Кузнецовым, увидевшим в нем аналогию жреческого жезла. Семиозис посоха как древа жизни, является универсальным дискурсом науки, что возвращает к той лесной среде, откуда берется материал для предмета Семиозисы посоха и змеи часто сближаются в культуре народов Кавказа, в том числе и в зримом виде. В то же время посох мог оставаться простой палкой, что ничуть не снижало его значения, но сохраняло связь с лесом.

При этом наблюдалось использование и собственно палки, точнее палки-шеста. Изучение народной метрологии адыгов, как и других народов Северного Кавказа, позволило обратить внимание на *къорег*, шест, превышающий размеры посоха, и обычно соответствовавшей антропометрической единице,

называвшейся по-русски «большой саженью», единице, равной по высоте росту мужчины с поднятой вверх рукой. Къорег был локальной, принятой в данной общине мерой, использовавшейся при измерении земли при общественных работах: измерении участков земли при переделах ее, при работах по строительству дорог и мостов. Обычно в общине была авторитетная семья, в доме которой хранился таской шест вместе с другим эталоном измерения – чашей признанной емкости. Название шеста выводится из тюркско-монгольских языков, от шеста *Урга* (другое наименование *бакан*), служившего опорой для каркаса юрты и имевшей отчетливую символику шеста – вертикальной оси мира, помещенной внутри жилища. Однако, известно, что шестом не только мерили, но и передавали распоряжения, призывавшие к коллективным действиям. В праздничной культуре западных адыгов до сих пор используется более сложной конструкции *жезл хатияко* [4, с. 114; 5, с. 28; 6, с. 154-155], принадлежащий распорядителю церемонии с положительным знаком жизни, например, на свадьбе; плодородческая символика использования в его конструкции орехов, не препятствует возвращению к образу леса.

Еще более яркий пример значения деревянного шеста, проявляется в факте его заимствования из адыгской культуры культурой новопереселенцев на Черноморское побережье Кавказа – чехов, обосновавшихся в сел. Анастасиевка Туапсинского района. Заимствование произошло в условиях сложения специализированного направления хозяйства черноморских чехов – сбора дикорастущих в их понимании фруктов, растущих в лесах Черноморья. Семиозис жезла входит в число презентируемых аутостереотипов чехов, т.е. явным символом культуры группы, его использование считается обычаем, завезенным из чешской метрополии. Нет необходимости отрицать широкое бытования жезлов, с помощью которых сельские старосты организовывали хозяйственную жизнь общины, однако, примечательно, что в Анастасиевке староста жезлом вызывал на поход в лес за фруктами.

Одним из примеров взаимоотношений между природной и антропной средой, между лесом и усадьбой было перенесение из леса идола Созереша – обрубка дерева с семью сучьями [40, с. 116-129]. И. Бларамберг писал, что Созереш воплощен в молодом грушевом деревце, которое черкесы вырубают в лесу [8, с. 374]. По другим сведениям это был предмет из боярышника. Существует трактовка идола Созереша, как культового предмета с очень широкими аналогиями вплоть до семисвечника-Миноры, воспроизводящего тип храмового светильника [30, с. 135-141].

Если эту аналогию развивать, то можно предположить, что идол Созереша мог быть и воспроизведением главного дерева Черкессии, вносимого в нужное время в каждый дом, не только моделью древа жизни. Еще одна аналогия возникает пи виде коновязи, находившейся рядом с кунацкой, предназначавшейся для привязывания повода лошади гостя в момент его вхождения в пространство усадьбы хозяина. Можно предположить роль идола Созереша как некого общего символа, судя по рассказам о том, что сам Созереш играл какую-то роль в консолидации адыгских племен [23, с. 628]. Так же Созереш был семейным идолом, четко отражавшим состав семьи [12, с. 41].

Элементы хозяйства вносились в лес как в близкую среду, но можно говорить и о том, что и в жилую среду вносились элементы леса: из леса брали и высаживали на участках неплодовые деревья, из лесного дерева готовился и вносился на усадьбу так называемый «идол Созереша», особо показателен обычай пересаживать деревья, если усадьба переносилась на новое место. При рождении человека высаживалось плодовое дерево – яблоневое или грушевое для мальчика, слива или алыча для девочки, данный обычай широко распространен в разных частях мира универсальным, но распространенное у адыгов представление о появлении т.о. побратима человека не является столь универсальным [36, с. 82]. Создавая новую усадьбу, сначала сажали деревья, оставшиеся от старых хозяев не вырубали. В селении сажали деревья в общественных местах, но точнее там, где часто собираются люди, расширяя этот тезис, можно сказать в селениях деревья сажали для человека, в роще человек шел к дереву. Существовал обычай сажать деревья на могилах, плоды с таких деревьев предназначались для представителей всего животного мира. Плодовое дерево можно было срубать только тогда, когда оно не плодоносило более семи лет, некоторые породы нельзя было никогда вырубать.

Ф. Дюбуа де Монпере не случайно отмечал наличие деревьев на усадьбах адыгов, когда писал что «для черкесов деревья и леса являются первой необходимостью», в его описании поселение адыгов: «жилища, разбросанные там и сям среди деревьев – дубов, ясеней, грушевых и сливовых, прекрасных вязов, грабов, которых не тронул топор, и которые освежают все вокруг своей тенью в жаркий сезон… участки окружены деревьями или лесами» [14, с. 436].

Еще одним примером является существование священного или избранного дерева, ветви которого украшались лоскутками материи или другими предметами. Остается дискуссионным вопрос, являлись ли эти предметы неприкосновенными или их можно было брать для каких-то целей. Представляется, что при непременной неприкосновенности такого сакрального предмета как главном тезисе мифоподобного явления, существовала практика использования этих лоскутов, но только тем коллективом, который был с этим деревом связан. Еще фактически не исследованный культ лоскута уже сейчас может рассматриваться как манипуляция с частью, выделенной из целого и сохраняющей связь с ним, владение лоскутом было признаком принадлежности к группе, а столь частая раздача лоскутов на праздниках или предметов символически им уподобляющихся (например, орехи в адыгской культуре), у разных народов являлась актом символического и временного расширения этой группы. Лоскут мог брать только посвященный в культ или член группы, исполняющей его. Так, в а. Тхагапш над культовым местом в виде кучи камней в урочище Джарежъ стоит дерево, сакральный символ фамилии Боус, мужчины этой фамилии отправляясь в длительные путешествия (в т.ч. юноши для службы в армии) брали с собой лоскутки с ветвей этого дерева.

Можно говорить и об определенной связи дерева или даже одной породы дерева с этнической общностью. Так в среде современных черноморских шапсугов существует особое отношение к каштану. Его плоды оцениваются как та посланная природой пища, которая спасла народ в голодные времена, а

древесина служила дл самых важных нужд: постройки жилища, изготовления особых предметов быта, например, лопатки для размешивания и дележа пасты.

Расчищая в лесу поле силами отдельной семьи, его воспринимали как место приложения усилий, но никак как пространство, которое требовалось покорить, что просматривается в действиях артелей землепашцев на равнине.

Земледельцы-адыги не стремились к полной расчистке леса ради посева зерновых. Лес оставлялся по периметру пахотного участка, защищая его от зноя и ветра. Отдельные крупные деревья оставлялись на самом участке, чтобы предотвратить эрозию почвы, предупредить ее сползание и смывание дождями, но их главной функцией было задерживать влагу в верхних слоях почвы, что питало посеянные растения. Дерево для этого окоряли, существенно уменьшая его жизненную активность [38, с. 26-27]. Н.Н. Клинген назвал такую систему лесо-хлебной [19, с. 42-43, 47, 49]. Лес воспринимался в народном сознании как гарантия продовольственной безопасности [38, с. 26-27]. Лес и поля вместе сохраняло склоновое щадящее местность террасирование, обеспечиваемое подпорными стенками. Немаловажным обстоятельством являлось сохранение освоенных земель в семейном наследственном владении [16, с. 57].

Укоренившаяся практика размещать усадьбы в горах в верхних частях распадков рек и ручьев сосуществовала с размещением построек между сохранявшихся участков леса. Такая планировка делала не всегда возможной появление общей ограды усадьбы, что и не всегда предполагалось [8, с. 367]. Т. Лапинский, правда, писал об огороженных усадьбах жителей долины Пшады, в усадьбах объединялись жилые постройки и помещения для содержания скота, однако в стойлах содержались только овцы и козы, но зимой [33, с. 58, 109]. По свидетельству Лонгворта, ограда являлась «удостоверением на право собственности», при этом «черкесы вообще не понимают, как, за исключением непосредственного использования, кто-либо может предъявлять исключительные права на землю, для них все элементы общие – земля и воздух, огонь и вода – и любой из них можно иметь в необходимом количестве без ограничений» [25, с. 555]. Ограду могли маркировать деревья, которые считались несчастливыми или вредоносными; их нельзя было сажать во дворе.

Жилища западных адыгов, конечно, имели значение отделенных от мира озон «своего пространства», но их легкие стены менее всего воспринимались как границы, отделявшие дом от леса. Не случайно российскими источниками такие адыгские горские социумы, как хакучи, абадзехи оценивались как «люди леса», имевшие особые навыки коммуникации в лесу [13, с. 600, 616]. С. Броневский назвал жизнь адыгов «привычкой к открытому воздуху», и Хан-Гирей согласился с ним [37, с. 269]. В лесу, или по более точной формулировке, в центре леса, находились и места особой социально-исторической значимости: поляна Туби, почитаемая абадзехами как место начала формирования их как этнической общности и связанная перевалом с хакучинской зоной, важной для общности черноморских шапсугов [13, с. 589].

«Адыг ищет для постройки двора место в лесу или вблизи его, отчасти, чтобы скрыться от взоров врага, отчасти из-за нужды в дровах, чтобы иметь их под рукой» [33, с. 111]. О наличии «густого леска позади домиков», где прячут

женщин, детей и скот во время набегов враждебно настроенных племен – писал и для раннего времени Тэбу де Мариньи [35, с. 307]. Отсутствие семиотической границы между жильем и лесом сказалось на тактике горцев во время Кавказской войны. Н. Дубровин отмечал, что черкесы не укрепляли своих аулов и защищали их только при нечаянном нападении, в противном случае заранее выселялись в горы и леса. По Т. Лапинскому, в четверть часа двор покидался и делался необитаемым и пустым [33, с. 164]. Если источник правильно определил это время, получается, что в данном случае назван временной период минимального значения, можно сказать, что усадьба очищалась мгновенно. Все животные бросаются, как будто они понимают, в чем дело, со всех ног в ближайший лес; нужно только отворить им ворота; даже домашняя птица, как куры, гуси и утки, спасается в ближайшую рощу [33, с. 165].

Как и следовало ожидать от лесных людей, абадзехи высоко ценилось как стрелки. Также отмечалась, что состояние войны привело к строительству горцами плетня-бруствера с внешней стороны усадьбы или селения, но никогда со стороны леса, в котором можно было укрыться, бывало, что укреплялись на границы селения, а линия опушки леса [1, с. 276-277].

Отмечена для дороссийского времени тактика набега в лесных районах. «Они отменно хитро действуют в малых нападениях и воровствах: в больших лесах, чрез которые проложены дороги, они делают засады и проезжающего, деревянным крюком стянув с лошади, полоняют и обирают» [37, с. 338-339]. Практиковалась ли тактика устраивания завалов, когда на дороге противника бросали крупные деревья, как в легенде о сражении абадзехов с кабардинцами [13, с. 605], сказать сложно, но стрельба из-за завалов во время кавказской войны была частым явлением.

Представляет интерес строительная техника западных адыгов – жителей лесной зоны. Является признанным в научных исследованиях использование для строительства жилища у адыгов турлука как материала для стен, как и указание на то, что турлуку предшествовала техника плетения стен из прутьев, принесенных из леса [20, 83-102; 32, с. 105-123]. Однако, имея в виду, что а) европейские источники XVIII-XIX вв. содержащие сведения о жилище равнинных адыгов, отмечают использование глины в строительстве, и б) дальнейшая эволюция строительной техники из турлука указывает на то, что по всей равнине Северного Кавказа турлучная техника сменялась использованием саманного кирпича, а по всему Черноморскому побережью использованием досок, положенных горизонтально, то можно предположить, что у турлука как у материала было два значения, очевидно находившихся в оппозиции: глина/земля, и дерево/лес. Строительство конструкций в срубной технике отмечено у черноморских адыгов [34, с. 271-272], но даже в этом источнике содержится информация о случайности таких построек (дома для прислуги и содержания пенников). Интересно, что внешними наблюдателями практичность турлучной техники у адыгов трактуется как возможность быстрого и легкого строительства жилища и некое пренебрежение обустройством дома: «исправление горских жилищ не стоит дорого и не занимает много времени:

нарубил под боком в лесу хвороста, заплел незатейливую саклю, обмазал ее тут же находящейся под ногами глиной – и жилище готово» [22, с. 354].

Между тем, очевидно, важно не только то, что в культуре этноса делается, но и то, что в ней не делается, в данном случае, не используются бревна крупных деревьев. Признак отсутствия признака трудно доказуем, особенно когда культура описывается по источникам прошедшего времени, когда отсутствие признака доказывается по косвенным упоминаниям. Рискнем предложить такое косвенно свидетельство, принося извинения за длинную цитату, принадлежащую Н.И. Карлгофу. «Главное богатство края составляет строевой лес, но горцы некогда не занимались лесной промышленностью в размере, соответствующем обилию материала. Ближайшие к нашим поселениям жители привозят к нам на продажу дровяной лес и в небольшом количестве строительный, но последний, добываемы не в горной полосе, а в тех лесных участках, из которых вывоз не требует большого труда, принадлежит не к лучшим породам, мелок и крив. По непривычке к труду горцы не пользуются хорошим строевым лесом даже и для собственных надобностей, предпочитая прочным деревянным постройкам, требующим затруднительного вывоза леса из гор, легкую постройку плетенных из хвороста обмазанных глиной саклей, состоящих из двух небольших комнат, мужской и женской половин» [18, с. 121].

Связь жилищного пространства с лесным была присуща традиционной культуре западных адыгов. Известно, что адыгский термин *унэ* использовался для обозначения и дома и усадебного комплекса. Традиционное жилище второй половины XIX – первой половины XX в. имело с одной или нескольких сторон крытую навесом кровли террасу. Терраса в любом случае находится всегда там, где и вход в дом, то есть в жилище, по правилам, общим для всего Северного Кавказа, входят со стороны усадьбы.

Такое положение дает возможность считать террасу одновременно и помещением дома и частью усадьбы. В усадьбах XIX в. терраса делалась, чтобы создать переходное пространство от внешнего своего мира (леса, использовавшегося как усадьба) к внутреннему своему миру (жилищу). Позднее эта функция сохранилась, но в пределах закрытой усадьбы сельского дома, где были только ограниченные градации внутреннего пространства: двор-терраса-дом. Подобное решение зависело в прямую от перехода жителей Северо-Западного Кавказа на систему организованных поселений с плотно граничащими усадьбами. Если раньше сыновья уходили во внешнее пространство для строительства собственного дома, то теперь им оставалось создавать свое пространство на отцовской усадьбе.

В архаической традиции все жилое пространство разбивалось на отдельные помещения, а само оно было частью природного ландшафта. В условиях модернизации общества и быта возникла тенденция концентрации всех локусов жилого пространства под единой кровлей, выражением этой тенденции стал дом с крытой террасой. Сопоставляя планировку поселений разного времени, можно, предположить, что принципиально изменилась пространственная функция усадьбы дома западных адыгов, если ранее она была

частью освоенного лесного пространства, то позднее с образованием селений российского периода усадьба стала сугубо продолжения дома. Лес же в ходе всех изменений, связанных с включением жилищной сферы адыгов в пространство современной цивилизации, был выведен за пределы культурного пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анучин Д.Г.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х т. Т.2. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 245-298.

2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. – Нальчик: КБНИИИФЭ, 1986. – С. 81-103.

3. *Бгажноков Б.Х.* Культ пищи и пищевой анимативм // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 103-112.

4. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 228 с.

5. *Бгажноков Б.Х.* Логос игрища // Мир культуры. Вып. 1. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – С. 5-44.

6. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Госкомиздата КБССР, 1991. – 188 с.

7. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.

8. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353-434.

9. *Вейденбаум Е.Г.* Священные рощи и деревья у кавказских народов. // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1877-1878. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, Т. 5, № 3, – С. 153-179.

10. *Венюков М.И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – С. 150-152.

11. *Габниа С.С., Смыр Г.В., Чеснов Я.В.* Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // Полевые исследования института этнографии. – М.: Наука, 1986. – С. 119-127.

12. *Гурвич И.* Религия сельской общины у черкесов-шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы шапсугской экспедиции 1939 г. Сборник научных студенческих работ. Вып. 17 / под ред. С.А. Токарева, Е.М. Шиллинга. – М.: Изд-во МГУ, 1940. – С. 37-46.

13. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. Историко-этнографический очерк // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2004.

14. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435-457.

15. *Жан Шарль де Бесс* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению и в Константинополь. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 329-352.

16. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. – 249 с.

17. *Карачаевцы*. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Лавров Л.И. – Черкесск: Карач.-Черкесск. кн. изд-во, 1978. – 336 с.

18. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – нач. XXв. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – С. 104-135.

19. *Клинген И.Н.* Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб.: тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. – 129 с.

20. *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. – М.: Наука, 1982. 195 с.

21. *Козменко Г.Г., Немцев А.С., Трепет С.А.* Организация и функционирование особо охраняемых природных территорий. – Майкоп: РИПО Адыгея, 2000. – 166 с.

22. *Короленко П.П.* Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2004.

23. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.

24. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. – С. 193-236 (Труды. Ин-та этногр. Нов. сер. Т. LI).

25. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.

26. *Люлье Л.Я.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2004.

27. *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2004.

28. *Махвич-Мацкевич А.О.* Абадзехи. Их быт, нравы и обычаи // Народная беседа. – 1864. – № 3. – С. 3-32.

29. *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. – Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1981. – 423 с.

30. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). – СПб.: Европейский дом, 1996. – 304 с.

31. *Пейсонель К.* Тракта о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 179-202.

32. *Студенецкая Е.Н.* Современное кабардинское жилище // Советская этнография. – 1948. – № 4. – С. 105-123

33. *Теофил Лапинский* (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа,. 1995. – 455 с.

34. *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау / подгот. Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. – Нальчик: Эль-Фа,. 1999. – 507 с.

35. *Тэбу де Мариньи Ж.-В.-Э.* Путешествие в Черкесию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 291-321.

36. *Хабекирова Х.А., Мусукаев А.И.* Мир дерева в культуре адыгов (этнокультурологические воззрения народа) // О Балкарии и балкарцах. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 313 с.

37. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года»; Эль-Фа, 2008. – 363 с.

38. *Хотко С.Х.* Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников // Старые черкесские сады: ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников, 1864-1914: в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. С. Х. Хотко. – М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. 2005. – 414 с.

39. *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

40. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 194 с.

УДК 008 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-108-121**

ЛЕС КАК КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ)

В.А. ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей.
Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Аннотация. В фокусе исследования находится проблематика связей между природной и антропной средой. Внимание автора сконцентрировано на жизнедеятельности традиционных западноадыгских сообществ в определенной природной среде, сформировавшей культуру этноса и ландшафт, в котором она существовала. Две стороны экологического взаимодействия рассматриваются с учетом мотивации деятельности в ландшафте культуры. В культуре жизнеобеспечения западных адыгов отмечается характерное для культур с развитой этноэкологической традицией отношение близости, единства с имеющимся ландшафтом, свойственное мотивации деятельности. Отмечается полное хозяйственное и ритуальное освоение адыгами пространства лесистых Прикубанских и Черноморских склонов Северо-Западного Кавказа. В адыгской среде отсутствовало стремление к отделению культуры жизнеобеспечения от природопользования, а сакральная деятельность была вынесена в участки леса. Данный для культуры западных адыгов ландшафт рассматривается как в качестве среды деятельности, так и в качестве семиозиса. Автор исследует семиозисы леса во взаимосвязи с ценностями образа жизни, экологии культуры западных адыгов, включенными в пределы культурного пространства.

Ключевые слова: природа; культура; западные адыги; жилищное пространство; лес; священная роща; семиозис.

FOREST AS A CULTURE FORMING FACTOR (ON MATERIALS OF CULTURE OF WESTERN ADYGHES)

V.A. DMITRIEV

The Russian Ethnographic Museum.
St. Petersburg, Enginernaya st., 4/1
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Abstract. The focus of the research is on the problems of the links between the natural and the anthropic environment. The attention of the author is concentrated on the vital activity of traditional western Adyghe communities in a certain natural environment, which formed the culture of the ethnos and the landscape in which it existed. The two sides of ecological interaction are considered taking into account the motivation of activity in the landscape of culture. In the culture of life support of the western Adyghes, the relation of proximity, unity with the existing landscape characteristic of cultures with a developed ethnoecological tradition is typical for their motivation of activity. The full economic and ritual assimilation by the Adyghes of the space of wooded Prikuban (Kuban river vicinity) and Black Sea slopes of the North-Western Caucasus is noted. In the Adyghe environment, there was no desire to separate the life-support culture from the use of nature, and sacral activities were carried out in forest areas. In the culture of the western Adyghes the landscape is considered both as an activity medium and as a semiosis. The author investigates the semioses of a forest in connection with the values of the way of life, the ecology of the culture of the western Adyghes, included within the cultural space.

Key words: nature; culture; the western Adyghe; housing space; wood; sacred grove; semiosis.

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

О СОЗДАНИИ СВОДА «ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» В КОНТЕКСТЕ МНОГООБРАЗИЯ И ЕДИНСТВА КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

А.М. АДЖИЕВ

Северо-Кавказский Федеральный округ – это не механически «скомпонованное» искусственное административное образование: он основан на традиционной и современной многообразной общности микрорегионов и этносов края. Не случайно в последнее время активизировалось проведение в СКФО совещаний, конференций, фестивалей, турниров и т.п., посвященных региональной экономике, межэтнической и межконфессиональной политике, журналистике, художественному творчеству, спорту и др. Поскольку в основе, в истоках всего этого – традиционное народное творчество, то, естественно, целесообразна опора на него, использование его в новых условиях как «стартового» феномена, далеко не утратившего свою значимость и ныне; это призвано помочь в решении и современных особенно актуализировавшихся проблем межэтнического и межрелигиозного взаимопонимания, мира, толерантности – давно назрело время «собирать камни». При этом ученые, разумеется, прежде всего имеют в виду научную значимость изданий.

Об ареалах охвата материалов свода

В связи с наличием значительных общностей, историко-культурных контактов и т.п. свод должен содержать ряд материалов, сведений и т.п. также Южного Федерального округа РФ. Абхазо-адыгская близость в фольклоре и этнографии хорошо известна, а осетины Северной и Южной Осетии – один народ, т.е. включение фольклорно-этнографических материалы новых республик Закавказья представляется вполне естественным (о чем, кстати, мы писали и в «Проекте проспекта…» в 1990 г.) [2; 3; 4; 5].

В рамках программы Международной научно-практической конференции «Фольклор народов Северного Кавказа в контексте евразийского диалога культур», состоявшейся в Махачкале 26 октября 2016 г., было проведено заседание «Круглого стола» по обсуждению проблем подготовки данного свода, на котором с поддержкой нашей идеи и ценными рекомендациями выступили видные ученые: академик АН Абхазии, директор Центра нартоведения и полевой фольклористики АГУ, г.н. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований (г. Сухум) З.Дж. Джапуа, ученый секретарь, в.н. сотрудник Института мировой литературы РАН (Москва) Т.М. Хаджиева, профессор, завотделом осетинского языкознания Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (Владикавказ) Е.Б. Бесолова и др. Заведующий сектором фольклора АН

Чеченской Республики (г. Грозный) И.Б. Мунаев предложил, в частности, ареал охвата фольклора в своде распространить на весь Кавказ и на мой вопрос, осилим ли работу в таких масштабах, тем более, связанную с государствами Ближнего Зарубежья, ответил утвердительно. Предложение И.Б. Мунаева, несомненно, интересное, кстати, отвечающее и статусу журнала «Кавказология», однако, если будет одобрено это предложение, нужно будет учесть мнение сторон закавказских суверенных государств и их соответствующих учреждений.

К вопросу об этническом, межэтническом и надэтническом в культуре народов Северного Кавказа

Северокавказский регион от других регионов России отличают в основном две такие, казалось бы, взаимоисключающие особенности: а) здесь необычайно большое количество малочисленных народов и этнических групп, характеризующихся своими национальными, во многом неповторимыми особенностями; б) в то же время эти этноспецифические культуры в целом ряде своих характеристик носят общесеверокавказские и даже общекавказские черты, создающие в целом общерегиональный тип культуры. Он, очевидно, складывался в течение многих столетий, прежде чем получил «завершающий» мозаичный, достаточно организованный вид, где довольно четко прослеживаются национально-специфические, межэтнические и надэтнические явления.

Потеряв этнические черты, культура в принципе перестает быть собственнонациональным явлением, и поэтому естественно, что традиционная культура того или иного народа и даже этнической группы в той или иной мере сохраняет этноспецифические черты. Однако генетическое родство многих этносов Северного Кавказа, достаточно тесные контактные взаимосвязи народов региона, законы типологии (в частности – региональной) обусловили межэтническую близость культур. Более того, сложились культурные явления, общности, которые можно назвать надэтническими, т.е. как бы оторвавшимися от конкретного этноса, его языка и т.п. и в общих своих характеристиках ставшими как бы внеэтнически региональными, суперэтническими. Последние в целом можно разделить на два типа: невербальные и вербальные.

1. В сложении межэтнических и надэтнических культурных общностей невербальные явления обладают большей «мобильностью», подверженностью диффузии, своего рода культурной интерференции (в расширительном значении данного понятия). Это прежде всего касается предметов, продуктов и т. п., имеющих утилитарную хозяйственную, бытовую ценность. Хотя и они зачастую бывают этнически или географически маркированы, варьированы, нетрудно заметить общие черты в поселениях, орудиях труда, одежде, пище и др. народов региона. (Кстати, и археологические культуры региона зачастую неправомерно связывать с носителями того или иного языка). Это же можно сказать о традиционной этикетности, во многом общей для региона, хотя тоже с некоторыми национально-специфическими чертами («адыге хабзе» – адыгский этикет, «таулу намыс» – карачаево-балкарская честь, мораль, «дагестанский

намус» и т.д.). Широко известна общность (опять-таки при всех этносвоеобразных чертах) в институтах обычного права: кровная месть, гостеприимство (куначество), аталычество, побратимство и др. Из невербальных (в целом) видов искусств такое же «единство в многообразии» наблюдается в танце (национальные варианты лезгинки), в мелосе и даже в типе многоголосного бурдонирующего песнопения. Все эти явления материальной и духовной культуры конкретных этносов как бы через переходные звенья соединены и друг с другом, и с региональным общим пластом традиционной культуры, которую ни с какой другой некавказской культурой не перепутает даже неспециалист.

2. «Составляющие» этого типа культуры (т.е. этнические, локальные вариации) не являются каким-то хаотичным нагромождением, наоборот, они, можно сказать, выстроены в закономерно «сложенную» мозаику, причем их общие, главные характеристики зачастую связаны не столько с этноязыковой принадлежностью, сколько с географическим расположением этноса на карте региона, с этнополитической историей края. Так, у народов, живущих в Центральном Предкавказье и ближе к северу региона, наблюдаются традиционализм, хорошее сохранение местной этикетности, ритуально-мифологического пласта народной культуры, эпичности; по мере продвижения на юг эти черты общерегиональной культуры постепенно идут на убыль, значительно трансформируются, появляется больше восточных инноваций, возрастает роль лирики, индивидуального творчества, во всем ощущается некоторое уподобление культуре Азербайджана, Ирана, Турции, арабского Востока, что более всего заметно в Южном Дагестане.

Неучет региональных закономерностей эволюции системы фольклора народов Северного Кавказа приводит к ошибкам в определении генезиса и исторической эволюции системы жанров, например, к игнорированию диахронического метода, когда завершающая, «итоговая» картина многовековой эволюции системы жанров берется как изначальное; или же вполне объяснимое слабое развитие того или иного жанра воспринимается как явление ущербное для того или иного народа и даже делаются попытки искусственного «восполнения» этой «недостачи», в то время как обращение ко всей совокупности системы жанров этих народов показывает, что их наследие уже было «восполнено» особенно сильным развитием других жанров и т.д.

Наиболее распространенный и по своей «технологии» простой способ общения представителей разных этносов – это использование в качестве межнационального языка одного из языков этих народов, например: азербайджанского – в Южном Дагестане, кумыкского, карачаево-балкарского или ногайского – на Северо-Восточном Кавказе, аварского – в горах Северного и Центрального Дагестана, а в наше время во всем регионе – русского языка. Надо также подчеркнуть особую традиционную роль в развитии науки и литературы арабского и общелитературного тюркского (джагатайского), частично иранского языков. Однако происходил и другой относительно сложный процесс – сближение языков посредством заимствований слов, который обычно имеет большую хронологическую протяженность; в

частности, на Северном Кавказе он начинался еще в глубокой древности и нашел определенное отражение в фольклоре. Процесс проникновения иноязычных слов в фольклор и таким образом «интернационализация» народного творчества имеет общетипологические закономерности, говоря же о Северном Кавказе, отметим следующее. В древности в связи с передвижением, смешением племен, с их объединением, ассимиляцией вырабатывалась во многом общая ритуально-мифологическая система зачастую с общими именами божеств, духов, с названиями обрядов, мифов и т.п., которые были восприняты и развиты героическим эпосом. В частности, в общем для народов Северного Кавказа нартском эпосе центральные и ряд второстепенных героев у разных народов носят одни и те же имена: Сата́на (Сатаней и др.), Сослан (Сосрук), Батраз, Хамиц и т.д. Ясно, что они не могли спонтанно возникнуть у разных народов, т.е. перед нами факт их заимствования одним народом у другого.Это же можно сказать о самом названии героев – «нарт». Взаимопроникновение слов, очевидно, имело место и в нартской топонимии, и в этнонимии, и в др. В обстоятельной и глубокой статье «Антология эпоса близкородственных народов» А.И. Алиева пишет: «…нарсткий эпос, общее творение народов Кавказа и Закавказья: адыгов, осетин, абхазов, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, некоторых народов Дагестана; недавно опубликованы варианты сказаний о нартах, записанные в Грузии»[6, с. 77]. Процесс десемантизации, очевидно, содействовал «беспрепятственному» сложению общих для песен многих народов рефренов, типа «далалай», «ананай», «нанинао», «ореро» др. Если говорить о нартиаде, на Северном Кавказе в итоге сложился многонациональный героический эпос, в общих своих характеристиках (жанр, форма, сюжетика, антропонимия и др.) по сути являющийся наднациональным, супернациональным эпосом региона. Это же в целом можно сказать о произведениях, условно названных нами фольклорными памятниками о гибели охотника, оставленного в ущелье. Наиболее архаичные ритуально-мифологические истоки этих произведений представлены у абхазов, адыгов, грузин, карачаево-балкарцев; стадиально более поздний этап эволюции этого общекавказского сюжета наблюдается у вайнахов и осетин; в Дагестане (исключая некоторые народы юга республики) он уже трансформировался в стадиально поздние баллады и притчи (аварцы, даргинцы, лакцы, кумыки) [1, с. 4-22].

В Южном Дагестане несколько «островком» находится лезгинский фольклор о богатыре Шарвили, однако надо отметить и здесь наличие не только типологических схождений, сближений, но и взаимовлияний с иноэтническим творчеством.

Взаимосвязи с Азербайджаном и Востоком вообще, особенно интенсивные в Южном Дагестане, так сказать, плавно приводят к своеобразной историко-экономической, фольклорной и этнографической общности. В отрыве от культуры Востока невозможно полноценно осмыслить и издать произведения дагестанского ашугского синкретичного искусства (дагестанские азербайджанцы, лезгины, рутулы, таты и др.), эпосов о Коркуте, Кёроглу,

классических дастанов (азербайджанцы, кумыки, ногайцы и др.), лирики, мугамов и очень популярных среди многих народов региона танцев.

Сохранение «додиалектной» языковой общности в фольклоре так же, как и процесс вторичного «делания» языка фольклора по возможности понятным всем, по-видимому, имели место и достигли более высокого уровня внутри конкретных этносов (о наддиалектном характере языка фольклора у адыгов пишут М. и З. Кумаховы, у лакцев – Н. Джидалаев и др.).

По-видимому, не имеет непосредственного отношения к собственно устно-поэтическому творчеству и такое северокавказское языковое «надэтническое» явление, как выпадение или стяжение некоторых конечных звуков слов (вайнахи, карачаево-балкарцы и др.), что, возможно, обусловлено акцентированно выраженным ударением на первые в слове гласные звуки и их долготой. Это своеобразие, на наш взгляд, в определенной мере могло сказаться на стихосложении (рифмовка, аллитерированные и др.), мелосе, интонированиях… Так, например, у тюркских народов древний стих был в основном аллитерационным, прежде всего с подчеркиванием начала синкретичной стихо-песенной строки, что, как нам представляется, лучше сохранилось у алтайских и центральноазиатских тюрков.

Языковой фактор в процессе культурных взаимовлияний играет особенно важную роль: язык по сравнению с материальной культурой, музыкой, танцем, некоторыми этнографическими элементами – наиболее «этносохраняющее» явление: утрата языка обычно воспринимается и как утеря этноса; это же свойство языка несколько сдерживает межэтнические фольклорные взаимовлияния, что особенно ярко проявляется в песенных жанрах. Билингвизм, а нередко и трехъязычие, четырехъязычие и т.д. содействовали достаточно активному взаимообмену народной прозой (сказки, притчи, анекдоты и т.п.), вместе с тем песенные жанры, памятники в силу особенностей поэтики, звуко-ритмической инструментовки и, главное, их синкретичности не могли легко заимствоваться другим этносом. Искусственное «расщепление» по своей природе синкретичной песни на такие «составляющие», как текст, мелодия, манера исполнения и т.п., привело бы к ее разрушению как жанра, получились бы внепесенные стихи, мелодии... Поэтому мы зачастую и наблюдаем при заимствовании одним народом у другого эпического памятника переложение его в прозу, однако при сочетании в произведении прозы и песни лучшие исполнители в песенных партиях стремятся сохранять язык и мелос оригинала.

О выявлении общенационального и локально-специфического в фольклоре

Характерная для фольклора вообще вариативность у различных народов Северного Кавказа и особенно Дагестана еще как бы помножена на локальные, микрорегиональные этноспецифические типы вариаций, версификаций.

Локально-специфические особенности в фольклоре того или иного народа обусловлены комплексом причин, среди которых отметим следующие: этнокультурное, языковое своеобразие генезиса и развития той или иной

этнографической группы, нередко консолидировавшейся в составе одного народа; относительная неравномерность социально-экономического и культурного развития микрорегионов края; социально-политическая «автономизация» (княжества, ханства, «вольные общества» и т.п.); географическая пересеченность горных зон, сдерживающая регулярное общение; влияния соседних народностей; хронологическая разновременность, неодинаковая интенсивность, разная степень воздействия на традиционную культуру того или иного этноса таких общих для региона явлений, как восточная культура, ислам, христианство, иудаизм; время становления индивидуального творчества, уровень развития литературы и т. д.

И наоборот, близость или общность отмеченных выше факторов обусловливает этнокультурное, в частности фольклорное родство, близость, однотипность и т. п.

Однако при определении общенационального и локально-специфического необходимо учитывать и «чисто» фольклорные факторы, закономерности: архаичность или трансформированность истоков тех или иных жанров, сюжетов, мотивов и т.д. (например, чем они архаичнее, обычно тем больше в них общенационального); своеобразие отражения действительности в тех или иных жанрах (так, чем больше «прикреплено» произведение к местной истории, этнографии, географическому микроареалу, тем в нем больше локально-специфического); облегчённость или, наоборот, затруднённость заимствования произведения (проза заимствуется легче, чем поэзия и т. д.); особенности типологии жанров и др.

К вопросу о критериях определения заимствования в фольклоре

Вопрос этот достаточно сложный и, надо сказать, нередко деликатный, т.к. некоторые исследователи иноэтническое заимствование воспринимают как явление ущербное для своего этноса, что не вполне справедливо.

«Справедливо будет сказать, – писал Б.Н. Путилов, – что четких критериев заимствования в современной фольклористике не предложено», и в наше время довольно распространён «отказ от определения» выводов, допущение в качестве возможных вариантов или заимствования, или типологического схождения. Подобное допущение нередко завершает сравнительный анализ, ставя точку там, где следовало бы только приступать к историческому исследованию»[9, с. 8]. Такое положение, очевидно, говорит не о непонимании исследователями важности проблемы, а о её сложности.

О наличии или возможности заимствования, об общих истоках произведения мы можем говорить при наличии историко-культурных контактов или генетического родства между этносами. Однако эта проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд, ибо:

а) Историческая наука не всегда располагает достаточными сведениями по межэтническим связям, по этногенезу народов, особенно когда речь идёт о древнейших этапах истории. Здесь данные фольклора в определенной мере сами могут явиться опорным материалом для исторической науки.

Исторические связи в фольклоре отражаются не только в «горизонтальном», в синхронном плане, т.е. как взаимовлияния культур одного и того же отрезка времени, но и в «вертикальном», в диахроническом плане, когда в устно-поэтическом творчестве сохраняются межэтнические связи, общности более ранних исторических этапов. По аналогии с языкознанием здесь правомерно говорить о субстратных и суперстратных процессах, а также об общностях более широкого порядка.

б) Фольклорные межэтнические взаимосвязи могут иметь место и между народами, которые никогда непосредственно не контактировали. Это происходит тогда, когда какой-нибудь этнос играет роль своеобразного «передатчика», «переносчика» своего фольклорного произведения от одного народа к другому. Данное явление чаще всего имеет место в тех случаях, когда какой-либо древний этнос играет определенную роль в этногенезе нескольких народов.

Фольклорное заимствование возможно тогда, когда у «отдающего» и «перенимающего» народов, помимо непосредственных или опосредованных исторических связей, отмечается также близость в социально-экономической и культурной жизни (по-Веселовскому – «встречное течение»). Так, тюркоязычные народы сыграли значительную роль в развитии многих народов Кавказа, а с тюркоязычными карачаево-балкарцами, кумыками и ногайцами их взаимосвязи были особенно интенсивными, что не могло не повлиять на социально-экономическое и историко-культурное их сближение. Не менее тесные контакты и близость установилась, например, между кумыками и горскими народами Кавказа: даргинцами, чеченцами, адыгами, лакцами, аварцами, осетинами…

«С категорией «встречных течений», – отмечал Б.Н. Путилов, – сложным образом соотносится категория «кодового настроя», т.е. «возможность усвоения чужого», заложенную в данной, этнически определенной, системе художественных представлений, поэтической семантики, фольклорного сознания. Любой фольклорный текст (равным образом и жанр) основан на определенном коде, т.е. системе традиционных, привычных, органических для данной среды норм, правил, ограничений, семантических принципов, бессознательного, но с достаточной жесткостью регулирующих восприятие фольклорных текстов»[9, с. 12].

Как отмечалось выше, заимствование возможно при общности, близости языка, при наличии языка межэтнического общения, при знании языка данного народа частью другого соседствующего народа, его сказителями, певцами.

Важно учитывать также наличие письменных источников, из которых могут заимствоваться фольклорные произведения.

При определении наличия фольклорных взаимосвязей важное значение имеет одновременное совпадение или сближение нескольких моментов, например, сюжета и имени героя. Если близость только в сюжете может объясняться (а часто действительно и является) следствием типологии, а одинаковое или близкое звучание имён – как следствие случайного созвучия, то при одновременном совпадении или сближении и сюжета, и имени вероятность

спонтанного совпадения резко снижается. В таком случае при наличии исторических условий для культурного взаимообмена между рассматриваемыми народами мы можем почти безошибочно говорить о генетическом родстве или заимствовании фольклорных памятников, что, как правило, бывает творческим.

Специфичность процессов, происходящих в искусстве, их многообразие и зачастую несводимость к единым, всеохватным «схемам» проявляются особенно часто в области взаимовлияний. Приведённые выше признаки заимствования, очевидно, можно было бы продолжить, и они могут привести к положительным результатам лишь при по возможности широком комплексном их использовании, хотя в «полном наборе» они практически не встречаются.

О принципах перевода на русский язык текстов свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа»

Принципам научного перевода фольклора посвящено немало работ, общие положения разработаны достаточно хорошо, есть исследования и по конкретным (национальным, жанровым и др.) проблемам фольклористического перевода. В процессе составления «Свода памятников фольклора народов Дагестана» эти работы сыграли добрую службу, однако практика показала, что реализация рекомендаций намного сложней, чем это может показаться на первый взгляд, что обусловлено не только и не столько субъективными факторами (уровень квалификации исполнителей, степень обеспеченности ими и т.п.), сколько трудностью самого процесса, тем более в таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ.

Несмотря на «единство в многообразии», ярко проявляющемся здесь, фольклор создавался на языках, относящихся к разным семьям (иберийско-кавказской, тюркско-кавказской и иранско-кавказской), имеющих существенные отличия в синтаксисе, морфологии и т. д. не только от русского языка, но и между собой. А язык, как известно, фактор, лежащий в основе перевода (в фольклоре нужно учитывать и другие факторы: этнографические реалии, национальные «картины мира», этноментальность особенности стихосложения, учёт роли музыки и др.) Таким образом, обычно немногочисленным коллективам исполнителей по каждому национальному фольклору региона в каждом конкретном случае приходится, помимо общих принципов перевода, в определённой мере разрабатывать и этноспецифические.

Кроме того, на фольклоре не могло не сказаться и исповедание разных религий, что тоже необходимо учитывать при переводе, особенно при комментировании текстов. Так, например, в ряде публикаций дагестанских сказок используется слово «кум» («кума», «кумушка»). Несмотря на то, что позднее это слово стало использоваться и в значении «приятель», в фольклоре народа, например, многие столетия исповедующего ислам, вряд ли правомерно использование данной лексемы, обозначающей «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери» (С.И. Ожегов).

В наше время подготовлено немало фольклористов, которые, как правило, достаточно хорошо владеют как русским, так и родными языками, и

это существенно важно прежде всего потому, что переводы осуществляются не по подстрочникам (как это обычно делалось при художественном переводе), т. е., в частности, устраняется по сути «двойной перевод», неминуемо приводящий в той или иной мере к отдалению перевода от оригинала.

Как справедливо отмечает В.М. Гацак, «…фольклорный перевод эпоса должен, вероятно, стать *особым* разделом теории и практики перевода» [7, с. 196]. Это же можно в целом отнести и к другим жанрам.

Перед переводчиком фольклорного текста стоят прежде всего две важнейшие и наиболее трудно разрешимые задачи:

1. Сохранить весь комплекс национальных особенностей оригинала.

2. Передать это так, чтобы «звучало по-русски», было понятно русскоязычному читателю.

Слова Н.В. Кидайш-Покровской, высказанные относительно переводов тюркоязычных эпосов, можно отнести и к северокавказскому фольклору: «Хотя передача средствами современной русской лексики языка эпического произведения, созданного в иной историко-культурной среде, осложнена преодолением большой временной дистанции, использование всех возможностей русского языка позволяет, однако, отразить в переводе «присутствие» специфики языка подлинника. Здесь важно избежать и другого крена – излишней «русификации» (попытки обеспечить верность фольклорному оригиналу, архаики его языка с помощью сугубо устных или архаических форм русского языка, вплоть до использования «былинного стиля» и пр.). Следовательно перевод, сохраняющий характерные особенности подлинника, должен выполняться в том же стилистическом ключе, что и оригинальный текст, и при этом быть явлением русского языка. Здесь переводчику действительно необходимо удачно сочетать творческое воображение с расчетом исследователя» [8, с. 129-130].

Такой тип перевода можно назвать фольклорно-адекватным переводом.

Особенно внимательным нужно быть при переводе фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, которые наиболее широко представлены в фольклоре. По типологическим законам языка и мышления часть из них может иметь в целом адекватные соответствия в нескольких языках, и в таких случаях уместно при переводе использовать адекватные фразеологизмы и словосочетания; например, во многих языках есть «свои» выражения, соответствующие следующим русским: *от души; рыть яму другому; тёплое местечко; сходить с ума; нечист на руку; богом обиженный; ноги не держат* и др. Однако, когда речь идёт об идиомах в разных языках, практически невозможно найти полного их соответствия и по составу, и по структуре, и по функциям и т.д. Скажем, в языках народов Дагестана много «своих» идиоматических выражений, так или иначе передающих смысл таких национально-специфических русских идиом: *ни в зуб ногой; кот наплакал; заморить червячка; дать дуба; вот так клюква*! и др. Но исходя из их соответствия по смыслу, при переводе нельзя дагестанские идиомы заменять их русскими эквивалентами, ибо это было бы стилизацией, нивелировкой, а в конечном итоге привело бы к утере многих элементов национального колорита,

художественного видения мира, особенностей языка… В таких случаях, а также когда речь идёт об этносвоеобразных устойчивых выражениях, словосочетаниях, очевидно, необходим смысловой перевод с обязательным приведением в примечаниях их буквальных переводов.

Аналогичный подход необходим и при переводе фольклорных формул, в частности сказочных. В некоторых изданиях, особенно популярных, начальная формула времени национальных сказок передается формулой русских сказок «жили-были», что в академических изданиях принципиально недопустимо. Не случайно Н. Рошияну на основе анализа многоэтнического материала пишет: «Рассматривая структуру традиционных формул и идентифицируя функции их морфологических элементов, мы устанавливаем модели (как *инварианты*), по которым осуществляются конкретные варианты. Эти модели отражают, в конечном итоге, определенные закономерности, лежащие в основе существования традиционных формул. Обнаружение общих стабильных моделей сказочных формул и изучение их ценности как художественных образов в фольклоре разных народов позволяет нам не только установить сферу распространения определенных типов формул, но и раскрыть художественные средства, которые могут варьироваться от народа к народу, от сказочника к сказочнику, от одной сказки к другой и т. п., в конечном итоге – показать роль традиции и новаторства в применении сказочных формул и выявить – в той мере, в какой это возможно, – национальную специфику этих формул» [10, с. 12-13].

Несколько слов о редакторской работе.

Нередко приходится слышать о необходимости редактирования национальных текстов. Но ведь одна из основных заповедей фольклористики – не вторгаться в текст, не редактировать, не корректировать его (возможны купюры, когда имеют место моменты явно националистического характера, нецензурщины и т. п.). Нельзя и адаптировать, перекладывать тексты на литературный язык. Здесь, очевидно, речь должна идти лишь о приведении записей в нормы современной графики, пунктуации, в чём некоторые фольклористы не вполне компетентны (особенно в Дагестане, где графика довольно сложна, а некоторые малочисленные народы лишь недавно получили свою письменность).

Сложнее проблемы, связанные с редактированием переводов. Переводчики (особенно в национальных республиках) не всегда могут, что называется, «чисто по-русски» передать зачастую сложнейшие по структуре, стилю, лексике этноспецифические тексты, предложения, фразеологизмы и т. д., и здесь редактор может оказать большую помощь. Но опять-таки, таким образом, чтобы не пришлось вторгаться затем в текст оригинала, изменяя его «под перевод». Это, думается, ясно всем фольклористам, однако некоторые правки редакторов, замечательно звучащие по-русски, оказываются не совсем адекватными оригиналам, и это в принципе понятно, ибо ни один редактор не может владеть всеми языками народов Северного Кавказа. Очевидно, что здесь нужна совместная работа редактора и переводчика.

При этом надо помнить также то, что стилистически литературные и фольклорные произведения нередко имеют определенные отличия, например, повтор одних и тех же слов в одном предложении, абзаце и т.д. в авторском тексте может восприниматься как стилистическая погрешность, в то время как в фольклоре это – характерный художественный прием, «фольклорный стиль».

Таким образом, эдиционная работа по созданию академических сводов требует комплексного подхода, где перевод и комментирование занимают важнейшее место.

Итак, составление свода «Фольклор народов Северного Кавказа» – проблема многосложная, широкомасштабная, комплексная, долгосрочная, требующая привлечения специалистов со всего региона, востребованная наукой, необходимостью сохранения и популяризации традиционной культуры, а также помочь в решении особенно актуализировавшихся задач аргументированной пропаганды идей толерантности, межнационального и межконфессионального мира, антитерроризма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджиев А.М.* Кавказский сюжет о гибели охотника (вопросы эволюции и межэтнической общности) // Аджиев А.М. Проблемы дагестанской и северокавказской филологии в контексте диалога культур и времен. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – С. 9-37.

2. *Аджиев А.М.* Материалы к предварительному обсуждению проекта проспекта свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа». – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2015. – 44 с.

3. *Аджиев А.М.* О перспективах создания свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. II. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. – С. 3-6.

4. Аджиев А.М. Героико-эпические сказания и песни народов Дагестана в контексте диалога культур (Материалы Всероссийской конференции «Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: методология и практика систематизации фольклорного наследия») // Новые российские гуманитарные исследования. – 2013. – №. 8.

5. *Аджиев А.М.* Проект проспекта и основных принципов подготовки многотомного научного издания серии «Памятники фольклора народов Северного Кавказа». – Махачкала: Институт ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. – 30 с.

6. *Алиева А.И.* Антология эпоса близкородственных народов // Фольклор. Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. – 287 с.

7. *Гацак В.М.* Проблемы фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. –287 с.

8. *Кидайш-Покровская Н.В.* Перевод тюркоязычных эпических памятников в Академической серии. // Фольклор: Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. – 287 с.

9. *Путилов Б.Н.* К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. – Казань: СССР фэннэракадемиясе, Казан филиалы, 1983. – 143 с.

10. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.

УДК 398 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-122-133**

О СОЗДАНИИ СВОДА «ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» В КОНТЕКСТЕ МНОГООБРАЗИЯ И ЕДИНСТВА КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

А.М. АДЖИЕВ

ФГБУН Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.
367025, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45.
E-mail: folkloriyali@mail.ru

Аннотация. Поскольку литература по проекту А.М. Аджиева о принципах составления свода неоднократно публиковалась, в данной статье акцентировано внимание на некоторые его аспекты обобщающего или конкретизирующего характера. Создание многотомного широкомасштабного свода фольклора Северо-Кавказского региона востребовано наукой, а также современными межнациональными и межконфессиональными актуализировавшимися взаимоотношениями. Ареал охвата привлекаемого в свод фольклорно-этнографического материала предлагается не ограничивать территорией СКФО. В статье даны рекомендации по учету конкретных региональных и типологических проблем локально-специфического, этнического, межэтнического и надэтнического в культуре, критериев определения заимствования, принципов перевода и др.

Ключевые слова: свод; фольклор; Северный Кавказ; народы; традиции; актуальность; специфика; заимствования; типология.

ABOUT CREATION OF THE CHOICE COLLECTION «FOLKLORE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS» IN THE CONTEXT OF VARIETY AND UNITY OF CULTURE OF THE REGION

A.M. ADZHIEV

Federal State Budget Institution of Science
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
Dagestan Scientific Center of RAS.
367025, RD, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 45.
E-mail: folkloriyali@mail.ru

Abstract. As the literature on the project of A.M. Adzhiev about the principles of compilation of the collection of selected folklore was repeatedly published, in this article we mainly paid attention to some aspects having the generalizing or concretizing character. The creation of the multivolume large-scale collection of folklore of the North Caucasian region is demanded by science, and also by international and interreligious relations of present times becoming more actual. The area of coverage of the folklore and ethnographic material of the collection is intended not to be limited by the territory of North Caucasus Federal District. The recommendations about certain regional and typological problems of local and specific, ethnic, interethnic and supra-ethnic features in culture, criteria of definition of plagiarisms, the principles of the translation, etc. are presented in this article.

Key words: selection, digest; folklore; the North Caucasus; people; traditions; relevance; specifics; plagiarisms; typology.

СБОРНИК КЕРИМА МХЦЕ «НА ГРАНИ ОСЕНИ И ЛЕТА»: СМЫСЛОВЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

П.К. ЧЕКАЛОВ

Керим Мхце – центральная фигура абазинской литературы последней трети XX столетия, так как он в своем творчестве воплотил лучшие достижения национальной поэтической культуры. Его лирика – одна из наиболее активно осваиваемых направлений в абазинском литературоведении. Достаточно сказать, что библиография публикаций о нем насчитывает более 200 источников, среди которых – 4 монографии, исследующие различные аспекты его творчества.

Первая такая работа «Керим Мхце. Наброски к творческому портрету» [4] вышла в марте 2001 года и исследовала различные аспекты поэтического творчества Мхце: творческая манера, формальные признаки стиля, повтор мотивов, времена года как возрастная категория и т.д. В книге выявляются новаторство Мхце в области формы национального стиха, основные черты лирического героя. Важное значение обретают страницы, в которых дается интерпретация конкретных произведений.

Монография «Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления» [1] была издана в начале 2005 г. и исследовала метрико-ритмические аспекты творчества поэта начала творческого пути. На материале первых четырех сборников выявляются используемые автором формы, метры, размеры, определяются ритмические разновидности стиха, степень участия в них различных ритмоопределителей. Изучение их показывает пути освоения молодым поэтом опыта русской силлаботоники, то новое, что он привнес в структуру национального стиха.

Третья монография «Ранняя лирика К.Л. Мхце» [5] увидела свет в 2008 г. В трех главах ее последовательно исследуются ученический, армейский и студенческий этапы творчества. Каждая из них открывается общей характеристикой изучаемого временного отрезка, где рассматриваются историко-биографическая основа, тематические пристрастия, формальные и стилистические тенденции, анализ и интерпретация сильных и слабых сторон произведений. Центральное место в главах занимает исследование мотивов и образов, филологический анализ которых произведен с учетом всех стилистических, языковых и психологических нюансов. Характерной особенностью работы является то, что творчество К.Л. Мхце рассматривается не изолированно, а в соотнесении с традициями национальной (М. Чикатуев, М. Тлябичева, Дж. Лагучев), русской (А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, А. Ахматова, М. Цветаева) и мировой литературы (Ф. Петрарка, У. Шекспир).

Монография «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться…» [6] воссоздает жизненный и творческий путь К.Л. Мхце в хронологической последовательности с анализом всех стихотворных сборников, что позволяет зримо проследить рост и совершенствование его поэтического мастерства. В специальных главах представлен научный комментарий к

литературоведческому и критическому материалу по творческому наследию поэта. Издание снабжено хроникой жизни и творчества поэта, фотоматериалом, иллюстрациями абазинских художников к произведениям Керима Леонидовича.

Один из последних прижизненных сборников К.Л. Мхце «На грани осени и лета» (1994) сегодня осознается как вершина поэтического развития автора и всей абазинской поэзии, вследствие чего требует к себе пристального внимания. При исследовании его содержательных и формальных особенностей использовались интерпретационный метод и метод описательной поэтики.

Книга открывается характерным для автора мотивом пути. В стихотворении «Пришел сюда...» мы видим разочаровавшегося героя, которому так и не удалось покорить заветную вершину – символический образ высокой цели. Он сосредоточенно обходит гору вокруг, убивает в себе прежние мечты и, как известный древнегреческий философ, поселяется в бочке. Но капитуляция перед трудностями, осложненные объективными причинами (на это указывается в стихотворении), заканчивается сожалением о потерянном времени: дела, от которых он бежал, лежат незавершенными, и непокоренная вершина все также высится перед ним, что заставляет героя снова приступать к выполнению своего жизненного долга.

Столь же безрадостное настроение свойственно и стихотворению «Луна и смерть», где преобладают мотивы смертельной усталости, надрыва еще до того, как герой достигает намеченной цели:

«Лунная ночь. Если б иголка лежала на земле, и та была б заметна. Смотрю на дальний край земли. Скоро я его достигну и отдохну там скоро.

Лунная ночь... Иду из последних сил. Издали смотрю на горизонт. Успокаиваю свое сердце: «Скоро, скоро мы дойдем, потерпи немного, ничего страшного не случилось...»

Лунная ночь... Прекрасная земля манит возможностью счастья... Но... тихо упал я посреди степи, и ранняя усталость успокоила мое сердце.

Лунная ночь... И куда я шел? И жизнь... не привиделась ли мне она? Холодная луна стоит надо мной и смотрит на дальний край земли».

Здесь мы встречаемся с героем, сознательно пренебрегшим земными радостями, избравшим себе уделом утопическую мечту дойти до горизонта. И немудрено, что он не достигает цели, ибо за одним горизонтом открывается следующий. Мысль о несбыточности мечты усиливается заключительным образом луны, холодно глядящей за новый край земли и после смерти героя. И, тем не менее, даже нереальность и невозможность воплощения желания еще больше оттеняет высоту помыслов и стремлений лирического субъекта.

В этом стихотворении обнаруживается еще один мотив: в контексте стиха несколько двойственно звучит вопрос: «И куда я шел?», словно герой забыл о конечном пункте назначения. Тот же вопрос прочитывается и со скептической интонацией: И зачем я шел? И стоило ли начинать этот путь? И кому он нужен?.. В таком аспекте угадывается разочарование героя в том, что им сделано, в степени востребованности народом результатов его деятельности.

Последний мотив находит продолжение в стихотворении «Я», открывающем цикл «Страницы дневника». Оно состоит из пяти шестистрочных строф со сходной структурой. Использованный 4-стопный ямб имеет свою ритмическую специфику: на фоне полномерных, рифмующихся между собой 4-й и 6-й строк, выделяются наращенные дополнительным слогом 1-я, 2-я, 3-я и 5-я, также рифмующиеся между собой, что создает особую ритмико-интонационную гармонию.

Мы застаем героя в минуту душевного надлома, глубокой сердечной печали, когда он пытается осмыслить пройденную часть жизненного пути, еще и еще раз возвращаясь к отдельным его этапам, но так и не обнаруживающего в собственной судьбе ни единого проблеска, ни одного позитивного момента. И в этом плане наиболее важными, концентрирующими в себе основной эмоциональный заряд стиха выступают срединные 2-я, 3-я и 4-я строфы:

Я – рожденный страданьем женщины-вдовы, не удостоившийся воспитания собственного отца, но не затерявшийся в пыли, – когда давным-давно, весенней порой, подрастал, преодолевая муки, чего хотел я в мире этом?

Я – сердцем жаждавший большого дела, направившийся в сторону счастья, но путь которого был перекрыт, – давным-давно, в начале лета, когда мечта еще маячила перед глазами, чего хотел я в мире этом?

Я – кому не удались желания сердца, кто по родной стране мыкался уличным псом, прислуживал тем, кто, не имея головы, занимал главные посты, – давным-давно, в середине лета, когда меня заставили забыть, для чего явился на свет, чего хотел я в мире этом?

Поэту самой формой стиха удалось подчеркнуть волнами накатывающую на героя безысходную горечь, нарастание интонационного надрыва от первой строки к третьей (все – на одну рифму!), затем спад на четвертой, потом снова напор, возвращение тоски и опустошенности (пятая строка), и снова спад (шестая) с тем, чтобы с новой строфой начать все сызнова.

Отметим и четкую организацию строф, каждая из которых представляет собой одно развернутое, но законченное предложение, открывающееся личным местоимением первого лица, продолжающееся печальной самоаттестацией с указанием символического времени (весенняя пора, начало лета, середина лета – как возрастные категории) и завершающееся одним и тем же риторическим вопросом, выражающим тупиковость, безвыходность положения героя.

На всех уровнях стиха мы видим предельную отточенность, гармоничное сочетание формы и содержания, их спаянность и взаимообусловленность. Все эти признаки со всей очевидностью демонстрируют мастера, достигшего пределы совершенства.

Трагическое мироощущение лирического субъекта Мхце отчетливо отразилось и в стихотворении «Прошение уличного пса», в котором проявилась еще одна нехарактерная для поэзии Керима особенность: будучи лириком, он предпочитал выражать все от своего лица, не прибегая к ролевой поэзии, и данное произведение – единственное исключение, когда он использовал маску животного: «Куда ни зайду, отовсюду меня изгоняют. Воя, взглядываю на черное небо. О, господи, я замерзаю! Неужели не видишь, что приходится мне

выносить? Не провел я сытым ни одного дня. Чей грех заставляешь меня оплачивать? Не дает мне надежды занимающаяся заря, что найдется рука, которая погладит мою голову... Когда, страдая под забором, выводила на свет меня мать, неужели не знала об уготованной мне б... участи?..».

Как видим, монолог произносится от лица собаки, и восприятие жизни, и все ощущения – собачьи. Гонимое, голодное и замерзающее существо, доведенное до предела отчаяния, как к последней инстанции, обращается к богу за разъяснением вопроса: почему с рождения уготована ему такая мучительная судьба? Характерно, что небо, куда с последней надеждой взглядывает воющее создание, окрашено в черный цвет. Это кажется естественным для ночи, когда произносится мольба, и, тем не менее, это еще один смысловой штрих, дополняющий непроглядно-черную судьбу бездомной собаки.

Отметим также, что в этом стихотворении впервые в абазинский художественный текст вводится нецензурное слово, обозначенное начальной буквой и многоточиями, но восстанавливаемое по контексту и рифме. Но при этом необходимо заметить, что данное слово достаточно мотивировано: оскорбленному и униженному, доведенному до отчаяния псу / человеку не до изысканности, когда в нем клокочет боль. И потому в последующем обращении к всевышнему содержится всего лишь одна просьба: ниспослать ему смерть в виде последней милости: «Всемогущий, прошу, прояви хоть немного жалости: прогони от меня лающую судьбу и ниспошли мне гибель, покуда день не настал». Единственный выход для пса из трагедии жизни – умереть, потому что и заря нового дня никакой надежды не приносит. Подчеркнем естественное и органичное проявление в ткани стиха метафоры «лающая судьба».

Характерно и то, что собака, как и лирический герой Мхце, не обладает агрессивностью, она ни на кого не держит зла за выпавшую ей участь. Заключительная строфа построена таким образом, что ее можно воспринять и как логический финал монолога собаки, и как философское обобщение автора:

Урам лагьи гIвара зму алагьи
ДызхIыркъванчуш ачIвыйа заджвы?
ХIпсадгьыл рыцхIа гьгIахIзымхчатI хIаргьи
ЙанхънагIвуз агвалымсра цхIашвы.

(И бездомному псу, и псу с конурой зачем осуждать кого-то? И мы не сумели защитить нашу бедную родину, когда покрывал ее лед бессердечия).

Как это нередко бывает у К. Мхце, финал стихотворения заставляет по-новому взглянуть на все произведение: частная драматическая судьба уличного пса оказывается лишь следствием того, что все мы не сумели защитить свою родину – и большую, и малую – от наледи бессердечия.

Не только по последней строфе, одинаково относящейся и к собаке, и к человеку, можно судить о внутренней соотнесенности образа пса и лирического героя. Родственность их обнаруживается в первую очередь по трагичности мироощущения, восприятия жизни как безрадостной, сплошной боли, безнадежности ее перспектив.

Нередко исходный мотив в произведениях К. Мхце является не только удачной отправной точкой, но, дав импульс для развития поэтической мысли,

он же нередко служит и достойным логическим завершением. Таково стихотворение «Бессилие», представляющее собой нелицеприятный прямой разговор поэта с народом: всем содержанием и интонационным строем стихотворение выражает горькую обиду автора на людей, не принявших его любви, его песен, не сумевших распознать истинного его значения. И счет предъявляется с первой строфы:

Зны суасаражвта, зны сджьагIафа ччахъвата,
Зны сшвыртшхъваua, зны сылшвщуа ахIвынчIвы,
Сгвы сымлыквта, йымхъйушыз сгвала счIахъвата
ЙназдастI сынцIра... АчIвыйа йшвхIвуш ужвы?

(Представляя меня то мудрецом, то смешным клоуном, то похваливая, то окуная в грязь, я, чьим состоянием было лишь собственное сердце, а хлебом – несбывшиеся желания, проводил жизнь... Что скажете теперь?)

И с каждой строфой резкий, лишенный полутонов и двусмысленности монолог обостряется: «Песни, которыми звал я вас к заре, осенним вечером осыпались древесной листвой. Когда выпали вам холодные вьюги столетия, огонь любви моей и отчаяния никого не согрел. Моей мечты вы не заметили, и воодушевление потонуло в вашем равнодушии. Вы уже никогда не поймете, кем я был для вас на самом деле. Я не оставляю вам сора моих ошибок, как бы ни был тяжек мой груз, я унесу его с собой. Что скажете, вольные сердцем абазины, не вольные в своем национальном самосознании? Пока вы не упали с кручи, к которой подошла ваша жизнь, услышьте выкрик мой, когда я упаду!».

Как видим, поэт не только укоряет людей в равнодушии, духовной слепоте, неумении внять призыву, оценить степень самоотдачи лирического героя, нежелании понять истинной его пророческой миссии («Вы уже никогда не поймете, кем я был для вас на самом деле»), он осознает и свои ошибки, и свое бессилие исправить что-либо, и тут же выражает готовность предостеречь народ от неверного, гибельного шага хотя бы своим последним предсмертным выкриком. Все это, сливаясь воедино, определяет трагический характер произведения. У поэта мало надежд, что его соотечественники в будущем сохранят себя как народ. Но если это случится каким-то чудесным образом, то он (уже погибший, упавший с кручи) готов вернуться к ним и влиться в их жизнь в любом, даже самом смешном обличье. И здесь намечается поворот к мотиву, прозвучавшему в самом начале стихотворения:

Шва швгIащаквхузтын, амара джьащахъвата
Швдуней ахъахь мышкIы йангIакIкIара,
Йа суасаражвта, йа сджьагIафа ччахъвата
ЙшвымдырдзакIва снашвылалхуаштI сара.

(И если вы сохранитесь, и солнце однажды удивительно засияет над вашим миром, *то мудрецом, то клоуном смешным* вернусь я снова незаметно к вам).

И, если в начале стихотворения герою было оскорбительно восприятие его как шута, то в конце этот мотив сглаживается: он согласен на все, лишь бы его народ сумел сохранить себя.

Принцип повтора начального мотива реализовано и в «Элегии», открывающейся строфой:

Спахьла йаъу сазхъвыцитI.
Сыла йгIацIалхитI йаъаз...
СыдзитI, псейспамца сыдзитI
Зынла сымдзырныс ахъаз.

(Я думаю о том, что будет. Я вспоминаю то, что было... Исчезаю, медленно исчезаю, чтоб не исчезнуть сразу).

Попутно отметим, что проникновенный лиризм последних двух строк обладает такой художественной силой, что они буквально завораживают и опьяняют, а в чем заключается конкретная причина такого воздействия – невозможно уловить, вычленить и объяснить. Возможно, сказывается здесь лирический повтор: «*СыдзитI*, псейспамца *сыдзитI*» (исчезаю, медленно исчезаю); вероятно, играет свою роль и банальнейшая, на первый взгляд, но обладающая совершенной полнотой лирической мотивированности смысл четвертой строки: «...зынла сымдзырныс ахъаз» (... чтоб не исчезнуть сразу). В создании впечатления, наверняка, участвует и аллитерация, особый вид которой мы охарактеризовали бы ассоциативным, так как в двух строчках 6 раз встречается звук «**с**», дважды – близкий к нему по звучанию «**з**», трижды – «**дз**», близкий по звучанию уже к «з», и однажды «**ц**», близкий к «дз». Но в принципе, эти предположения ничего не означают и никак не объясняют магической силы простых и безыскусных строк, и в этом сказывается бессилие науки перед красотой и гармонией.

Но вернемся к нашей теме и приведем заключительную строфу:

Схъабра шкIвокIвара гIалашвитI.
Сысквшква кIнылитI ахъылагъь...
СыдзитI, псейспамца тшаласшитI
ЙчмазагIву сугIа рылахь.

(В волосы пробирается белизна. Годы катятся под уклон... Исчезаю, – медленно растворяю себя в больной судьбе моего народа).

Можно заметить, что хотя в финале и сохранена основная функция повторяющегося мотива исчезновения, но она заметно видоизменена: если в первом случае герой медленно исчезает по общему для всех закону природы, то во втором случае он сознательно растворяет себя в больной судьбе своего народа, тем самым обозначая новый мотив жертвенности.

Стихотворение «Когда мы расстанемся» открывается признанием: «Хвага хьшвашвата, гвасрата хIа дхIбжьагылапI заджвы...» (холодной обидной тенью кто-то стоит между нами). Поэтическая мысль развивается далее и в конце возвращается к начальному мотиву: когда мы расстанемся на рассвете и я унесу тайну боли сердца своего, я вернусь к тебе, не издавая ни единого земного звука, и однажды ночью сиротливой безобидной тенью встану между вами.

Хотя функции двух теней одинаковы – в определенный час являться и становиться между любимой и ее поклонником – все же наблюдается большая разница в мотивах поступков. Если тень третьего своим присутствием – *холодным и обидным* – мешала лирическому герою любить, то его собственная – *сиротливая и безобидная* – никакого вреда не причинит, потому что явится лишь в воспоминаниях любимой женщины и уже после смерти героя. Такое

прочтение подсказывается тем, что он будет приходить, не издавая ни единого *земного* звука; тому же способствует и смысл фразы «уыжвласыла хIгьанйахуашым ари адгьыл апны» (не скоро мы встретимся на этой земле). То, что лирический герой погибнет от неразделенной любви, соответствует общему настроению произведения и, что немаловажно, гибель его произойдет как раз от того, что при жизни ему мешала любить тень того, третьего. И какой кротостью и смирением, какой безмерной любовью нужно было обладать, чтобы в свою очередь, явившись между ними, не помышлять о мести, даже не попытаться помешать им?!

Неподражаемую игру воображения Мхце можно проиллюстрировать стихотворением «Футбол», которое открывается изображением спортивного матча и общей атмосферы стадиона, наполненного болельщиками. Они кричат, свистят, бушуют, наблюдая за игрой. Чтобы подчеркнуть накал страстей на трибунах, поэт дополняет описание сравнительным оборотом: «как будто сегодня разыгрывают счастье» («уахьчIва йгIаркIьануазшва насып»). А спортсмены мечутся, бросаются друг на друга, сбивают с ног противников, и вот уже тренеры вынуждены производить замены, выпускать на поле футболистов со свежими силами…

Казалось бы, стихотворение на чисто спортивную тему. Но в третьей строфе происходит резкий поворот, и в произведение вторгается литературная тема, которая уже до конца развивается параллельно с футбольной. Что может быть общего между ними? Как можно увязать две разные, даже несовместимые между собой сферы? Вот тут и проявляется оригинальность автора, нестандартность его мышления, умение соединять несоединимое, выявляя и наглядно представляя одно через другое. И заметим: две темы связываются между собой ненасильственно, не сшиваются белыми нитками, они так плотно подгоняются, сращиваются между собой, что никакой искусственности не ощущается, наоборот, все получается очень естественно и органично. И этого эффекта Мхце добивается тем, что находит верный ракурс, в котором спортивная и творческая деятельности уравниваются. И гранью такой выступает *мотив борьбы*.

ХIаргьи топ хIаситI. – Топ хIацаситI
ХIугIахъа рылахьи хIари.
Заджвы – дкIаркъьитI, заджвгьи – дырчвбзазитI, –
Жьыхь змам топасрахатI ари!

(И мы играем в мяч. В футбол играем мы с судьбой народа. Кого-то сбивают, кто-то выживает, в спортивное состязание превратилось это).

В литературной «игре», оказывается, срабатывают те же законы, что и в футболе, вследствие чего творческая жизнь принимает форму безжалостного соревнования. Но тут же между ними намечается одна существенная разница: если на футбольном поле вместо сбитого, травмированного спортсмена выпускают другого, то в национальной литературе не оказывается «запасного» творческого лица. И эта проблема ставится прямо, открыто, бескомпромиссно: «Араъа йкIахIаз йтарала – / Дабоу?! – йгIаталуаш дхIымма хIа?» (Здесь вместо выбывшего кто на поле выйдет? Есть ли он у нас?)

Вопрос оказывается риторическим: «запасных» писателей у абазин нет! И это умозаключение заостряется, конкретизируется фактами из национальной литературной жизни: места, некогда занимаемые Хамидом Жировым, Пасарби Цековым, Кали Джегутановым так и остались пустыми. И, как некогда Маяковский обращался к пролетарским поэтам, так и Мхце адресует свой голос, не лишенный назидательности, соратникам по перу:

Ауат дзынквата хIырхъамчIвыуа
Рцынхъвгьи хIгIахъвмарра атахъыпI –
УахьчIва дзачIвызлакIгьи хIа хIыуа
ДбжьагIвыпI, дагвыквсыгIвпI, дгвашвхчагIвыпI.

(Не плача над ними осенним дождем, мы должны играть и за них. Сегодня каждый из нас выступает тренером, нападающим, вратарем).

Спортивная терминология в литературном контексте преображается, превращается в метафору активного служения национальной культуре оставшимися силами.

В начале финальной строфы параллель футбол / литература расширяется и сменяется другой параллелью: жизнь / футбол. Суровые законы жизни оказываются сродни спортивным, где не выдерживает тот, кто остается в одиночестве («Жьыхь змам абзазара-топасра / ДарбцIитI зынла зхъазы йгIанхаз...»). Но в самом конце, в заключительном двустишии, Мхце снова возвращается к литературно-футбольному соотнесению и, обращаясь к зрителям / читателям, завершает свое стихотворение щемящим мотивом предстоящего расставания, порожденного прозвучавшим ранее мотивом ухода из литературной жизни старших товарищей: «ХIыгвква кьазула йанашIасра, / Астадион, напIы ухIызгIас!!!» (Когда наши сердца остановятся по очереди, стадион, тогда рукоплещи!!!)

Отметим, что заключительные строки снова актуализируют проблему постепенного угасания национальной литературы, вероятность полного ее исчезновения в не столь далеком будущем.

Еще в поэму «Воспоминание» («Рассветные цветы», 1983) Мхце включил самостоятельный и завершенный фрагмент, обладающий определенными формальными и стилистическими особенностями. С одной стороны, все 28 стихотворных строк его были объединены в одно бессоюзное сложное предложение, части которого связывались между собой интонацией перечисления, а с другой, весь текст состоял исключительно из существительных (преимущественно), прилагательных и причастий. Вот этот последний принцип поэт применил и в стихотворении «Осенний этюд» из рассматриваемого сборника. И здесь в четырех строфах поэту удалось воспроизвести картину осени, не употребив ни одного глагола:

АжвгIванд айачIва шлаква.	Седые звезды неба.
АщхъамгIващква.	Горные тропинки.
Адзын хъвыцра хьантаква.	Тягостные осенние мысли.
АбыгъьгIважьква.	Желтые листья.
АцIх ауыра. Йкъваз ашахв.	Долгая ночь. Запоздавший рассвет.

АпстIа хьшвашва.	Холодная роса.
ЙлахъвгIахъасру алахь ахв.	Мгновенной судьбы цена.
Алахь ашва.	Судьбы песня.
Аджьугьальа. Архъа пша.	Перекати-поле. Полевой ветер.
Ахъазыра.	Одиночество.
Йжьагу адуней лаша.	Обманный мира свет.
Аладзцыра.	Капля слезы.
Сныбыжь. Сылапш йцIыруа.	Годы мои. Взгляд кричащий.
Сгвала йгIвыму...	Почужевшая мечта…
Зджьарагьи уызмырцауа	Никуда не ведущая
АмгIва –	Дорога –
мгIвума?..	разве дорога?..

По использованному классу слов произведения Мхце идентичны стихотворению Фета «Шепот, робкое дыханье…», в котором также отсутствуют глагольные формы. Данное сопоставление указывает на источник формальных традиций, реализованных абазинским поэтом как во фрагменте из «Воспоминания», так и в «Осеннем этюде», хотя тут же обнаруживается кардинальное расхождение произведений на тематическом уровне. Если у русского поэта через описание летнего ночного пейзажа выражается любовный восторг, то у Керима в первом случае через перечисление абстрактных понятий, явлений природы, предметов обихода представлен трагический путь абазинского народа, а во втором – тягостное состояние лирического субъекта, рефлексирующего над приметами осени.

Керим обладал тонким языковым чутьем, и оно проявлялось в его творчестве многогранно. Для полного выражения поэтической мысли он умел подобрать самые точные слова и словоформы, выразить различные, порой неуловимые оттенки настроения, раскрыть состояние души, создать неповторимые по оригинальности и выразительности тропы, прекрасную мелодику, обыграть непереводимые на другие языки национальные речевые обороты. Остановимся на некоторых примерах такого ряда.

В стихотворении «Еще одна элегия», как и свойственно данному жанру, поэт печально размышляет о прожитом и свершенном. Структура его нарочито упрощена, но при этом все строфы структурно абсолютно идентичны. Для наглядности приведем первые две из них:

Суысква йгIаджвыквсцIаз	Из дел, начатых мною,
рыуа закIгьи	ни одно
ацIыхъва йгьнардзам,	не доведено до конца,
йызбитI.	*вижу.*
Сылахь йгIанылыз –	Все, что в судьбу вплелось –
бзигьи чвгьагьи –	и хорошее, и плохое –
лапшыкI йгьапсам,	и одного взгляда не стоят,
йызбитI.	*вижу.*

СыгIапын зайпхызуаз	Снившееся моей весне
апхын хъагIа	сладкого лета
анурква зджьара	лучей нигде
йгьызбум.	*не вижу.*
Сгвыргъьахъв йазыщтIаз	К радости сердца
амгIващ хъара	далекая дорога
йахъыйгIан ахIвра,	травой заросла и
йгьызбум...	*не вижу*...

Стихотворение построено в виде перечисления жизненных невзгод, и в каждой строфе, четко разбитой на две фразы, приводятся по одному печальному факту, завершающемуся словами «*вижу*» или «*не вижу*». Примечательно, что они повторяются во второй и четвертой строках каждой строфы. Таким образом, тождественность строф наблюдается не только на уровне стилистики и композиции, но и рифмы: из десяти пар пять являются тавтологическими: «вижу – вижу», «не вижу – не вижу».

Но подчеркнутое структурное однообразие никак не означает эстетической неполноценности произведения. Наоборот, оно отличается стройностью и строгостью формы, а цикличность построения создает своеобразный ритм морской волны, который подхватывает тебя и несет по просторам грусти и печали, все шире и шире разливающиеся от строфы к строфе. И далее мы узнаем, что все доброе, свершенное героем с мечтой о прекрасном, по непонятным жизненным законам с противоположным зарядом возвращается к нему же; сочиненные стихи и спетые песни невостребованными пропадают в овраге; никто не понимает грусти поэта и некому приласкать его плачущее сердце... Подводя итоги печальным размышлениям, можно сделать вывод, что лирический герой потерял всякую надежду и ничего оптимистического в этой жизни не находит.

Казалось бы, формально столь строго выдержанное стихотворение и логически должно быть выдержано до конца. Но – нет, и здесь намечается расхождение между сохраняющейся до заключительной строфы формой и содержанием. И неожиданность обнаруживается, как это обычно и бывает у Мхце, не в последней строфе даже, а в последней строке:

ЙагIан, ауаса	Было пора,
йгьгIамитI апсра,	но смерть не пришла,
йгьызгIайуам ауи,	не может она прийти,
йызбитI:	*вижу:*
йжыйу анпсата	суровой мачехой
йсзалыз сара	ставшей мне
абзазара	жизнь
бзи йызбитI!	*хорошо вижу (люблю).*

Только в самом конце становится ясно, почему автор на протяжении всего стихотворения сохраняет одну и ту же банальную рифменную пару. Повторяющаяся многократно, она становится настолько привычной, что читатель даже неосознанно ожидает ее в конце каждой строфы. И что самое парадоксальное, поэт формально не обманывает этого ожидания и завершает

стихотворение тем же «*вижу*» («йызбитI», правда, добавляя к нему маленькое слово «*бзи*» – «хорошо») и, сохраняя формальное сходство, словосочетание обретает уже совершенно иной смысл! Дело в том, что в абазинском языке «*бзи йызбитI*» (буквально: хорошо вижу) означает – *люблю*. И именно это последнее слово в самом финале меняет весь настрой стихотворения, все то, к чему с неумолимой логической последовательностью шло его содержание: несмотря на все неурядицы и жизненные неудачи, несбывшиеся мечты, незавершенные дела, непонимание его миссии, невостребованность его стихов и песен – самое страшное для поэта! – лирический герой все равно благословляет жизнь и признается ей в любви!

Если бы то же самое было высказано в какой-то иной форме, вероятно, это не вызвало бы столь восхитительного эффекта; но когда о любви говорится теми же грустными словами, в той же печальной интонации, с той же естественностью и искренностью, с использованием все той же заурядной рифмы и, главное, когда такого финала совершенно не ожидаешь, – концовка просто потрясает! Формально в финале эффект обманутого ожидания отсутствует, потому что поэт до конца выдерживает заданные стиль, структуру и рифму. И тем не менее это двойной эффект обманутого ожидания, потому что в конце звучит мысль, не только не вытекающая из предыдущего текста, но прямо противоположная тому, что напрашивалось из сказанного выше! Вот эта парадоксальность финала при сохранении всех иных примет стиха и вызывает немой восторг читателя.

Своеобразным в плане исполнения представляется и следующая пятистрочная миниатюра:

УасакI ачва гьахъырхуам гIван.
Быжьнума йсхъырххьазапI сшуасамгьи.
ХIдуней шыргIапскву гьгIасгвынгIвуам:
Учва ухъихныс йылшитI чвакIгьи зхъам,
Чва ныжьхта хъанадзара зхъамгьи...

(С овцы два раза шкуру не снимают. Семь раз с меня содрали, хоть я и не овца. Никак не разберу, как этот мир устроен: тому с тебя снять шкуру удается, кто вида даже не имеет. Да что там вид! – Кто даже головой не обладает).

Если судить о стихотворении по подстрочному переводу, – ничего особенного, средненькое произведеньице, хотя даже по подстрочнику становится очевидным оригинальное противопоставление того, что с овцы шкуру можно содрать лишь однажды, а с человека, с которого вообще-то шкуру снимать нельзя, эту самую процедуру проделывают неоднократно. Гипертрофированная метафора призвана показать абсурдную житейскую ситуацию, нехарактерную даже для животного мира. В принципе, для миниатюры наличие такой мысли представляется вполне самодостаточным и оправдывающим стихотворный текст. Но это только содержательная сторона. Обратимся к тем явлениям, которые подстрочный перевод передать не способен.

Во-первых, пятистишие не самая ходовая, а довольно редкая поэтическая форма с интересным типом рифмовки. Отметим безукоризненный

четырехстопный ямб, довершающий ощущение совершенства стиха. Но не только наличие мысли и упомянутых формальных признаков возводит стихотворение в ранг поэзии, свою немаловажную роль в этом играет и звуковая организация заключительных строк:

У*чва* ухъихныс йылшитI *чва*кIгьи з*хъа*м,
Чва ныжьхта *хъа*надзара з*хъа*мгьи...

Обратим внимание на выделенные курсивом слова и части слов. В двух строчках трижды используется «*чва*», трижды «*хъа*» и один раз «*хъ*». Фраза оказывается пронизана звуками, концентрирующими в себе смысл двух ключевых слов стихотворения: шкура / кожа («чва») и снимать («хъыхра»). Прекрасное анаграммирование!

Абазины о представительном человеке говорят: «чва йхъапI» (буквально: обладающий кожей), о невзрачном, наоборот, – «чва гьихъам» (не обладающий кожей). И поэт в пределах одной строки – в начале и конце – сталкивает практически однокоренные, но с разным семантическим наполнением слова, в результате чего эффект от звукописи преобладает даже над смыслом: «*Учва ухъихныс* йылшитI *чвакIгьи зхъам*». То есть с тебя шкуру (у*чва ухъихныс)* удается содрать даже самому неказистому, невзрачному на вид человеку (*чвакIгьи зхъам)*. Данный парадокс усиливается еще больше в заключительной строке (*чва* ныжьхта *хъа*надзара з*хъа*мгьи), где то же самое, оказывается, способен проделать человек, который не то, что вида, даже головы не имеет, то есть интеллектуально из себя ничего не представляет, полный ноль! Но и тут смысловым парадоксом дело не ограничивается, оно довершается великолепной инструментовкой, основанных на тех же «чва» и «хъа».

Абазинский текст представляется очень эффектным не только потому, что все это изложено лишь в пяти строчках, благодаря не только интересной рифмовке, ритмической полноценности, превосходному музыкальному оформлению, но потому, что и форма, и содержание национальным читателем воспринимается одномоментно! И ему не нужно объяснять все то, что мы тут столь пространно излагали.

С позиции звукописи рассмотрим первую строфу стихотворения «Ложится иней»:

Амшпсыпс апсы цазтIхIва
спсы таркIвапI сара...
Тшарысасуа
псейспадза ауахъ гIаталитI.
АпсыцхIа ащтиуа
йчвасыситI ахIвра.
АпсыхIва арпсыткъан
апстIа гIащтIалитI.

(Хотя полумертвый день испустил свой дух, но я все еще дышу… Гостьей тихо вступает в права свои ночь. Грустно вздыхая, дремлет трава. Увлажнив долину, ложится иней).

Цезурованный четырехстопный амфибрахий придает стиху протяжно-размеренное, спокойно-сосредоточенное звучание, что органично

накладывается на медитативный характер произведения. Но есть здесь еще одна завораживающая особенность – ненавязчивая, уместная, согласующаяся с общим настроением стиха, и в то же время в высшей степени искусно выполненная фоническая инструментовка. В первую очередь обратим внимание на то, что в строфе гласный «а» встречается 31 раз, тем самым образуя ассонанс на протяжении всей строфы. Но здесь же присутствует еще одна музыкальная специфика: строфу от начала и до конца пронизывают два звука: «п» (10 раз) и «с» (16 раз), причем в 10 случаях они, смыкаясь, образуют единое сочетание: «*пс*». Случайно ли автор построил аллитерацию именно на этих звуках? Нет. Ключевым в строфе, как и во всем стихотворении, выступает слово «*псmIa*» (иней), которое и определило подбор соотносимых с общим звучанием этого слова звуков. Здесь представлено виртуозное анаграммирование, которому могли бы позавидовать и Блок, и Бальмонт.

Воспроизведем первую строфу стихотворения «Как кто-то сказал»:

Заджвы йхIваща, санчкIвынызгьи сгьчIвагIвамызтI:
РахIа йъасу атшгьи сгIакIашвун,
Сла бага гьамкIуазтI, сшвокь – гьпчарахIмызтI,
СзабакIлакIгьи зынла сгIакIайгвун.

Сразу отметим, что строфа имеет традиционную концевую перекрестную рифмовку: сочетаются окончания 1-й и 3-й, 2-й и 4-й строк. Но внимательный читатель выделит в этом же тексте еще одну рифменную пару, приходящуюся на начало 3-й и 4-й строк: «*сла бага гьамкIуазтI – сзабакIлакIгьи*». Эффект данного созвучия заключается не только в том, что он идет, так сказать, сверхштатно, не только в том, что здесь используется начальная рифма, но и в том, что она является составной и глубокой: первые три слова третьей строки рифмуются с одним словом четвертой.

Как это ни покажется странным по отношению к поэтическому тексту, значительно более искусственному, чем прозаический, но о манере письма абазинского поэта хочется говорить словами М. Ремизовой, адресованными другому писателю: «необыкновенная естественность» [2, с. 108]. Несмотря на классические стихотворные размеры, в которые, как в надежном панцыре, заключен стих Мхце, несмотря на рифменное оперение, искусную звукопись, инверсию и многие другие характерные для стиха элементы, его произведения действительно звучат очень естественно, как будто люди в обычной жизни так и общаются. Как поэт добивался такого эффекта – непостижимо, но для нас именно в этом выражается свойственная его таланту пушкинская простота, на которую в свое время указывал литературовед В.Б. Тугов [3, с. 4].

В сборник включен цикл стихотворений «Светлый остров боли», заслуживающий подробного рассмотрения.

Названием для цикла послужила строка из стихотворения «Моей судьбы волна морская», рефреном повторяющаяся в конце каждой строфы: «*АхьыгIаква рдзыгIвбжьа лашара*». Сам образ *острова боли* впервые выступил олицетворением дома, где лирического героя никто не ждет и никто из-за его отсутствия не печалится, в стихотворении «Капли судьбы» («Рассветные

цветы», 1983). Позднее в «Размышлении» («Вначале была любовь», 1987) удачный поэтический образ был соотнесен уже со всей планетой:

ЙамагIныйа, щта, санадгыл
ЙгIасызшаз анасыпбжа,
Арса са йызсцрихаз *адгьыл* –
Ари схьыгIаква рдзыгIвбжьа?

(Так, отчего же, когда подошел я к выпавшему на мою долю полусчастью, такой родной стала мне *Земля – моих болей остров*?).

Но развитие образа на этом не остановилось, и уже в сборнике «На грани осени и лета» он обозначал Любовь. И рождение образа в контексте стиха выступает совершенно логичным и естественным:

Са сылахь атенгьыз аквтштшара
Толкъвынла скIьанджьа анпнатшы,
СгIанагын сгIаквнарышвтI уа утшпы,
АхьыгIаква рдзыгIвбжьа лашара

(Когда морской вал разбил моей судьбы ладью, он вынес и выбросил меня на твой берег, светлый остров боли).

Стихотворение открывается усложненной метафорой, где хрупкая ладья символизирует судьбу героя, морской вал – жизненные перипетии, а последняя пристань героя, светлый остров боли, куда стихийно выносит его волна – Любовь. Отметим, что четыре из пяти строф стихотворения завершаются эпифорой, заключающей в себе главный образ – ***светлый остров боли***, вследствие чего он становится лейтмотивом всего произведения; и лишь самая последняя строка стихотворения уточняет, что под этим островом подразумевается любовь: «Сара сдзыгIвбжьа – сара *с-Бзибара*!» (мой островок – *моя Любовь*!).

Еще отметим, что остров имеет два равнозначных, точных и емких для мироощущения лирического героя эпитета: светлый и боль. Они органично свойственны Острову Любви и в зависимости от ситуации преобладает то или иное качество. Для тонко развитого трагического мироощущения героя К. Мхце преобладающим все же является боль.

Лишенный радостей мира, ощущающий себя чужим на жизненном пиру лирический субъект только здесь – на Острове Любви и Боли – чувствует себя на своем месте. Воздух и микроклимат столь исцеляюще воздействуют на него, что он чувствует себя рожденным заново, с удивлением обнаруживает в груди своей сердце, о наличии которого и позабыл. И единственная просьба героя – не изменить ему, дать ему возможность прожить остаток дней своих на этом Острове, украшаясь новообретенной верой Любви.

Стихотворение является достойным и прекрасным вступлением к циклу не менее прекрасных лирических произведений. Ритм четырехстопного ямба, пронизывающий все стихотворение главный образ, повторяющийся в конце каждой строфы, кольцевая рифмовка, сочетание женской и мужской клаузул, перетекающий из строфы в строфу рифменный ряд на «...*ара*»… Все эти элементы поэтики взаимодействуют столь гармонично, что создают ощущение

полного совершенства произведения, единение и взаимопереход формы и содержания!

Поэтическая фантазия К. Мхце чрезвычайно богата, и порой используемые им художественные приемы кажутся неисчерпаемыми. Так, например, стихотворение «Твое имя» может привести в недоумение не только поверхностного читателя, но и знающего толк в поэзии человека. Мы привыкли, что название так или иначе определяется темой или содержанием произведения, а данное стихотворение ни с каким именем не связано и никакое имя в нем не упоминается вообще. В первой строфе мы узнаем, что холодной ночью грустный путник, поскользнувшись, упал с горной кручи, и эхо разнесло по ущельям последний его выкрик: «А-а-а!».

Во второй строфе внимание читателя переводится на ночной пейзаж: в темном небе поблескивает несколько маленьких звезд, а там, внизу, глубоко в ущелье, маленькой змеей ползет река. Но звучание последней буквы строфы автор растягивает, тем самым придавая заключительному сравнению соответствующее фоническое оформление: змеиный посвист:

...адзыгIв ащтанчIвызшва йкIвыруамца
йабитI ахъауыс-с-с...

В заключительной строфе оказывается, что две предшествовавшие картины были сонным видением, герой просыпается в холодном поту, оглядывает убогое жилище, ожидавшее прихода любимой грустно распахнутыми окнами. Он выходит на улицу, и обветрившиеся губы, помимо его воли, умоляют о встрече. Заключительное слово стихотворения выносится в отдельную строку, и повторяющийся последний звук его призван оттенить отчаянное напряжение, с которой оно произносится:

...йхъпшшаз спыквква
саргьи йсзымдзыргIвуата йырхIвитI:
«БгIасын-йа-а-а»…

Вот все содержание стихотворения. Но при чем тут какое-то имя? Где оно? В чем и как проявляется смысл заглавия? И тут нужно догадаться, что в данном случае название связано не с темой произведения, оно выступает подсказкой, ключом расшифровки закодированного в тексте имени. И сделано это не так, как общепринято в поэтической практике – по заглавным буквам строк, прочитывающимся сверху вниз (акростихи), а путем соединения выделенных концовок строф: «А-а-а-с-с-с-йа-а-а». И если иметь в виду, что весь раздел любовной лирики сборника посвящен Асе (по-абазински – Асйа), все становится на свои места. Остается только обратить внимание на то, с каким напряжением и накалом произносится это имя! Сколько энергии, сколько жажды, сколько мольбы вложено в это зашифрованное и доступное не всякому читателю обращение!

Стихотворение «Прошение» структурно делится на две части, и к первой из них относятся первые четыре строфы, в свою очередь попарно объединяющиеся в две отдельные фразы:

ЙангIасзылахьра сылахь, Если судьба обойдется сурово
СангвмачIра мышкIы, И я окажусь в отчаянии,

СбгъанацIата ахъылагъь	Если, сбросив меня с кручи,
Йанджвыквылхра стшы,	Ускачет мой конь,
ЙтасырдзапIта сджьабагIа	Пересилю я муку
Спшвырхъыччауа йсхIвапI:	И скажу, усмехаясь,
«ЙыгьрыцхIагIам срыцхIагIа,	«Мое горе – не горе,
ЙрыцхIагIу – датшапI».	Горе – иное».

Сагъачва сгIаларкIыта	Если враги окружат
Сырщуазтын сара	Меня и убьют,
Са слакта йгIатапшыта	На моем лице не увидят
ЛадзыкI шрымбара.	Они ни одной слезы.
ЙкъасчIвахыпIта ахьыгIа	Я боль утаю
Сгвы йхьыхуала йсхIвапI:	И скажу остывающим сердцем:
«ЙыгьрыцхIагIам срыцхIагIа,	«Мое горе – не горе,
ЙрыцхIагIу датшапI».	Горе – иное».

Итак, в четырех строфах первой части поэт представляет две трагические ситуации, структурно выраженные идентично: в первой строфе в сослагательном наклонении повествуется о несчастье, в следующей утверждается, что это – не беда; в последующих двух строфах в той же последовательности повторяется тот же композиционный прием. Обратим внимание на то, что герой отказывается называть горем то, что каждый разумный человек счел бы именно таковым.

Вторую часть стихотворения составляют три строфы, объединенные обращением к любимой, и две из них возвращают нас к изложенным выше эпизодам:

Ай, слашара, сгIаннажьта	Ах, моя светлая, когда ускачет
Йанджвыквылхра стшы –	Конь мой, сбросив меня,
Са сантшыгIвыркIваз апшта	Посмотри на меня ласково,
Ла хъгIала бгIаспшы.	Будто я еще всадник.
Сагъачва сгIакIвдыршата	Когда враги окружат
Сара санырщра –	Меня и убьют,
Адгьыл сыквызшва сбзата	Думай обо мне так,
Бсызхъвыцла бара...	Будто я еще живу на земле...

Данные строфы убеждают, что лирического героя беспокоит не то, что судьба может отвернуться от него, а враги – убить; гораздо больше тревожит его то, как отнесется к этим событиям любимая. И единственная его просьба к ней при подобном исходе дела – не изменить любви к нему, не предать забвению память о нем, потому что:

Ужвыгьи йгаркIвауа сыхьыз	Если станет безразличным тебе
Бымбахуа хабар	Еще звучащее имя мое,
СшбзаркIву спсызтын ба быхъаз –	Если живым я умру для тебя –
ЙрыцхIагIу абар...	Вот это – горе...

Для героя собственная его жизнь и судьба не имеют ровно никакого положительного смысла, если им не дорожит его любимая, и для него только такое обстоятельство может считаться настоящим горем; когда же любимая

рядом и, невзирая на все несчастья, относится к нему по-прежнему, то для него и горе – не горе, и беда – не беда. Такое самоотречение, такое самозабвенное преклонение перед любимой – не столь частое явление в жизни и поэзии.

В стихотворении «Любовь поэта» автор использует расхожую метафору: любовь – огонь. Лирический герой с тихим укором вопрошает возлюбленную, почему она не подумала о последствиях, когда зажигала огонь в его сердце... Казалось бы, избитый литературный штамп. Но протяженный четырехстопный анапест придает стиху такую элегическую интонацию, которая как бы очищает метафору от наслоений банальности и возвращает ему первоначальное звучание и ощущение неподдельности испытываемой боли. Этому же удачно способствует и определение, подбираемое к образу сердца: «обветрившееся от одиночества». Оно придает уже знакомому тропу своеобразную свежесть и прелесть, образуя метафору в метафоре: *огонь в сердце* и огонь *в сердце, обветрившемся от одиночества*. Но поэтический образ на этом не завершается, а развивается далее: поэт просит любимую не тревожиться из-за огня, так как скоро он весь выгорит, испепелив своим пламенем сердце, превратив его в золу; останутся, чернея, лишь обгорелые поэтические строки, рождавшиеся в этом сердце и не открывшие никому тайну своих желаний...

Обо всем этом повествуется с такой трагически-смиренной интонацией, что метафора, кажется, теряет свое литературное происхождение и развивается уже по законам жизни... И от первоначального, всерьез не воспринимаемого и кажущегося поверхностным образа, не остается и следа: он обретает новые черты и углубляется неизмеримо.

Таким образом, стихотворение реализовано в одной метафоре, и как художественное произведение оно уже самодостаточно. Но автор дополняет лирический сюжет еще одним штрихом, вызывающим у читателя щемящее чувство сожаления по поводу нескладно сложившихся отношений между двумя людьми: «Ай, сыгьуысагIвгIвацамызтI, – сгIвычIвгIвысын сара! – / ЙгьбымбазапI ауи бангIаспшы хъарачIвыла» (Ах, не просто поэтом я был, я был человеком еще, а его ты во мне не заметила, когда издали взглянула на меня). Лирическому герою – стихотворцу – важно донести до любимой, что он переживает любовь не только как литературный факт, он страдает от боли как и всякий земной человек, которого не разглядели в нем за внешней вывеской поэта.

Образ сгоревшего сердца повторяется и в стихотворении «Под твоим окном»: «Под твоим окном никогда не вырастет трава, здесь сгорело мое сердце, все вокруг опалив». Чтобы еще больше усилить мотив испепеленного и неспособного к возрождению сердца, поэт углубляет образ еще одной заключительной метафорой: «Даже если ливнем прольется любовь, под твоим окном никогда больше не вырастет трава». Начальная строка, повторяясь в конце строфы, замыкает лирический сюжет, образуя строфическое кольцо и формой стиха подчеркивая «закольцованность» боли героя, безвыходность ее и безысходность.

Через времена года и связанные с ними пробуждение, созревание, увядание и умирание природы К. Мхце умеет передать и своеобразную циклизацию любовных ощущений героини:

АгIапын ква ангIаквара	Когда прольется весенний дождь
Ари бдуней апны,	В этом мире твоем,
Пхызла сыббуштI мышкIы сара,	Однажды ты увидишь меня во сне,
Бгвы сгIаташвуштI мышкIы.	Вспомнишь однажды меня.
ЙангIайра апхын аквашуа	Когда придет летний ливень
Ари бдуней апны,	В этом мире твоем,
Сара уахъгьи тшынгьи йшсызпшуа	Сердце подскажет тебе,
ГIабнахIвуаштI бара бгвы.	Что ждет меня днем и ночью.
Зны адзын ква ангIаквара	Когда однажды пойдет осенний
Ари бдуней апны,	дождь В этом мире твоем,
ХIа хIшанымйуш ангIабгвынгIвра,	И ты поймешь, что мы не
Йбымрыдзын бара бгвы.	встретимся, Не отчаивайся.
Зны агъын срычвхIва ангIашвшвра,	Когда однажды засвистит зимняя
ЙгIаквнапсауа асы,	вьюга, Наметая сугробы,
ЙбызнатшкIаралуаштI ба сасра	Зайдет к тебе в гости
Сбзибара... ахъазы.	Моя любовь... одна.

Дождь – влага, дающая жизнь всему растительному миру. Это его качество поэтом переносится и на чувства героини: после весеннего дождя рождаются, просыпаются первые любовные ощущения; после летнего – созревшие чувства жаждут любимого и днем и ночью. Осень – общеизвестный символ увядания всего живого, и осенний дождь не столько питает влагой, сколько оплакивает последние минуты жизни растений. Для героини осенний дождь – символ отрезвления, реальной оценки любовной ситуации, после которой должно последовать какое-то внутреннее решение. В соответствии с общей поэтикой Мхце образ зимы и в данном стихотворении символизирует смерть, но смерть не любви героини, как следовало бы ожидать по логике развития любовного сюжета, а... самого героя. Такой поворот темы – первая неожиданность. Вторая заключается в том, что, несмотря на гибель героя, его любовь остается жить и после него, и именно потому она одна (без самого обладателя любви) и навещает героиню в пору зимней метели.

О разделе «Светлый остров боли» в свое время мы печатно говорили, что он «ни в какой степени – ни по художественному уровню, ни по мастерству, ни по технике исполнения, ни по глубине, красоте и возвышенности чувств – не уступает стихам, посвященным Есениным – Миклашевской, Данте – Беатриче, Петраркой – Лауре» [4, с. 12]. И сегодня, через 16 лет, в этом сопоставлении мы никакого преувеличения не находим.

Рассмотренный материал представляет лирического героя К.Л. Мхце рубежа 1980-90-х годов разочаровавшимся, смертельно уставшим, обманувшимся в своих ожиданиях. Наиболее выразительными в этом плане являются стихотворения «Пришел сюда…», «Луна и смерть», «Я», «Прошение

уличного пса». Воскрешение героя связано с любовью к женщине, в отношении к которой проявляются характерные черты личности: кротость, смирение, самоотречение, самозабвенное преклонение.

Одним из излюбленных приемов автора сборника «На грани осени и лета» выступает повтор начального мотива в трансформированном виде в конце стихотворения («Бессилие», «Элегия», «Когда мы расстанемся»). Стихотворение «Футбол» иллюстрирует органичное сращение далеких друг от друга и, казалось бы, несоотносимых сфер: спорт и литературу. Фрагмент из поэмы «Воспоминание» и стихотворение «Осенний этюд» представляют тексты без единого глагола; стихотворение «Твоё имя» – новаторское не только для национальной литературы шифрование имени героини; «Элегия», «Ложится иней», «С овцы два раза шкуру не снимают» – виртуозное владение звукописью; «Как кто-то сказал…» – оригинальную рифмовку, сочетающую концевую рифму с начальной составной; «Моей судьбы волна морская», «Любовь поэта», «Под твоим окном» – искусное использование метафоры.

Содержательно-смысловое, языковое, интонационное богатство, свободное и безупречное оперирование формальными атрибутами стиха не оставляет сомнения в том, что к сборнику «На грани осени и лета» Керим Мхце достиг абсолютного мастерства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Пазова М.С., Чекалов П.К.* Метрико-ритмическая палитра К.Л. Мхце периода становления. Карачаевск: КЧГУ, 2005. 190 с.

2. *Ремизова М.* Только текст. М.: Совпадение, 2007. 446 с.

3. *Тугов В.* Поэзия разума и чувств // День республики. 1999. 3 июня.

4. *Чекалов П.К.* Керим Мхце. Наброски к творческому портрету. Карачаевск, 2001. 102 с.

5. *Чекалов П.К., Тхайцухова А.М.* Ранняя лирика Керима Мхце. Невинномысск: НИЭУП, 2008. 222 с.

6. *Чекалов П.К.* «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться…». Страницы творческой биографии К.Л. Мхце. М.: У Никитских ворот, 2017. 402 с.

УДК 821.352.1.09 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-134-153**

СБОРНИК КЕРИМА МХЦЕ «НА ГРАНИ ОСЕНИ И ЛЕТА»: СМЫСЛОВЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

П.К. ЧЕКАЛОВ

ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования»
355021, г. Ставрополь, ул. Узорная, 12/6, кв. 10.
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Аннотация. На материале интерпретации 19 стихотворений сборника К.Л. Мхце «На грани осени и лета» выявляются основные мотивы, образы, стилистические, выразительные средства, характерные для поэта рубежа 1980-90-х годов. Мотивы разочарования,

смертельной усталости, безысходности реализуются в стихотворениях «Пришел сюда…», «Луна и смерть», «Я», «Прошение уличного пса». Прием повтора начального мотива в конце произведения в преобразованном виде наблюдается в стихотворениях «Бессилие», «Элегия», «Когда мы расстанемся». Показательным в плане нестандартности авторского мышления, умения органично связывать несоотносимые, казалось бы, сферы выступает стихотворение «Футбол»; фрагмент поэмы «Воспоминание» и стихотворение «Осенний этюд» выполнены без единой глагольной формы; в «Твоём имени» используется новаторское шифрование имени героини. Виртуозное владение звукописью демонстрируется в стихотворениях «Элегия», «Ложится иней», «С овцы два раза шкуру не снимают»; оригинальная рифмовка, сочетающая концевую рифму с начальной составной рифмой, – в стихотворении «Как кто-то сказал…»; мастерское оперирование метафорой – в стихотворениях «Моей судьбы волна морская», «Любовь поэта», «Под твоим окном». Проведенный анализ подводит к мысли, что к сборнику «На грани осени и лета» К.Л. Мхце достиг абсолютного поэтического мастерства.

Ключевые слова: Мхце; мотив; цикл; поэтика; форма; аллитерация; анаграммирование.

A COLLECTION OF KERIM MHTSE «ON THE VERGE OF THE AUTUMN AND SUMMER»: SEMANTIC AND FORMAL FEATURES

P.K. CHEKALOV

Stavropol Regional Institute of Professional Development of Educators.
355021, Stavropol, St. Uzornaya, 12/6, 10.
E-mail: Chekalov58@rambler.ru

Abstract. On the material of interpretation of 19 poems of the collection of K.L. Mhtse «On the Verge of the Autumn and Summer» the main motifs, images, stylistic, expressive means, typical for a poet of a boundary of 1980-90s are revealed. The motives of frustration, of exhaustion, of despair are implemented in the poems «Came Here...», «The Moon and Death», «I», «A Plea of a Street Dog». The repetition of the initial motive in the end of the piece in a modified form occurs in poems such as «Powerlessness», «Elegy», «When we part». Exemplary in terms of the originality of the author's thinking, ability to seamlessly associate poorly correlated spheres is the poem «Football»; the fragment of the poem «Memories» and the poem «Autumn etude» are performed without a single verbal form; in the poem «Thy name» the author uses an innovative encryption of the name of heroine. Masterly command of sound is demonstrated in the poems «Elegy», «Hoarfrost Falls», «No Double Skinning to the Sheep»; original rhyming, combination of the end rhyme with the starting compound rhyme – in the poem «As Someone Said...»; masterful manipulation of metaphor in the poems «A Sea Wave of My Life», «Poet's Love», «Under your window». The analysis leads to the conclusion that with the book «On the Verge of the Autumn and Summer» K.L. Mhtse reached absolute poetic skill.

Key words: Mhtse; motif; cycle; poetics; form; alliteration; anagramming.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: АКТОРЫ, РЕСУРСЫ, ИНСТИТУТЫ[1]

А.Н. ГУНЯ
Т.З. ТЕНОВ
А.М. ЧЕЧЕНОВ
М.З. ШОГЕНОВ

Введение.

В основе работы лежит исследование места и роли ресурсно-географических условий в динамике социальных процессов, в частности, в возникновении и развитии земельных конфликтов на локальном уровне.

Актуальность вызвана недостатком междисциплинарных исследований сложных взаимоотношений общества и природно-географической среды, недооценкой природно-географической составляющей. Долгое время изучение ресурсов велось под строго определенным идеологическим углом зрения. Все это привело к тому, что изучение конфликтов за ресурсы оказалось оторванным от детального изучения природных условий и факторов, отвечающих за распространение, качество и динамику природных ресурсов, таких как земли. Изучение земельных конфликтов стало уделом политологов и социологов, в то время как география отошла на второй план. Поэтому терминология, типология и основные подходы являются в географии заимствованными из других наук. Выработка собственного арсенала терминов и подходов, близко привязанным к проблематике географических регионов со своей спецификой природных условий и разнообразием ресурсов, признано одной из приоритетных задач географического изучения конфликтов на международном географическом конгрессе в Кёльне (2012).

Научная значимость решения данной проблемы возрастает в связи с необходимостью решения конкретных практических задач, вызванных обострением земельных отношений в горных районах Северного Кавказа, в связи с приватизацией земель, муниципальной реформой и земельными преобразованиями, в частности, с реализацией 131 закона РФ. Внедрение новых правил ресурсных отношений в горных регионах, где важное место занимали местные обычаи (адаты), привело к росту политической напряженности и трениям между местными сообществами и государством, местным и внешними предпринимателями. При этом важное место стал занимать этнический фактор, что грозит перерастанию данного типа локальных конфликтных отношений в межэтнические и региональные.

[1] Работа выполнена в рамках международных проектов: РГНФ грант № 14-03-00733, FP7 (www.issiceu.eu), ICCS (http://ncgscs.wordpress.com.).

До сих пор поставленная задача решалась в основном в рамках социологии и истории, реже политологии (локальный политологический анализ – крайне редко практикуется [12]. Географический анализ конкретных ресурсно-географических условий был поверхностным. Предпочтение отдавалось социальным проблемам. Каким образом ресурсно-географические условия и факторы влияют на возникновение, динамику и распространение земельных конфликтов – такой анализ практически не проводился на Северном Кавказе. Какого качества земель, их географическое расположение, доступность, взаимоотношение формальных и неформальных правил их использования, наконец, динамика этих ресурсов с точки зрения меняющейся обстановки, как политической, так и природно-климатической, а также связанной с высоким риском проявления стихийно-разрушительных процессов – эти и другие вопросы оставались слабо разработанными.

Изучение правил, которые лежат в сфере пересекающихся интересов и вызывающих конфликт, лежит в основе нового направления – институциональной географии, решающей вопросы географического изучения и анализа своего рода «институциональных проекций» на географическое пространство [5]. Всесторонний географический анализ правил землепользования, их вариации в зависимости от природных (например, экстремальные условия высокогорья и сравнительно благополучные предгорья), социально-географических (например, в системе центр-периферия) и культурно-географических условий будет способствовать лучшему пониманию сути земельных противоречий и конфликтов.

С другой стороны, авторы осознают, что без должного детального анализа социальных процессов, таких как коррупция, монополизация доступа к распределению ресурсов, административные барьеры, имидж земли и др., вряд ли удастся понять, почему в одинаковых географических условиях земельные конфликты возникают далеко не везде.

Статья представляет собой попытку междисциплинарного синтеза подходов к пониманию земельных конфликтов, открывая возможности для появления новых терминов и разработки новых подходов, в частности, классификации и картографирования земельных конфликтов на локальном и региональном уровне.

В основе проекта лежит использование следующих подходов:

1. **Индуктивный подход**. В отличие от социологических и политологических исследований современных конфликтов, в которых большое место занимают макрополитические индикаторы и оценки, связанные с историческими процессами и влиянием внешних факторов и условий, данный проект ориентируется на применение индуктивного подхода, который позволяет идти «снизу», путем накопления, обобщения и синтеза данных. Такой подход объясняется тем, что изучение конфликтов лишь по макроиндикаторам не дает возможность в полном объеме рассмотреть глубинные процессы, лежащие в основе земельных конфликтов. Подход «снизу» базируется на уверенности в том, что для понимания сути земельных конфликтов нужны детальные полевые исследования различных случаев

земельных конфликтов, которые затем сорбируются на региональном уровне. Обобщение на мезо- и макроуровнях (на более обширной территории и во всем северокавказском регионе в виде карты типов земельных конфликтов) составляет следующий шаг синтеза.

В основу работы положены полевые работы в регионах Северного Кавказа (в пределах Северокавказского федерального округа), включающие проведение комплексного опроса (на основе предварительно составленного опросного листа из 40 вопросов), сопровождающегося выборочным картографированием ключевых участков с различными типами земельных конфликтов, например: конфликты при реализации туркластера в высокогорье, конфликты из-за нарушения традиционных сезонных миграций скота, конфликты за распределением земли в плотно заселенных среднегорных котловинах, конфликты, связанные с межрайонным распределением земель и комплекс проблем «кутанных» земель в Дагестане и др.

2. **Земельный конфликт** рассматривается как свойство динамики социальных процессов и явлений. В данном проекте конфликт не рассматривается как нечто аномальное и патологическое, а, напротив, является неизменным спутником всяких социальных процессов, играя как отрицательную, так и положительную роль в развитии. Изучение конфликтов дает ключ к пониманию не только динамики социальных процессов, но и динамики взаимоотношения человека и меняющейся природной среды. Конфликт, таким образом, яркий индикатор степени и характера социальных и природно-социальных взаимоотношений.

3. **Институциональный подход.** Как показали предшествующие исследования, два типа факторов ответственны за возникновение и динамику конфликтов: структурные и институциональные [1, 2, 4, 6]. К структурным факторам относятся исторические, социально-экономические и природно-географические особенности регионов, такие как географическое положение, наличие или отсутствие ценных ресурсов, особенности местных укладов экономики, этнокультурное разнообразие и др. Ряд ученых придерживается точки зрения, что глубокого изучения данных факторов достаточно, чтобы объяснить причины конфликтов. Сторонники примордиального подхода объясняют, например, возникновение конфликтов существованием нескольких этнических групп, использующих дефицитные ресурсы. Реформы 1990-х гг. поставили под сомнение такую позицию, поскольку в одинаковых по структурным условиям регионах возникли различные ситуации – бесконфликтные и с острыми, в некоторых случаях, насильственными, конфликтами. Для объяснения таких ситуаций потребовался анализ более динамичных, слабо детерминированных и поэтому слабо предсказуемых процессов, связанных с существованием формальных и неформальных правил ресурсопользования и в целом - регулировании возникающих противоречий и конфликтов. Институциональный подход опирается на изучении этих правил.

Согласно принципам институционального подхода, конфликтные процессы происходят не хаотично, они подчинены неким правилам - формальным и неформальным. Устойчивое воспроизводство этих правил во

времени ведет к их закреплению и образованию институтов, которые регулируют повседневную жизнедеятельность людей, коллективов, стратегических и других групп. Неопределенность в изменении и развитии, дефицит информации накладывают на институты функцию регулирования социальных отношений. Институты ответственны за мирное или насильственное протекание конфликта. Они влияют на масштабы и уровень насилия в конфликте или же, наоборот, создают рамки для мирного протекания, удерживания его в том русле, которое обеспечивает, с одной стороны, развитие, а, с другой – удерживает от траекторий и скоростей, способных привести к неэффективному использованию ресурсов, проявлению насилия или даже разрушению социальных систем.

Определенное значение имеют местные институциональные механизмы, представляющие собой комплекс проверенных опытом жизненных практик взаимоотношения с окружающей средой, государством, соседними этническими группами, а также регулирования ресурсопользования, уменьшения риска стихийно-разрушительных процессов и т.д. Эти жизненные практики, как правило, глубоко укоренены в местные социальные сообщества, обеспечивая определенный уровень стабильности и выживания в новых условиях.

4. **Междисциплинарный подход.** Исследование современных земельных конфликтов требует привлечение методов смежных наук: социологии, политологии, антропологии, этнографии и социальной географии. Проект лежит на стыке разных дисциплин. Поэтому будет использован набор различных методов: от сравнительно-географических до социологических, проведение интервью с основными землепользователями (местными жителями, представителями управления, бизнесменами и др.), направленные на исследование социальных процессов и особенностей институциализации землепользования.

5. **Сочетание качественных и количественных методов.** Использование качественных методов при изучении конфликтов наряду с количественными, обусловлена тем, что реакция локального сообщества на стресс формируется весьма сложно, ее не всегда возможно измерить количественно. Изучение конфликта часто похоже на детективное расследование. Поэтому исследователь, подобно детективу, должен сочетать интервью, работу с материалами, наблюдение .

На определенном этапе, по достижении глубины осознания связей и процессов, может произойти количественная операционализация качественных методов. Именно этот этап является наиболее ответственным с точки зрения эффективного применения методов и затрат времени. Результаты проведенных интервью и опросов будут кодироваться для дальнейшей параметризации и визуализации, в частности, в геоинформационной среде для создания различных карт.

Современное состояние исследований

Земельно-ресурсные конфликты, вызванные дефицитом земли в результате снижения ее количества и качества, а также в результате роста численности населения, являются классическим примером земельного конфликта. В настоящее время этот тип конфликта встречается редко. В основном дефицит земельных ресурсов используется для попытки трансформировать позиции различных акторов, например, упрочить свое положение во власти и потеснить оппонентов. В центре современных земельных конфликтов стали не сами земельные ресурсы, а регулирование доступа к ним. В связи с эти земельный конфликт «окрашивается» этническими противоречиями (за землю, как территорию проживания отдельных этносов), противоречиями между государством и местным сообществом (например, вследствие изменения статуса земли, взимания арендной платы и налогов и др.), монополизации доступа к земле отдельными предпринимателями и др. Тем не менее, в ряде регионов земельно-ресурсные конфликты в «чистом» виде. Местные официальные и неофициальные институты были в последние 20 лет не всегда в состоянии решить эти возникающие сезонно или год от года дефициты землеобеспеченности. Тем не менее, существовали местные институты, которые в той или иной мере регулировали обострение конфликтных отношений за ресурсы, не давая перерасти в насилие. Анализ имеющихся отечественных зарубежных публикаций по этой теме позволил сгруппировать полученные результаты в два блока:

1) социальные исследования земельных конфликтов, концентрирующихся на изучение социальных процессов – взаимоотношения различных акторов и институтов;

2) социально-экологические и социально-географические, направленные на выявление роли географических условий в возникновении и динамики конфликтов.

Первый блок имеет глубокие корни в социальной антропологии, в первую очередь, в работах по анализу институтов [14]. Дарендорфовская социология конфликта видит регулирование конфликтов как общественную динамику, не поддающуюся функциональному анализу [7]. Она критически отмежевывается от системной и структурной общественной теории, ориентированной на понимание динамики общества в рамках равновесно-колебательной концепции. Конфликт в этом контексте не является патологическим отклонением от некого гармонически-статического нормального состояния, а служит в качестве составной части внутрисубъектных отношений, возникая в процессе социализации человека [9]. Для развития общества, его способностей к изменению и развитию таких основополагающих свойств, как сплоченность, первостепенным является наличие механизмов регулирования конфликтов, в особенности, институциализации протекания конфликтов в безнасильственных рамках [8, 10, 11, 12, 13].

В случае земельных конфликтов на локальном уровне важно выделить следующие практические вопросы, которые непосредственно связаны с задачами проекта:

1. Насколько сильно и надежно регулируются локальные конфликты за ресурсы (институциализированы или базируются на опыте), чтобы и в случае нежелательных изменений (например, климат) не допустить перетекания конфликтов в острые стадии с применением насилия? Какую роль играют при этом государство, гражданское общество?

2. Как воздействуют коррупция и неформальные интересы государственных и других акторов на протекание конфликтов? Расшатывают конфликты?

3. Что лежит в основе эскалации конфликта и почему: недостаток ресурсов, внезапные изменения их количества и качества, отсутствие или дисфункциональность институтов, внешние интересы власти и вмешательство извне?

Как показали исследования на Северном Кавказе, слабая государственная власть приводит к проявлению неформальных правил регулирования использования ресурсов, вплоть до тонкой системы распределения доходов. Кардинальная смена официальных правовых основ, которая произошла на постсоветском пространстве не разрушила, прежние неформальные отношения и институты, наоборот, в ряде случаев, новые правовые условия дали толчок к развитию неформальных институтов.

Анализ конфликтов нужно рассматривать как междисциплинарное исследование с вовлечением социологических, антропологических, политологических и других методов, которые совмещают эмпирический и индуктивные подходы, сочетают в себе качественные и количественные способы обработки данных, в том числе картографические методы и технологии (напр. ГИС). На методологическом уровне используются также способы и инструментарии научного анализа, применяемые в социальной антропологии и описанные Георгом Элвертом, Томасом Биршенком, Жан-Пьером Оливером де Сарданом и др., в частности, коллективный метод сбора сведений для быстрой идентификации социальных конфликтов и стратегических групп.

Наряду с конфликтами за ресурсы особое внимание следует обращать на тесно связанные с ресурсными и вытекающие из них нормативные конфликты и «конфликты идентичностей». Особое место в исследовании конфликтов занимают формальные и неформальные институты, которые определяют поведение акторов в постсоветском пространстве.

Второй блок работ, направленный на выявление роли географических условий в возникновении и динамики конфликтов, гораздо меньше разработан. Как было отмечено в ходе работы секций 32-го Международного географического конгресса в Кёльне, география предоставляет методы изучения конфликтов и не претендует на первенство. Наиболее последовательно это направление развивается в русле «горной географии». Повышенные градиенты природных и социально-политических рисков объясняются, с одной стороны, сложными природными условиями развития – абсолютной высотой, рельефом, стихийно-разрушительными процессами и др. С другой стороны, горы представляют собой особую социально-политическую

и институциональную среду, в которой проблематика развития, ее восприятие и скорость проникновения инноваций заметно отличаются от равнинных территорий.

Сооружение хозяйственных объектов в горах почти всегда сопряжено с новыми экологическими проблемами и, главное, приездом значительных контингентов мигрантов из других районов – строителей и обслуживающего персонала, что нарушает хрупкий этнический баланс. Местные лидеры часто дают национальную интерпретацию конфликтам между горными общинами и внешними экономическими агентами, контролирующими хозяйство горных регионов и, в частности, крупные туристические объекты («мы» - «они»). В значительной мере, поэтому инициативы по развитию, если они исходят от внешних акторов, имеют, как правило, слабую легитимность на местном уровне. Яркий пример тому – развитие туристического кластера на Северном Кавказе. Якобы явные положительные стороны реализации кластера – рабочие места, инфраструктура, привлечение инвестиций и др. – вызвали недоверие местного населения в ряде населенных пунктов Кабардино-Балкарии. Большие беспокойства населения связаны с тем, что реализация проекта туристического кластера может привести к нарушению исторически сложившихся форм хозяйствования и культурной самобытности (с. Безенги), к монополизации прав доступа к землям в пользу коррумпированных чиновников (Приэльбрусье) [3].

Как следствие перечисленных выше факторов, периферийное в географическом, политическом и хозяйственном отношение положение горных территорий, их бедность и отсталость. Скудные почвы, крутизна склонов и необходимость их террасирования, оползни, суровые зимы и изоляция в периоды снегопадов и сильных дождей, издержки, связанные с отгонно-пастибищным скотоводством вызвали раннюю депопуляцию высокогорья и отчасти среднегорных районов, старение оставшегося населения. Эти районы становятся своеобразными нишами – рефугиями для архаичных хозяйственных укладов и общественных отношений. Правда, как показали исследования влияния земельных реформ, в частности, направленных на регулирования пастбищ и приватизация пастбищных участков, нельзя сбрасывать со счетов положительную регулирующую роль государства, которое принуждало к дальним миграциям. И если раньше считалось, что демократические реформы и приватизация откроют возможность к более свободным перемещениям скота, то последние исследования показывают, что приватизация пастбищ сильно затруднило сезонные миграции скота на пастбища [16]. Важным мотивом местных акторов стало желание занять близко расположенные пастбища.

По-видимому, одним из промежуточных подходов между географическими и социально-антропологическими направлениями исследования земельных конфликтов можно считать неоинституциональный подход. Он подразумевает анализ влияния экономических и общественных институтов на различные процессы в экономике и общественном развитии и объяснение изменений в поведенческих траекториях и мотивациях людей при использовании ресурсов [15]. Применение этого подхода в определенной мере оправдывается необходимостью научного обоснования характера и способов

проведения земельной реформы в таком сложном регионе, как Северный Кавказ, где односторонняя оценка земельного вопроса может отрицательно сказаться на всей социально-экономической ситуации. Апеллирование к особенностям Северного Кавказа, таким как гористость, многоэтничность, характер исторического развития и др. необходимо, но недостаточно при объяснении того многообразия в уровнях и темпах приватизации земли, которое сложилось в северокавказских регионах в последние годы.

Не секрет, что введение новых законов и правил далеко не всегда сразу же отразилось в механизмах землепользования. Это свойственно не только Северному Кавказу, но и другим горным регионам России и СНГ В практике в этом вопросе часто наблюдается три крайних случая [3]:

а) землепользование не затронуто реформами, оно осталось прежним либо в силу его маргинального (по отношению к экономическому развитию) положения, либо в силу оторванности законодательных инициатив от реальности, которые явились формальным актом и никак не повлияли на использование природных ресурсов и условий ландшафта;

б) поменялся статус земельных ресурсов, расширились потенциальные возможности землепользователей, однако само землепользование остались прежними (например, частные сенокосы в горах);

с) землепользование сильно изменились, что привело к появлению разнообразных конфликтов.

Данные пример показывает ценность географического подхода, который в сочетании с институциональным может способствовать объективному анализу возникающих земельных конфликтов на Северном Кавказе.

Эмпирические материалы

Для анализа взаимоотношения местных сообществ с имеющимися региональными стратегиями управления были выбраны две республики на Северном Кавказе – Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Они являются типичными представителями северокавказских регионов и близнецами с точки зрения сочетания этносов, которые дают название республикам, но представляют разные случаи разрешения конфликтных ситуаций. В Кабардино-Балкарии наблюдается централизация власти, подавление оппозиции, слабое развитие демократических институтов, многие из которых призваны обслуживать интересы современной правящей элиты. В Карачаево-Черкесии до сих пор сохраняется определенная напряженность в вопросах распределения власти, обострявшаяся во время выборов президента республики в 1999 и 2003 годах. Раскол общества на сторонников власти и оппозицию по-прежнему остается важным фактором нестабильности в политической жизни республики.

В пределах этих двух республик выбраны несколько селений, находящихся в разных этно-культурных ареалах, с различной людностью и находящихся в разных условиях хозяйствования и жизнедеятельности. К тому же выбраны селения, которые находятся на различном удалении от административных центров: вблизи центров и периферийные. Более подробно исследования коснулись селений в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Селения Ульяновское, Ново-Ивановское и Новая Балкария находятся в равнинной плодородной зоне, освоение ресурсов которых началось сравнительно недавно в советское время с использованием преимуществ коллективного ведения хозяйства. Эта зона преимущественно русскоязычного населения, за исключением некоторых ареалов, заселенных сравнительно недавно балкарцами и турками месхетинцами.

Ульяновское – селение, в котором преимущественно живут русские, но в последнее время наблюдается рост доли турок-месхетинцев. Молодежь из русскоязычных семей предпочитает не оставаться в селе. Селение удалено от административных центров. Использование местных ресурсов (земель) наиболее эффективно было в рамках крупных коллективных хозяйств с привлечением техники, вложением в поливные системы и др. Ныне мелкоконтурное частное земледелие сильно зависит от организации полива.

Село **Ново-Ивановское** населено русскими. Это одно из относительно преуспевающих селений, которое сохранило коллективное хозяйство и использует преимущества плодородных земель.

Село **Новая Балкария** находится на равнинной зоне. С 1958 года численность населении села Новая Балкария выросла в 4 раза и составила более 1200 человек. В 1970-е годы сюда приехали из Средней Азии также турки-месхетинцы .

Официальная и фактическая власть сосредоточена в руках предприимчивого главы администрации Текуева Курманби, балкарца. Он является главой с 1992 года. Его кандидатура выбирается всеобщим голосованием. Благодаря его активности, была построена новая школа, больница, детский сад, отремонтированы дороги, проведен газ и др.

Другими формальными объединениями, которые были в значительной мере инициированы «сверху» в последние годы, являются совет старейшин, женский совет и мусульманская община. Примером того, что эти организации не играют большой роли по сравнению с властью, которую имеет глава администрации, стал следующий случай. В мечеть был прислан новый мулла с Нальчика. Он рьяно взялся за дело и вскоре молодежь допоздна стала засиживаться в мечети. Это не понравилось главе. Он позвонил в Нальчик и сообщил, что новый мулла слишком сильно отвлекает молодежь, организует секту и др. На другой же день молодой мулла был отозван.

По-мнению главы администрации, у народа очень мало инициативы. Многие социально нуждающиеся ничего не предпринимают для того, чтобы улучшить свое положение, а только ждут социальных подачек. Однако, более детальные интервью с жителями показали, что для местного населения оставлено лишь очень небольшие возможности для инициативы. Наиболее важным запретом стало постановление президента, запрещающее передачу и продажу земли сельскохозяйственного назначения в республике. Это сразу же оборвало все инициативы тех активных крестьян, которые хотели иметь свою личную землю (хотели выделиться из акционерного общества). С другой стороны, это законсервировало все споры по земельным вопросам между людьми разных национальностей. По-сути земля обесценилась, оставшись

мертвым капиталом в рамках системы, которая существовала еще с советского времени. В частности, в Новой Балкарии всей землей распоряжается единолично глава. Он решает дать землю под строительство молодой семье, для сельскохозяйственных работ в аренду (уже за деньги) и др.

Кабардинские селения **Старый Черек, Исламей и Аушигер** находятся в предгорной, переходящей в низкогорье зоне с плодородными почвами, использование которых ограничено расчлененным рельефом. Расположенность вблизи транспортных магистралей и близость к центрам способствует развитию товарного хозяйства и дневным поездкам на работу в города.

Старый Черек – старое кабардинское село, родовое селение многих известных кабардинских фамилий. Часть населения работает в столице республики. Здесь относительно хорошо развита инфраструктура (водо- и газопровод), сильны семейно-родовые институты, регулирующие внутреннюю жизнь селения. Сохранились и другие традиционные институты, регулирующие некоторые нормы, правила и традиции, а также осуществляющие контроль следования этим нормам и отвечающие за санкции. Необходимо подчеркнуть, что земли сельскохозяйственного назначения не находятся в собственности, за исключением огородов, входящих в черту поселения. Земли, переданные в аренду частникам, составляют примерно такую же долю, как и земли различных акционерных обществ и предприятий. В настоящий период снижаются площади под пастбищами, а доля пашня выше, чем в период максимума освоенности.

Исламей – самое большое село из выборки (более 11 тыс. человек). Оно растянулось по долине Баксана, для освоения используется каждый клочок земли. Присутствуют ряд жилищно-коммунальных проблем, свойственных крупному населенному пункту – водоснабжение, выделение земель под жилищное строительство, нехватка мест в детсадах и др. Благоприятные почвенно-климатические условия способствуют садоводству.

Аушигер – крупное селение, в котором развито садоводство. Часть населения занято на работе в Нальчике. Наблюдается дефицит земель для ведения сельского хозяйства.

Красный Курган населен преимущественно карачаевцами и имеет выгодное географическое положение: расположен вблизи Кисловодска на трассе Кисловодск – Карачаевск – Черкесск. В отличие от многих населенных пунктов здесь наблюдается рост численности населения. Имеются конзавод, множество швейных цехов (около 25), ряд туристических объектов. Все это дает рабочие места, к тому же близость Кисловодска благоприятствует дополнительным источникам рабочих мест. Красный Курган обладает и большой территорией земель в отличие от других муниципальных образований, которые имели коллективные хозяйства, земли которых стали принадлежать району.

Станица **Кардоникская** – крупное казацкое поселение, расположенное на стыке выположенных низкогорий и среднегорий с большим потенциалом пастбищных ресурсов. В последние четверть века наблюдается приток карачаевского населения. В советское время население помимо сельского

хозяйства население было занято в промышленном секторе, который ныне пришел в упадок.

Село **Жанхотеко** расположено на границе балкарского и кабардинского ареалов расселения. В нем живут балкарцы и кабардинцы. Даже живя в одном селе уже многие годы, кабардинцы и балкарцы сохраняют определенный сепаратный характер расселения. Кабардинцы имеют два четко очерченных ареала в западной и северо-западной частях, в то время как балкарцы предпочитают жить в юго-восточной части. После того, как колхозы перестали играть большую роль, произошла и смена руководства. Ныне основную позицию главы администрации занимает балкарец. В селе относительно недавно построена новая мечеть. Огромное количество людей не имеют работу. Люди живут в основном за счет своих приусадебных участков. В связи с недостатком земли, площади таких участков уменьшились в последнее время в два раза. Большинство молодежи испытывает трудности с трудоустройством. До сих пор чисто молодежные конфликты гасятся, основываясь на традициях и авторитете старших, не допускающих конфликтов.

Хасанья – крупное балкарское селение в пригороде Нальчика. Удобство географического положения вблизи города при совмещении с преимуществами сельского образа жизни и вовлечение в жизнеобеспечение сельского хозяйства привлекает население. Ключевой проблемой в н/п по мнению большинства респондентов является дефицит земель, в частности земель под жилое строительство. Несмотря на высокий уровень официальной безработицы, уровень жизни достаточно высок. Отмечается наличие всех необходимых социальных, бытовых благ, высокий уровень рождаемости. Близость к Нальчику и развитый общественный транспорт также снимает возможный дефицит различных услуг и товаров. Население активно инвестирует в образование детей, одна из основных статей расходов (после ЖКХ и строительства) – дополнительные занятия для детей, секции, кружки, репетиторство. Молодежь предпочитает и имеет ресурсы получать образование в центральных городах РФ. Вместе с тем многие видят свою перспективу в селе и возвращаются по окончании обучения. С чем связаны эти перспективы и высокие инвестиции в образование пока неясно, поскольку сфер применения полученного образования нет (возможно, это локальная система престижа). Большинство связывает свои жизненные перспективы с родственными связями, близкими друзьями и рассчитывают на собственные силы. Одним из основных источников дохода является приусадебное хозяйство, в частности содержание скота (также овощеводство, плодоводство). Численность населения активно растет, что рождает дефицит жилья.

Хумара – наиболее высоко расположенное черкесское поселение на границе низкогорья и среднегорья. Дефицит сельскохозяйственных земель и отсутствие дополнительного заработка (в советское время рабочие места предоставлялись на шахтах и мелких промышленных предприятиях) рождают безработицу и отток населения. Селение постепенно превращается в культурный центр, родовое гнездо черкесов, которые приезжают в отпуск, ухаживают за пожилыми родственниками.

Нижняя Теберда – карачаевское селение на транзитной трассе в Домбай. Оно находится в тени многих крупных центров развития: районного центра и агломерации Карачаевска и рекреационных высокогорных центров. Дефицит земель для ведения сельского хозяйства толкает население на поиски альтернативных источников заработка и предпринимательство.

Эльбрус – крупное балкарское селение в высокогорье, в долине р. Бакасан. Развитие туризма в последние полвека значительно изменили облик селения, превратив его в урбанизированный населенный пункт, в котором большинство населения живет за счет сферы услуг. Тем не менее сельское хозяйство имеет большое значение для всех жителей, включая тех, которые живут в квартирах. В настоящее время продукция сельского хозяйство все больше используется для местной туриндустрии.

Акторы на местном уровне

Разнообразие этнокультурных и природно-ресурсных условий, а также возможностей развития тесно связано с возникновением мотиваций и стимулов различных акторов, обеспечивающих свой доступ к ключевым ресурсам.

Селение	Акторы-лидеры	Акторы, имеющие существенный вес при принятии решений по доступу к ключевым ресурсам	Акторы, которые появляются в конфликтных ситуациях
Ульяновское	Глава МО (представитель от района)	Депутаты местного совета,	православная община
Ново-Ивановское	Председатель СКХП	Глава МО, районная администрация	православная община
Новая Балкария	Глава МО	Предприниматели, Районная администрация	представители турко-месхетинской общины
Старый Черек	Глава МО	депутаты местного совета, предприниматели	влиятельные земляки
Исламей	Районная администрация Глава МО	депутаты местного совета, предприниматели	влиятельные земляки
Аушигер	Глава МО	депутаты местного совета, предприниматели Районная администрация	
Красный Курган	Глава МО	Предприниматели, районная администрация	
Кардоникская	Глава МО, Районная администрация	депутаты местного совета, казачьи лидеры	
Жанхотеко	Районная администрация, Глава МО	депутаты местного совета	
Хасанья	Администрация Нальчика, лидеры	Глава и депутаты местного самоуправления, религиозные лидеры	

	балкарских национальных организаций		
Хумара	Отсутствуют	Депутаты местного совета, влиятельные земляки	Представители черкесских национальных организаций
Нижняя Теберда	Глава МО, Районная администрация	Депутаты местного совета, влиятельные земляки	Представители карачаевских национальных организаций
Эльбрус	Глава МО, руководители влиятельных местных организаций (Национального парка, Эльбрустуризма и др.)	Депутаты местного совета, бизнесмены, представители национальных балкарских организаций, районная администрация	Влиятельные земляки

Таблица 1. Характеристика ключевых акторов

Как видно из таблицы 1, основными акторами в большинстве случаев являются главы муниципалитетов. В случае с Ново-Ивановским сохранилась старая советская практика, когда ведущая роль в регулировании доступа к ресурсам закреплялась за председателем сельскохозяйственного предприятия. Сохранение этих правил обязано самому председателю, имевшему солидную поддержку на республиканском уровне и смогшему противостоять разрушительным новшествам. В тех случаях, когда ресурсов мало, ярко выделяющихся лидеров нет (Хумара). Соблюдается корпоративность принимаемых решений, которые не затрагивают основы установленных правопорядков. В ряде селений наряду с главами администраций важную роль играет районная администрация, вмешивающаяся в управление на муниципальном уровне и контролирующая деятельность глав. При этом главы администраций охотно попадают в зависимость в обмен на предоставляемее льготы и небольшие трансферты (Жанхотеко).

Важными характеристиками акторов являются формальное и неформальное лидерство в системе муниципального управления; система акторов-функционеров вокруг лидеров (спонсоры, авторитетные люди, религиозные деятели, директора школ, больниц); формальные и неформальные связи муниципалитета с представителями региональной управленческой элиты.

Существенный вес при принятии решений по доступу к ключевым ресурсам играют местные депутаты. В большинстве случаев они прошли процедуру неформальных выборов, должность депутата все больше становится престижной. Часть депутатов является одновременно и успевающими предпринимателями, к которым относятся уважительно на местном уровне.

В некоторых конфликтных случаях на сцену могут выйти и национальные акторы и организации, защищающие корпоративные права доступа к ресурсам. Особой активность отличаются балкарские и карачаевские национальные движения, реже – казачьи и православные общины, объединения турок-месхетинцев.

Ключевые ресурсы

Следует различать ресурсы, важные для повседневной деятельности, вовлекаемые в рыночные отношения, а также ресурсы, которые могут быть в потенциале задействованы в тех или иных ситуациях (табл. 2).

Селение	Основные ресурсы жизнеобеспечения	Ресурсы, вовлекаемые в рыночные (товарные) отношения	Другие ресурсы, имеющие ценность для конкурирующих акторов
Ульяновское	Вода, земля (пашня)	Продукция земледелия	
Ново-Ивановское	Земля (пашня), вода	Продукция животноводства и земледелия	
Новая Балкария	Земля (пашня, пастбища), вода	Продукция животноводства и земледелия	
Старый Черек	Земля (пашня)	Продукция садоводства, овощеводства	
Исламей	Земля (пашня)	Продукция садоводства,	
Аушигер	Земля (под жилье и огороды)	Продукция животноводства и земледелия	Рекреационные бальнеологические ресурсы
Красный Курган	Земля (под жилье и огороды)	Выгодное географическое положение и сочетание с демографическими ресурсами способствует развитию мелкой индустрии	
Кардоникская	Земля (пашня, пастбища)	Продукция животноводства и земледелия	
Жанхотеко	Земля (под жилье, огороды, пастбища)	Продукция животноводства и рукоделия	
Хасанья	Земля (под жилье и огороды)	Продукция животноводства и рукоделия	Демографические ресурсы, социальная активность (для мобилизации)
Хумара	Земля (под жилье, огороды, пастбища)	нет	Традиционный культурный ландшафт
Нижняя Теберда	Земля (под жилье, огороды, пастбища), лес (топливо)	продукция животноводства	Транзитное транспортное положение
Эльбрус	Земля (под рекреационное хозяйство, жилье, огороды, пастбища)	Земля под рекреационное хозяйство, продукция животноводства и рукоделие, демографические ресурсы	Леса в природоохранном отношении, традиционный культурный ландшафт

Таблица 2. Характеристика ключевых ресурсов

Как видно из таблицы 3, основным ресурсом жизнеобеспечения является земля. Для различных селений ценность земли разная. Для высокогорного Эльбруса земля является рыночным ресурсом, ее цена достигает несколько тысяч долларов за сотку, в то время как в Ульяновском найти покупателя для земли (купле продаже подлежат только приусадебные земли) трудно, многие участки пустуют. Коммерциализация земли и введение ее в оборот зависит от многих обстоятельств. Спрос на землю может подогреваться за счет субъективных факторов, таких как престиж, желание долговременного вложения капитала (как в случае с селением Эльбрус). В ряде же случаев спрос на землю снижен вследствие ряда этнокультурных факторов, ограничивающих доступ к земле нежелательных для местного сообщества акторов.

Доступ к земельным ресурсам, которые не подлежат купле продаже, а используются на основе аренды, контролируется чиновниками. При этом, местное руководство лишь в некоторых случаях осуществляет этот контроль (Ново-Ивановское, Эльбрус, Красный Курган.). Как правило, речь идет о селениях с достаточно сильным местным самоуправлением (Эльбрус) или с активным лидеров (Ново-Ивановское, Красный Курган). Например, в случае Эльбруса проведено земельное межевание с районом. В большинстве же случаев, правила арендных отношений устанавливаются на районном уровне, куда уходят и основные налоги на аренду земли.

К другим востребованным ресурсам относится вода (Ульяновское), лес (Нижняя Теберда), а также географическое положение. Выгодное географическое положение Красного Кургана, Хасаньи служит для диверсификации использования ресурсов и занятия высокого места в рыночной инфраструктуре. Удаленность многих селений и бедность ресурсами ведет к маргинализации местных сообществ, ориентации на государственные субсидии и иждивенчество.

Институты

Весь механизм жизнедеятельности и взаимодействия ключевых акторов заданных условиях, конкуренция за ограниченные ресурсы основывается на имеющихся институтах, в том числе, выработанных годами и привнесенных из вне (Табл. 3).

Селение	Регулирование доступа к ключевым ресурсам	Регулирование конфликтных взаимоотношений внутри сообщества	Регулирование конфликтных взаимоотношений между местным сообществом и внешними акторами (государством, бизнесом)
Ульяновское	государственные институты	Местное самоуправление, государственные институты	государственные институты
Ново-	Местное	Местное	государственные

Ивановское	самоуправление, государственные институты	самоуправление, государственные институты	институты
Новая Балкария	Формальные (государственные институты)	Сочетание формальных и неформальных правил	государственные институты
Старый Черек	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Исламей	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Аушигер	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Красный Курган	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Кардоникская	Формальные (государственные институты)	Местное самоуправление, государственные институты, сочетание формальных и неформальных правил	государственные институты
Жанхотеко	Формальные (государственные институты)	Местное самоуправление, государственные институты, сочетание формальных и неформальных правил	государственные институты
Хасанья	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Хумара	Формальные (государственные институты)	государственные институты, сочетание формальных и неформальных правил	государственные институты
Нижняя Теберда	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил	Сочетание формальных и неформальных правил
Эльбрус	Формальные (государственные институты), неформальные институты (семейно-родственные отношения), институты местного самоуправления	Сочетание формальных и неформальных правил, формальные (государственные) институты	Сочетание формальных и неформальных правил

Табл. 3. Характеристика ключевых институтов

Как видно из таблицы 4, к официальным государственным институтам, а также институтам местного самоуправления часто примешиваются неформальные. Они образуют своеобразные симбиозные сочетания правил, позволяющие удовлетворять интересы различных акторов. Отсутствие государственной институциональной монополии объясняется не слабостью и плохой разработанностью государственных институтов, а неразвитостью систем мониторинга и санкций за соблюдением тех или иных правил. Более высокий вес государственного регулирования происходит в русскоязычных селениях (Ульяновское, Ново-Ивановское, Кардоникская, а также там, где наблюдается бедность ресурсов (Жанхотеко, Хумара). Регулирующая роль государства присутствует также и в Эльбрусе, где имеются стратегически важные для государства ресурсы – природоохранные и рекреационные.

В большинстве же селений регулирование доступа к ресурсам, взаимоотношений внутри сообщества и между сообществом и внешними акторами происходит на основе сочетания формальных и неформальных правил.

Населенный пункт	Суть конфликтных отношений в области доступа к земле и ее использования	Тип конфликтных отношений (предварительные формулировки)
Домбай	Высокогорный рекреационный центр в вторгается в заповедную зону	Между бизнесом и природоохранными задачами
Нижняя Теберда	Село в среднегорье с дефицитом земель для земледелия и животноводства вынуждено арендовать пастбища и конфликтовать с районом	Между районом и селением за право доступа
Садовое	Предгорные равнины с плодородными землями, засушливые заброшенные вследствие нерентабельности (ценовой дэмпинг со стороны крупных фирм)	Конфликт в условиях несовершенства рыночных отношений в области производства сельхозпродукции
Красный Курган	Предгорно-низкогорные территории с ограниченным потенциалом земельных ресурсов, селение находится в конфликте с районом из-за правил доступа к земельным ресурсам	Конфликт за регулирование доступа к земельным ресурсам
Эльбрус	Рекреационное высокогорье с дефицитом земель для земледелия и большим потенциалом пастбищ, многосторонний конфликт внешних предпринимателей, национального парка и местного сообщества	Между государством и местным сообществом
Хасанья	Низкогорье с дефицитом пашни и пастбищ, конфликт за статус земель между селением и городом	Между государством и местным сообществом
Новая Балкария	Предгорные равнины с плодородными землями, конфликт за выделение земель в пользование	Между различными стратегическими группами
Ульяновское	Предгорные равнины с плодородными землями, засушливые, конфликт за	Между районом и селением за право доступа

	выделение земель в пользование	
Стур Дигора	Среднегорно-высокогорные с депопуляцией и забрасыванием земель, разрушением культурного ландшафта	Культурно-ценностный
Цей	Рекреационные высокогорья в границах Северо-Осетинского государственного заповедника, статус и выделение земель в пределах заповедника	Между бизнесом и природоохранными задачами
Тарское	Низкогорья с дефицитом пашни и пастбищ, давний конфликт между осетинами и ингушами	Этнополитический
Новоосетинская	Предгорные равнины с плодородными землями, засушливые, конфликт пользования	Между различными стратегическими группами
Джейрах	Высокогорье с большим потенциалом земель, не освоено	Культурно-ценностный
Экажево	Предгорные равнины с плодородными землями, конфликт за выделение земель под жилое строительство	Конфликт за регулирование доступа к земельным ресурсам
Кенхи	Высокогорье с дефицитом земель для пашни	Дефицит земель и несовершенство механизмов регулирования земельных отношений
Хой	Высокогорье с большим потенциалом земель, не освоено	Культурно-ценностный
Новотерское	Предгорные равнины с плодородными землями, засушливые, доступ к земле монополизирован государством	Между государством и местным сообществом
Цадах	Предгорные равнины с плодородными землями, засушливые, конфликт за административную приуроченность земель селения	Несовершенство земельно-административных правил
Кахул	Высокогорье с дефицитом пахотных земель, конфликт вследствие бюрократических издержек на реосвоение земель	Между государством и местным сообществом
Вихли	Высокогорье с дефицитом пахотных земель, конфликт выделения в аренду и пользования ограниченных земель	Дефицит земель и несовершенство механизмов регулирования земельных отношений
Ново-Ивановское	Предгорные равнины с плодородными землями, монополизация прав в рамках старого совхоза	Конфликт за регулирование доступа к земельным ресурсам
Старый Черек	Предгорные равнины с плодородными землями, ограниченные земельные ресурсы и права распределения земель в аренду	Конфликт за регулирование доступа к земельным ресурсам
Исламей	Предгорно-низкогорные территории с ограниченным потенциалом земельных ресурсов, инновации обесценивают традиционные виды землепользования	Инновационный
Аушигер	Предгорно-низкогорные территории с	Конфликт за регулирование

	ограниченным потенциалом земельных ресурсов, конфликт вокруг статуса земель	доступа к земельным ресурсам
Жанхотеко	Низкогорье с дефицитом пашни и пастбищ, зависимость от района	Между районом и селением за право доступа
Кардоникская	Предгорно-низкогорные территории с ограниченным потенциалом земельных ресурсов в условиях безработицы	Конфликт за регулирование доступа к земельным ресурсам
Хумара	Низкогорье с дефицитом пашни и пастбищ, резким различием подходов к оценке земли между черкесами и карачаевцами	Культурно-ценностный

Таблица 4. Предварительная классификация земельных конфликтов

Предварительное обобщение конфликтных ситуаций на ключевых участках дало возможность обосновать несколько типизаций земельных конфликтов:

А) на основании анализа вовлеченных акторов: 1) между государством и местным сообществом (горные и отдаленные районы), 2) между различными местными сообществами, 3) между местным сообществом и бизнесом, 3) между несколькими стратегическими группами, объединенными на основе бизнес-интересов, этнокультурной идентичности и др.

Б) на основании анализа ценности земли: 1) земля как ценный экономический ресурс; 2) земля как административный ресурс; 3) земля как территория проживания этнокультурной общности; 4) земля как средство жизни, изъятие которой ставит под угрозу существование людей.

В) на основании правовых особенностей владения и использования земли: 1) за владение землей, 2) за право допуска к использованию земли, 3) за правила пользования землей, 4) за правила, которые определяют особенности владения, допуска и использования землей.

«Околичествование» полученных данных интервью и сочетание с имеющейся разнородной статистикой для дальнейшей визуализации и географического анализа следует проводить в несколько этапов: а) сбор различных характеристик, обозначенных, прежде всего, в опроснике (20-30 характеристик), а также в паспорте муниципального образования (около 25 характеристик); 2) отбор тех характеристик, которые прямо или косвенно влияют на условия и протекание конфликта; 3) установление интегральных и оценочных параметров, характеризующих земельный конфликт (бедность местного сообщества, уязвимость к внешним факторам, уровень и характер проявления насилия, степень социальной мобилизации и сплоченности и др.); 4) кодирование в простых шкалах, которые затем могут использоваться в ГИС.

Анализ факторов и условий возникновения, протекания и регулирования земельных конфликтов на Северном Кавказе, базирующийся на проведенных полевых исследованиях, показал, что важную роль в обострении земельных отношений играют «правила игры» – институты, регулирующие допуск к земельным ресурсам и изменяющих правила их использования. Необходимы методы и подходы, которые могут составить новое направление в географии, так называемую институциональную географию, охватывающую область

взаимоотношения ресурсно-ландшафтных и правовых процессов, прежде всего, на локальном уровне. Такие методы должны включать географический анализ акторов (лиц принимающих решения и прямо или косвенно вовлеченных в земельно-ресурсные отношения) и институтов (как формальных – законов, так и неформальных, в том числе традиционных – местных адатов).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуня А.Н.* Приватизация земель в горных регионах СНГ // Проблемы информатизации общества. Материалы всероссийской конференции. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. – С. 24-27.

2. *Гуня А.Н.* Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). – Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. – 160 с.

3. *Гуня А.Н.* Институциональное реструктурирование географического пространства: влияние приватизации земель на горные ландшафты Северного Кавказа. – Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing. 2013. – 152 с.

4. *Гуня А.Н. Машкова Р.А., Гежаев А.М., Майборода В.И.* Изменения в разнообразии типов природопользования на Северном Кавказе // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. – С. 81-84.

5. *Гуня А.Н.* Современные тенденции в институциализации природопользования горных регионов Кавказа и Средней Азии // Известия РАН. География. – 2010. – №6. – С. 77-87.

6. *Иванов П.М., Гуня А.Н. Машкова Р.А.* Комплексная оценка и перспективы освоения природно-ресурсного потенциала горного региона. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. – 133 с.

7. *Dahrendorf R.* Pfade aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. – Munich: Piper, 1988. – 403 p.

8. *Eckert Julia M.* Einleitung: Gewalt, Meidung und Verfahren: zur Konfliktheorie Georg Elwerts // Anthropologie der Konflikte: Georg Elwerts konflikttheoretische Thesen in der Diskussion. – Bielefeld: Transcript. 2004. – P. 7-25.

9. *Elias N.* Die hohische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Konigtums und der hoffschen Aristokratie. Mit einer Einleitung: Soziologie und Geschichtswissenschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. – 456 p.

10. *Elwert G.* Feldforschung. Orientierungswissen und kreuzperspektivische Analyse. – Berlin: Schiler, 2002. – 96 p.

11. *Hirschman Albert O.* Wie viel Gemeinsinn braucht die liberale Gesellschaft? // Leviathan. – 1994. – Vol. 22. No. 2. – P. 293-304

12. *Koehler J., Zurcher Ch.* Conflict and the state of the state in the Caucasus and Central Asia: an empirical research challenge // Berliner Osteuropa Info. – 2004. – 21. – P. 57-67.

13. *Luhmann N.* Legitimation durch Verfahren. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1983. – 261 p.

14. *North Douglass C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 159 p.

15. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. – 298 p.

16. *Robinson S, Whitton M, Biber-Klemm S, Muzofirshoev N.* The impact of land reform legislation on pasture tenure in Gorno-Badakhshan: from common resource to private property? // Mountain Research and Development. – 2010. – № 30(1). – P. 4-13.

УДК 316 (479) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-154-175**

ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: АКТОРЫ, РЕСУРСЫ, ИНСТИТУТЫ

А.Н. ГУНЯ

Институт географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29.
E-mail: gunyaa@yahoo.com

Т.З. ТЕНОВ

Кафедра философии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: ten.kbr07555@gmail.ru

А.М. ЧЕЧЕНОВ

Кафедра теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: isrsit@mail.ru

М.З. ШОГЕНОВ

Кафедра теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: isrsit@mail.ru

Аннотация. Возникновение земельных конфликтов связано с обострением земельных отношений в горных районах Северного Кавказа, вследствие приватизации земель, проведения муниципальной реформы и земельных преобразований. Внедрение новых правил ресурсных отношений в горных регионах, где важное место занимают местные обычаи (адаты), привело к росту политической напряженности и трениям между местными сообществами и государством, местным и внешними предпринимателями. При этом важную роль играет этнический фактор, что грозит перерастанию данного типа локальных конфликтных отношений в межэтнические и региональные. Научные исследования конфликтов принадлежат в основном социально-политическим наукам, ставящим в центр социальные процессы. Изучению ресурсов, из-за которых происходит конфликт, а также условий, в которых происходит воспроизводство этих ресурсов, отводится мало внимания. Особенно это становится важным в условиях глобальных климатических изменений, когда потенциал тех или иных земель меняется за короткое время, а местные сообщества не успевают адаптироваться к этим изменениям.

Ключевые слова: акторы; ресурсы; институты; земельные конфликты.

THE LAND CONFLICTS IN MOUNTAINOUS AREAS OF THE NORTH CAUCASUS: ACTORS, RESOURCES, INSTITUTES

A.N. GUNYA

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 119017, Moscow, Staromonetny Pereulok, 29.
E-mail: gunyaa@yahoo.com

T.Z. TENOV

Chair of Philosophy of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: ten.kbr07555@gmail.ru

A.M. CHECHENOV

Chair of Theory and Technology of Social Work of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: isrsit@mail.ru

M.Z. SHOGENOV

Chair of Theory and Technology of Social Work of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: isrsit@mail.ru

Abstract. Emergence of the land conflicts is connected with an aggravation of the land relations in mountainous areas of the North Caucasus, as a result of privatization of lands, carrying out municipal reform and land transformations. Introduction of new rules of the resource relations in mountain regions where the local customs (adats) play an important role, led to growth of a political tension and frictions between local communities and the state, local and external businessmen. An important role of the ethnic factor may lead to the transformation of these conflicts from local to regional and interethnic. Scientific researches of the conflicts generally belong to socio-political sciences focusing on the social processes. But they pay little attention to the exploration of natural resources and to conditions in which these resources are reproduced which are the cause of the conflicts. It becomes especially important in the conditions of global climatic changes when the capacity of these or those lands changes during a short time, and local communities don't have time enough to adapt to these changes.

Key words: actors; resources; institutes; land conflicts.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

GEOPOLITIQUE ET DIVERSITE DES ETHNIES[1]

GERARD-FRANÇOIS DUMONT

L'existence de groupes humains minoritaires au sein des États est inhérente à l'histoire et à la géographie. Pour examiner la question des «groupes humains», une définition préalable est nécessaire et nous proposons la suivante: un «groupe humain est un ensemble d'individus habitant depuis longtemps un territoire donné et ayant en commun un caractère durable, ethnique, culturel, religieux, linguistique ou historique qui lui confère une identité et des valeurs collectives qui le différencient du reste de la population».

Ce texte a pour objet d'étudier uniquement la situation où un groupe humain est minoritaire[2] [5]. Dans ce cas, deux attitudes géopolitiques du pouvoir sont possibles. La première relève de l'ostracisme, que nous examinerons dans une première partie; la seconde, que nous analyserons ensuite, consiste à mettre en place des modalités d'inclusion qui entrent dans une logique de conciliation.

1. L'ostracisme vis-à-vis des groupes humains minoritaires

L'attitude d'ostracisme d'un pouvoir vis-à-vis d'un groupe humain minoritaire peut conduire à des comportements fort différents. Le premier consiste en un certain autisme du pouvoir face à la réalité de l'existence d'un groupe humain minoritaire. Cinq attitudes géopolitiques sont alors possibles. Selon une première, le pouvoir met en œuvre des décisions politiques ayant des effets de coercition sur les populations et visant à supprimer, autant que possible, le comportement ou la présence des minorités sur le territoire. Une deuxième se constate lorsque le pouvoir organise des déplacements contraints à l'intérieur du pays, car le groupe humain minoritaire est jugé gênant par le pouvoir sur la partie du territoire où il habite. En troisième lieu, le pouvoir exclut politiquement le groupe humain minoritaire en le poussant à émigrer.

L'attitude du pouvoir peut aussi déboucher sur des conflits civils. Enfin, une dernière façon d'éliminer l'existence d'un groupe humain minoritaire consiste à le faire disparaître et l'on entre alors dans des logiques de massacres systématiques, comme dans les cas de génocide.

Le refus de voir la différence

Une première possibilité résulte de la crainte par le pouvoir de ses minorités. Dans ce cas, il met tout en oeuvre pour qu'elles ne puissent en aucun cas exercer un quelconque rôle dans la vie politique du pays. Parmi les situations susceptibles de se

[1] Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

[2] Concernant des groupes humains en situation démographique duale dans un État, ou la composition démographique multiple, cf. Dumont, Gérard-François, *Démographie politique*...

présenter, citons trois types: l'autisme face à un groupe historique et géographique distinct, celui face à un groupe transfrontalier et celui face à un groupe appartenant à une religion minoritaire. Ces trois types peuvent être respectivement illustrés par l'Algérie, la Turquie et l'Égypte.

En Algérie, l'histoire et la géodémographie attestent d'un groupe humain spécifique, devenu minoritaire après la conquête arabe du VIIe siècle. Le peuplement actuel de l'Algérie comprend toujours une composante berbère ayant la nature d'un groupe humain différencié par sa géohistoire. D'ailleurs [13] le grand historien Ibn Khaldoun (1332-1406) distingue les Berbères des Arabes en présentant ainsi des tribus Berbères: «un peuple puissant, redoutable, brave et nombreux, un vrai peuple comme tant d'autres dans le monde, tels que les Arabes, les Perses, les Grecs et les Romains» [15]. La spécificité berbère est en effet présente tout au long de l'histoire [2].

Il en résulte une originalité géographique, historique et culturelle. D'abord les massifs montagneux de Kabylie forment un ensemble géographique spécifique au sein de l'Algérie, massifs utilisés autant que possible comme refuge chaque fois que des pouvoirs (romain, arabe, espagnol, turc, français) ont cherché à dominer ou dissoudre le particularisme berbère. Ensuite, le peuplement berbère est beaucoup plus ancien que la conquête arabe. Il s'est trouvé mêlé à une histoire mouvementée dans laquelle s'exerce, selon les périodes, la puissance des Phéniciens, de Carthage, de la Rome antique, de la Rome chrétienne, des différents pouvoirs arabes, de la Sublime Porte ou de la France. Après leur défaire militaire contre les arabes, à la suite de plusieurs guerres au VIIe siècle, les Berbères n'ont cessé de vouloir affirmer, à toute période, une volonté d'autonomie face toutes les dominations d'où qu'elles viennent. Cette volonté berbère de préserver des traits originaux a en outre une dimension linguistique.

Or, depuis 1962, les Kabyles, qui ont pourtant été des éléments moteurs dans la guerre pour l'indépendance de l'Algérie, se trouvent dominés par la volonté des gouvernements de ce pays de nier leur existence. Cela se constate dans de nombreux discours, dont ceux de chefs d'État algériens affirmant par exemple: «Tous les Algériens sont des arabes», dans nombre de décisions politiques et d'abord dans la constitution. Sa version de 1996 comprend en effet un «chapitre II» intitulé «Du Peuple» dont voici l'article 8: «Le peuple se donne des institutions ayant pour finalité: la sauvegarde et la consolidation de l'indépendance nationale, la sauvegarde et la consolidation de l'identité et de l'unité nationales».

Dans sa façon de formuler «le peuple» au singulier, de souligner «l'identité et l'unité nationale», la constitution veut insister sur l'inexistence de différences, l'absence d'un groupe humain minoritaire et de spécificités régionales, puisque la mise en évidence de celles-ci est interdite par l'article 9 suivant: «Les institutions s'interdisent: les pratiques féodales, régionalistes et népotiques, les pratiques contraires à la morale islamique et aux valeurs de la Révolution de Novembre».

Autrement dit, la constitution impose à l'Algérie un jacobinisme arabe, niant par exemple la différence kabyle. Cette négation s'est trouvée implicitement exprimée à de nombreuses reprises et même explicitement. Par exemple, le 16 novembre 2005, le ministre de l'éducation Boubekeur Benbouzid déclare: «Il est fait

obligation aux écoles privées d'utiliser la langue arabe comme unique instrument linguistique pour l'enseignement des programmes scolaires». Il n'est donc plus question ni de la langue de Voltaire, ni de la langue tamazight des Berbères de Kabylie [12].Malgré le souci des Berbères d'être des Algériens héritiers de leur culture propre, le régime politique d'Alger, depuis l'indépendance acquise en 1962, a donc tendance à pratiquer un autisme vis-à-vis de ce groupe humain minoritaire, même si quelques bémols ont parfois été apportés à cette attitude.

Une attitude semblable d'autisme domine aussi depuis la création de la Turquie en 1923 avec les Kurdes, qui ont une caractéristique géographique supplémentaire, celle d'un groupe transfrontalier. La situation y est, il est vrai, différente dans la mesure où la Turquie combat en permanence contre ce qui pourrait faire renaître le traité de Sèvres de 1920, plus précisément les articles qui promettaient un État à l'ensemble des Kurdes.

Suite à l'effondrement de l'Empire ottoman en 1918, le traité de Sèvres (1920), imposé par la Grande-Bretagne et les Alliés, prévoit la création d'un Kurdistan indépendant. En conséquence, fort de cette promesse, au début des années 1920, les Kurdes de Turquie soutiennent naturellement le sultan contre Kemal qui veut dénoncer le traité. Ce qui n'empêche pas les Kurdes d'être enrôlés dans l'armée pour le combat contre les Grecs qui ont débarqué à Smyrne. Les grecs vaincus et l'armée turque n'ayant plus besoin d'enrôler largement les Kurdes, les Kurdes ne sont plus appelés que des «Turcs des montagnes» et Mustapha Kemal entreprend de bâtir une république monoethnique [10, 14] sur les ruines de l'empire multinational des Ottomans. Le traité de Sèvres devient caduc lors du traité de Lausanne du 24 juillet 1923, qui prévoit d'accorder certaines protections aux minorités religieuses de Turquie.

Mais le traité de Lausanne de 1923 n'est nullement respecté. Au fil des décennies, le pouvoir turc use de la violence réglementaire, policière et militaire pour nier la spécificité kurde. Le décret-loi du 3 mars 1924 interdit l'enseignement en langue kurde dans toutes les écoles, de même que toutes les associations et publications kurdes. L'objectif visé par la loi se retrouve dans les propos du ministre turc de la Justice de l'époque, M. Mahmut Esat Bozkut: «Le Turc est le seul seigneur, le seul maître de ce pays. Ceux qui ne sont pas de pure origine turque n'ont qu'un seul droit dans ce pays: le droit d'être serviteurs, le droit d'être esclaves» [18].

La propagande officielle prétend souvent qu'il n'y a pas de problème kurde. Pourtant, en 1932, la Turquie décrète la loi martiale sur tous les territoires peuplés par les Kurdes. En même temps, Ankara promulgue une loi de déportation et de dispersion des Kurdes (5 mai 1932) pour déplacer massivement des Kurdes vers l'Anatolie centrale.

En 1934, une autre loi met bien en évidence l'autisme face à un groupe humain minoritaire. Il s'agit de la loi sur l'établissement forcé (*Mecburi Iskân Kanunu*), n° 2 510, du 14 juin 1934, selon laquelle le travail le plus important à accomplir par la révolution kémaliste est «d'inculquer la langue turque et d'astreindre toute population n'étant pas de langue maternelle turque à devenir turque». En 1961, l'un des premiers décrets du Comité d'union nationale, qui gouverne le pays après le coup d'État de cette année-là, porte sur la «turquisation des noms de villes et villages kurdes». Le

Kurdistan turc est intitulé: «Anatolie orientale» ou «provinces de l'Est». Le paragraphe 89 de la *Loi sur les partis politiques* (1961) interdit à tout parti d'affirmer qu'il existe à l'intérieur des frontières de la République des minorités fondées sur des différences linguistiques.

En 1989, le gouvernement impose dans toute la région kurde un «régime d'exception» et le Sud-Est de la Turquie se trouve placé (à nouveau, mais *de jure* ou *de facto* comme depuis les années 1920) sous le contrôle illimité de l'armée. Par les décrets-lois 423 et 424, les militaires se voient octroyer des pouvoirs extraordinaires.

Certes, dans les années 1990 et 2000, dans le souci de donner des gages à l'Union européenne [9], la Turquie fait quelques concessions formelles. L'état d'urgence est théoriquement levé, mais les contrôles militaires sont nombreux. Le droit de parler kurde est reconnu en 1991 par le Premier ministre Turgut Ozal, mais très partiellement. En 2002, est votée une loi sur l'enseignement de la langue kurde, mais elle est restrictive, ce qui limite sa portée. Au début du XXIe siècle, la politique de destruction du groupe humain minoritaire kurde perdure, comme en témoignent l'anéantissement de villages entiers, la déportation de populations civiles et les assassinats politiques. Des militants des droits de l'homme, y compris les avocats, sont périodiquement menacés.

Autre exemple d'autisme durable: en 2004, l'institut kurde se voit refuser la publication d'une annonce publicitaire, pour une rétrospective à Paris, des films du réalisateur Yilmaz Güney (1937-1984) dans l'édition européenne du quotidien *Hürriyet* parce que le mot «kurde» y figure [16]. En outre, le vote kurde n'est pas pris en compte. Le système électoral en vigueur dans les années 2000 requiert des partis une représentation de 10 % à l'échelon national pour pouvoir siéger au Parlement. Par exemple, lors des élections législatives de 2002, le parti pro-kurde Dehap n'a recueilli que 6,2 % des voix à l'échelon national et, donc, ses voix, qui ont atteint jusqu'à 57 % dans des régions du Kurdistan de Turquie, n'ont pas compté, le privant de toute représentation au Parlement. Il a fallu que les partis kurdes de Turquie trouvent des alliés pour contourner le système qui, engendrait son absence de représentation parlementaire, sachant que le poids électoral des Kurdes est appelé à augmenter [8].

Outre l'autisme face à un groupe historiquement distinct, face à un groupe transfrontalier, un troisième type peut se présenter face à une religion minoritaire.

En Égypte existe un groupe humain minoritaire copte, confessant une religion chrétienne déjà présente avant la conquête arabe. Au fil de l'histoire, de nombreux pouvoirs qui se sont exercés en Égypte, y compris Napoléon ou les Britanniques, ont traité ses membres comme des citoyens de seconde zone. Puis, lors de la lutte pour l'indépendance, à laquelle participent activement les coptes, ces derniers sont temporairement moins mal considérés. Dans les années 1920, le parti Wafd, héraut de la lutte contre les Anglais, brandit le slogan "La religion est pour Dieu et la patrie pour tous" et conçoit un drapeau portant le croissant et la croix.

Mais, depuis l'indépendance, ce groupe copte, qui représente entre 6 et 10 % de la population au début du XXIe siècle, fait à nouveau l'objet d'une discrimination diffuse, qui s'est trouvée fréquemment encouragée par des discours officiels. En outre, les coptes font l'objet d'une discrimination *de facto*. Un copte ne sera jamais

commandant en chef de l'armée, parce que son patriotisme est mis en doute, ni ministre de l'intérieur, parce qu'il est suspect de semer la discorde, ni recteur d'une faculté de lettres, parce qu'il n'a pas appris le Coran. Après le renversement de Moubarak le 121 février 2011, des dizaines d'églises coptes ont été détruites, sans que les auteurs de ces destructions aient été condamnées, et la présidence du Frère Mohammed Morsi (24 juin 2012 – 5 juillet 2013) leur a été particulièrement défavorable puisque l'objectif des Frères musulmans est l'instauration d'un État religieux musulman étouffant la religion copte.

Lorsqu'un pouvoir étatique ne nie pas l'existence d'une minorité dont il essaie d'effacer la différence [4][1], son objectif consiste parfois à éloigner cette minorité de son territoire traditionnel vers d'autres territoires lointains du même pays.

Migrations forcées dans le territoire national

Un exemple permet d'illustrer comment un groupe humain minoritaire peut être écarté en le déplaçant géographiquement. Dans un premier cas, illustré par l'Acadie, l'objectif est de coloniser un territoire en y écartant les nationaux des autres pays qui s'y sont déjà implantés.

La Déportation des Acadiens, ou le Grand Dérangement, désigne l'expropriation massive et la déportation des Acadiens, peuple francophone d'Amérique du Nord, lors de la prise de possession en 1755 par les Anglais des anciennes colonies françaises en Amérique.

En 1763, par le traité de Paris, la France cède ses colonies nord-américaines à l'Angleterre et le gouvernement britannique donne 18 mois aux Acadiens pour quitter l'Empire britannique et gagner une colonie française. Certains émigrent à Saint-Domingue, restée colonie française. Trois ans après, en 1766, les Acadiens sont officiellement autorisés à s'installer au Québec, où plusieurs s'étaient réfugiés avant 1759, mais ceux retournés dans les provinces maritimes (ancienne Acadie) n'ont aucun droit politique jusque dans les années 1830. L'autisme, même s'il se termine, laisse des traces [17].

Outre le déplacement forcé à but de colonisation, un deuxième type correspond à un dessein d'homogénéisation nationaliste.

Toute idéologie nationaliste s'accompagne de l'intention de dissoudre les éventuels groupes humains minoritaires en les déconnectant de leurs racines territoriales, en essayant d'étouffer leurs cultures par un changement radical de cadre de vie et en installant des populations du groupe humain majoritaire sur des parties du territoire national où le groupe humain minoritaire était auparavant majoritaire. L'exemple de territoires longtemps à majorité kurde dans l'Est de la Turquie, présenté précédemment, avec de nombreux déplacements forcés de populations kurdes, s'inscrit dans cette démarche, ajoutant à un autisme ethnique et linguistique une volonté nationaliste. Des kurdes d'Irak ont subi des déplacements forcés sous le régime de Saddam Hussein (1979-2003) [6].

Lorsque le pouvoir étatique n'essaie pas d'éradiquer l'existence d'un groupe humain en le contraignant à des déplacements forcés sur le territoire national ou sur

[1] Parmi d'autres exemples, figure le cas des Tibétains de Chine.

les différentes terres coloniales qu'il contrôle, plusieurs types d'action géopolitique interne sont possibles. Ils cherchent tous à exclure ce groupe du pays soit en décidant des réglementations qui équivalent à une pression à l'émigration, soit en laissant s'installer des conditions qui aboutissent à un résultat semblable.

Des minorités poussées à l'émigration

La volonté d'homogénéiser les caractéristiques culturelles de la population du pays peut conduire à plusieurs types de situations. Une première, en éradiquant tout ce qui donne une spécificité particulière à un groupe humain minoritaire, le pousse à quitter un pays aussi liberticide. Une deuxième consiste à faire subir à un groupe humain minoritaire des menaces périodiques qui finissent par lui rendre la vie quotidienne insupportable, le maintien sur son territoire très difficile, et contraint donc progressivement ses membres à partir. Ces deux cas peuvent être illustrés par des événements vécus en France, en Égypte ou en Irak.

Rappelons d'abord deux exemples. En 1685, Louis XIV révoque l'édit de Nantes et pousse à émigrer de nombreux huguenots. En 1956, Nasser fait comprendre aux habitants non arabes d'Égypte qu'ils n'ont que le choix de quitter le pays. Avant 1956, Alexandrie était «grecque, juive, italienne, avec des journaux publiés en français, située sur une terre égypto-arabe massivement musulmane, mais échappant à cette détermination-là. D'ailleurs, on disait d'Alexandrie, qui était un carrefour de cultures, qu'elle était *ad Aegyptum*, c'est-à-dire «vers l'Égypte», et non pas «en Égypte» [19].

Lorsque la pression à l'exclusion d'un groupe humain minoritaire ne résulte pas nettement d'un ensemble de nouvelles décisions, elle peut s'expliquer par une multiplicité continue de vexations qui engendrent un rythme variable de départ. Le cas des groupes humains minoritaires chrétiens en Irak [7] illustre une telle situation. Ces chrétiens d'Irak forment une communauté historique, apostolique et autochtone. Avec leur douzaine d'Églises, ils témoignent de l'histoire de la théologie chrétienne, qui a engendré différentes séparations ecclésiales, avant que des ralliements à Rome créent de nouvelles divisions.

À l'heure de l'indépendance de l'Irak, en 1932, il résulte de l'histoire une douzaine d'Églises chrétiennes en Irak, avec leurs particularités propres ; ces minorités faibles et éclatées ne présentent aucun risque pour les pouvoirs s'exerçant ou souhaitant s'exercer en Irak. D'abord, il est clair que, même si le nombre de leurs fidèles était élevé, la chrétienté d'Irak pourrait difficilement représenter une force politique significative, compte tenu de ses divisions gravées dans l'histoire. D'ailleurs, ces divisions semblent pérennes, les efforts effectués par certains pour favoriser les rapprochements se heurtant aux traditions. Ensuite, aux divisions historiques s'ajoute souvent une dispersion géographique, l'implantation de chaque église chrétienne s'inscrivant dans des espaces différenciés. En effet, les chrétiens se trouvent répartis du Nord, des frontières avec la Turquie et l'Arménie, à la région de Bassora, au Sud, en passant par Mossoul et Bagdad. Troisième élément, le nombre de fidèles de ces églises est fort peu élevé: les chrétiens d'Irak forment environ, toutes confessions comprises, 2 % à 3 % de la population. Leur relative dispersion

géographique citée ci-dessus ne leur donne, dans aucune des provinces, un poids significatif.

Néanmoins, dès août 1933, un an après l'indépendance de l'Irak, sous la royauté, les chrétiens assyro-chaldéens subissent un massacre, suivi d'une vague nationaliste préjudiciable à l'ensemble de la communauté chrétienne. Dans les années 1950 et 1960, tenus à l'écart dans leur propre pays, nombre de chrétiens choisissent l'émigration vers l'Europe de l'Ouest, les États-Unis et le Canada [21, 22].

Puis, en 1970, bien que se disant république laïque, l'article 4 de la Constitution reconnaît l'islam comme religion d'État sous Saddam Hussein. De façon générale, les cultes chrétiens ne bénéficient pas des aides allant au culte islamique, tandis que le droit irakien, puisant nombre de ses dispositions aux sources de la *charia*, marque nettement des différences religieuses. Par exemple, une chrétienne peut se marier avec un musulman, auquel cas les enfants issus de leur union devront être élevés dans la religion musulmane, mais non un chrétien épouser une musulmane. Le mariage religieux musulman est valide pour l'état civil, alors que le mariage chrétien ne dispense pas d'un passage devant l'autorité administrative. La donation d'un chrétien à un musulman est licite, mais non l'inverse [20].

À partir de 1991, le régime baasiste recule considérablement sur la laïcité, et fait de nouvelles concessions aux autorités de l'islam. Par exemple, une loi interdit les prénoms chrétiens. Progressivement, Saddam Hussein change de paradigme au Moyen-Orient [3], substituant la priorité donnée au nationalisme arabe par un discours religieux qui influence le droit et les comportements. Deux nouvelles vagues d'exode s'effectuent, en 1980 et à partir de mai-juin 1991, quand la situation devient dramatique pour les chrétiens.

Au cours de cette décennie 1990, Ben Laden assure dans le monde la promotion d'une idéologie islamiste radicale[1], dont le projet est de combattre «les croisés et les juifs», quels que soient les dommages collatéraux subis par des musulmans n'adhérant pas à cette vision nihiliste. Selon cette idéologie islamiste radicale, la diversité n'est pas de mise et l'occupation de la terre doit être homogène ; l'islamiste est à Ben Laden ce qu'était l'Aryen à Hitler et il faut aux islamistes un «espace vital» comme il le fallait pour les Aryens. Toute personne habitant un territoire faisant partie de cet «espace vital» théorisé, et risquant de ne jamais adhérer à l'idéologie benladeniste, doit être combattu, y compris les chrétiens d'Irak.

Bien qu'elles n'excluent nullement d'autres actions terroristes contre des musulmans, celles contre les Chrétiens ont donc une double utilité, idéologique et pratique. D'une part, elles visent à pousser les Chrétiens à disparaître, par exemple par l'émigration, et donc à supprimer des territoires tout ce qui peut donner l'impression qu'ils sont des terres de diversité. D'autre part, le terrorisme contre les chrétiens vise aussi à assimiler les chrétiens de l'Irak aux «croisés», alors que ces communautés n'ont rien à voir avec les «croisés» puisqu'elles sont historiques et autochtones. On note d'ailleurs que les chrétiens sont visés sans distinction

[1] Cette dénomination, généralement utilisée, consistant à distinguer les islamiques, c'est-à-dire les musulmans, et les islamistes, c'est-à-dire une frange radicale, peut prêter à confusion. D'ailleurs les imams d'Espagne ont rédigé le 11 mars 2005, un an après les attentats de Madrid, une fatwa décrétant que Ben Laden n'était pas musulman.

d'appartenance ou d'importance de leurs communautés. Le discours islamiste ne distingue nullement entre Chaldéens, Assyriens, Syriens, Latins ou Arméniens qui, tous, subissent lettres de menaces, attentats, assassinats ou enlèvements[1].

Outre la pression à l'émigration exercée dans des pays à l'encontre de groupes humains minoritaires, l'ostracisme peut engendrer des conflits civils.

Conflits civils nés de la volonté d'exclusion de groupes humains minoritaires

La situation faite à certains groupes humains minoritaires peut conduire à de violents conflits civils entre ces minorités souhaitant vivre leur différence et le pouvoir en place. Trois types de tels conflits civils doivent être distingués: ceux à base essentiellement religieuse, ceux additionnant des composantes religieuses, ethniques et linguistiques et ceux incluant tout particulièrement une dimension géographique. Ils peuvent être respectivement illustrés par les guerres de religion en France, la question du Sri Lanka et le Soudan.

À l'origine des conflits religieux de l'Europe des XVIe-XVIIe siècles, et notamment des guerres de religion en France, se trouve la contestation au sein l'église catholique. Le 31 octobre 1517, sur la porte de l'église de Wittenberg en Saxe, le prêtre Martin Luther affiche ses 95 thèses. Il dénonce la pratique des "indulgences" qui promettent aux fidèles d'accéder plus rapidement au paradis contre le paiement d'un tribut au clergé. Il affirme aussi que les prêtres peuvent être mariés et condamne la fonction cléricale. Les bases du protestantisme sont jetées, même si Luther ne souhaite pas former une nouvelle église, mais réformer celle qui existe. Quatre ans plus tard, le 3 janvier 1521, la bulle papale *Decet romanum pontificem* excommunie Luther et ses partisans jugés hérétiques.

En France, les idées protestantes se répandent également et les premiers problèmes religieux apparaissent sous le règne de François Ier (1515-1547) qui, malgré son ouverture d'esprit, considère la doctrine protestante comme néfaste à son autorité. Sous le règne de son fils Henri II (1547-1559), les tensions religieuses s'accroissent. À la fin de l'année 1560, la mort soudaine de François II ouvre la régence de la reine Catherine de Médicis au nom du tout jeune Charles IX. Partisane de la paix, elle cherche en vain un terrain d'entente entre les catholiques et les protestants. Mais les plus violents parmi ces derniers cherchent à s'imposer par la force, à laquelle répond une autre violence, celle des catholiques. Le 1er mars 1562, commence à Wassy la première guerre de religion (1562–1563) avec le massacre de protestants par le duc de Guise. Elle dure jusqu'à la paix d'Amboise (19 mars 1563), qui garantit la liberté de conscience. Suivent huit guerres jusqu'à l'Édit de Nantes (13 avril 1598) qui, instaurant la liberté religieuse, est un modèle de souci de pacification[2]: «Que la mémoire de toutes choses passées d'une part et d'autre depuis le commencement du mois de mars 1585 jusqu'à notre avènement à la couronne et durant les troubles précédents et à l'ocation d'iceux, demeurera éteinte et assoupie

[1] Malgré leur diversité, d'où résulte un manque d'unité confirmé, par exemple, lors des élections du 30 janvier 2005, où se sont exprimés huit partis chrétiens, dont certains regroupés dans deux coalitions chrétiennes et trois dans une coalition menée par les Kurdes.

[2] Rédigé bien évidemment dans la langue française de l'époque.

comme de chose non advenue. Et ne sera loisible ni permis à nos procureurs généraux ni autres personnes quelqconques publiques ni privées, en quelques temps ni pour quelque occasion que ce soit, en faire mention, procès ou poursuite en aucune cour ou juridiction que ce soit».

En l'espèce, l'existence d'un groupe humain minoritaire d'une religion différente de celle de la majorité a entraîné de multiples conflits civils avant de parvenir à une solution (d'ailleurs non éternelle) après deux tiers de siècles. Les guerres françaises de religions, même s'il existe dans le royaume des villes à majorité protestante, n'ont ni base territoriale précisément définie, homogène et continue, ni base ethnique. En revanche, un deuxième type de conflit civil se fonde sur une triple composante, non seulement religieuse, mais aussi ethnique et linguistique, à l'exemple de la question du Sri Lanka (ex-Ceylan) avec l'opposition entre les Cinghalais et les Tamouls. Cette opposition entre le pouvoir (cinghalais) et un groupe humain minoritaire se fonde donc sur de multiples critères, parmi lesquels l'aspect géographique n'apparaît pas essentiel à l'origine. En revanche, cet aspect peut être évident dans certains conflits civils comme celui du Soudan, même s'il est lié parallèlement à des composantes ethniques et religieuses.

Ainsi, les conflits civils fondés sur l'objectif d'imposer à un groupe humain minoritaire des choix religieux, linguistiques ou des normes éducatives qu'il ne peut accepter au nom de son identité spécifique se traduisent inévitablement par des morts, par des déplacements de population. Mais l'ambition du pouvoir qui refuse les spécificités d'un groupe humain minoritaire est, *a priori*, de le contraindre à accepter les règles politiques, éducatives, linguistiques de la majorité, non de l'éliminer physiquement. Or, une telle issue est parfois le but initial fixé. L'existence d'un groupe humain minoritaire étant jugée inacceptable pour le pouvoir, il en décide l'élimination physique.

Le génocide de groupes minoritaires

L'histoire offre plusieurs exemples où le pouvoir décide de mettre fin à l'existence des personnes membres d'un groupe humain minoritaire. Un mot s'applique à ce genre de décision: le génocide. Les personnes sont à éliminer parce qu'elles partagent collectivement une caractéristique, ethnique, religieuse ou autre, permettant de les classer dans un groupe humain spécifique. L'histoire a connu des génocides de groupes humains minoritaires, qui peuvent se distinguer selon deux natures, l'une exclusivement ethnique, l'autre ethnico-religieuse. Quant à la Shoah, c'est le génocide non d'un groupe humain, mais d'un groupe diasporique et ne sera donc pas traité ici.

Exposons le cas d'un génocide ethnoco-religieux, celui des Arméniens. Au début de la Première Guerre mondiale, le 1er novembre 1914, l'Empire ottoman se range au côté des Puissances centrales, et sa IIIe armée est écrasée en janvier 1915 par la Russie. Frustrés par cette défaite, les dirigeants du parti Union et Progrès - les «Jeunes Turcs» – décident de profiter de l'opportunité de la guerre pour résoudre définitivement la «Question arménienne» (*Ermeni sorunu*) par l'extermination des Arméniens. En outre, animés par une idéologie nationaliste turquiste et panturquiste,

ils voient dans les Arméniens un obstacle majeur à leur unification ethnique en Anatolie et à leur expansion dans les pays de langue turque d'Asie centrale.

En février 1915, le comité central du parti et des ministres du cabinet de guerre, Talaat et Enver en particulier, mettent secrètement au point un plan de destruction, présenté officiellement comme un transfert de la population arménienne loin du front. En fait, la déportation n'est que le masque qui couvre une opération d'anéantissement de tous les Arméniens de l'empire, comme le prouve l'examen des faits.

La première mesure est le désarmement des soldats arméniens enrôlés dans l'armée ottomane. Ils sont employés à des travaux de voirie ou de transport et, au cours de l'année 1915, éliminés par petits groupes. Environ 200 000 militaires arméniens sont fusillés par les Turcs. Puis les Jeunes Turcs, soi-disant à la recherche des preuves d'un complot arménien, procèdent à des perquisitions, en commençant par des arrestations dont, le 24 avril 1915, celle de l'élite arménienne d'Istanbul, soit 2 345 personnes le même jour. Puis la destruction des populations arméniennes s'effectue en deux phases successives: de mai à juillet 1915 dans les sept provinces - vilayet - orientales d'Anatolie, où vivent près d'un million d'Arméniens, et qui sont plus ou moins proches du théâtre de la guerre; puis, à la fin de 1915, dans les autres provinces de l'Empire éloignées du front, ce qui enlève toute vraisemblance à l'accusation de collaboration avec l'ennemi.

Le 15 septembre 1915, Talaat Pacha, l'influent ministre turc de l'Intérieur, envoie d'ailleurs un télégramme officiel à la direction du Parti Jeunes-Turcs (préfecture d'Alep): «Le gouvernement a décidé de détruire tous les Arméniens résidant en Turquie. Il faut mettre fin à leur existence, aussi criminelles que soient les mesures à prendre. Il ne faut tenir compte ni de l'âge, ni du sexe. Les scrupules de conscience n'ont pas leur place ici». Talaat Pacha fait parvenir un second télégramme au Parti Jeunes-Turcs: «Il a été précédemment communiqué que le gouvernement a décidé d'exterminer entièrement les Arméniens habitant en Turquie. Ceux qui s'opposeront à cet ordre ne pourront plus faire partie de l'Administration. Sans égard pour les femmes, les enfants et les infirmes, quelques tragiques que puissent être les moyens d'extermination, sans écouter les sentiments de la conscience, il faut mettre fin à leur existence». Enfin, pour souligner l'efficacité de son action, le ministre de l'Intérieur déclare: «J'ai accompli plus pour la résolution du problème arménien en trois mois qu'Abdul Hamid ne l'a accompli en trente ans!»

Dans les provinces orientales, jusqu'à la fin de l'été 1915, tout l'Est de la Turquie (l'ancienne Arménie historique) est vidé de sa population arménienne. Dans le reste de l'Empire où vivent également des Arméniens, le programme prend les formes d'une déportation, conduite par chemin de fer sur une partie du parcours, les familles restant parfois réunies.

Seuls survivent un tiers des Arméniens: ceux qui habitaient Constantinople et Smyrne, les personnes enlevées, les Arméniens du vilayet de Van, sauvés par l'avance de l'armée russe et quelque 100 000 déportés des camps du sud. À la fin de 1916, les observateurs constatent qu'à l'exception de 300 000 Arméniens sauvés par l'avancée russe et de quelque 200 000 habitants de Constantinople et de Smyrne, qu'il était difficile de supprimer devant des témoins, ne persistent plus que des îlots de survie: des femmes et des jeunes filles enlevées, disparues dans le secret des maisons turques

ou rééduquées dans les écoles islamiques comme celle que dirige l'apôtre du turquisme Halide Edip ; des enfants regroupés dans des orphelinats pilotes ; quelques miraculés cachés par des voisins ou amis musulmans ; ou, dans des villes du centre, quelques familles épargnées grâce à la fermeté d'un *vali* (gouverneur) ou d'un *kaïmakan* (sous-gouverneur). Au total, environ 1 500 000 victimes directes, soit presque la moitié de la population arménienne ottomane.

Après une suite d'actions et de décisions, relevant rétrospectivement de ce qu'on n'appelait pas alors une «purification ethnique», un groupe humain minoritaire est éliminé. L'existence d'un ou de plusieurs groupes humains minoritaires n'a (heureusement) donné que rarement lieu à un génocide. En revanche, elle est toujours à prendre en compte parce qu'elle fait très souvent l'objet de décisions géopolitiques internes ou externes. Ces dernières ont soit une orientation vers l'exclusion, et s'expriment par la contrainte, soit, au contraire, d'inclusion, ce qui signifie une volonté d'intégration des personnes, ou une reconnaissance politique ou culturelle de la spécificité du groupe.

2. Les types d'inclusion d'un groupe humain minoritaire

En droit international, il n'existe pas de définition unanimement acceptée de la notion de minorité nationale. Mais la notion de groupe humain minoritaire est utilisée dans divers documents internationaux, notamment dans la Convention-cadre du Conseil de l'Europe pour la protection des minorités nationales (ouverte à la signature depuis 1995). En outre, figure une définition dans la Recommandation 1201, adoptée le 1er février 1993 par l'Assemblée parlementaire du Conseil de l'Europe, recommandation demandant aux États membres d'adopter un protocole additionnel concernant les droits des minorités à la Charte européenne des droits de l'homme. L'article 1er définit cinq conditions:

«L'expression «minorité nationale» désigne un groupe de personnes dans un État qui:

a. résident sur le territoire de cet État et en sont citoyens;

b. entretiennent des liens anciens, solides et durables avec cet État;

c. présentent des caractéristiques ethniques, culturelles, religieuses ou linguistiques spécifiques;

d. sont suffisamment représentatives, tout en étant moins nombreuses que le reste de la population de cet État ou d'une région de cet État;

e. sont animées de la volonté de préserver ensemble ce qui fait leur identité commune, notamment leur culture, leurs traditions, leur religion ou leur langue».

Considérons donc un pays dont la géodémographie se caractérise par l'existence d'au moins une minorité nationale conforme à cette définition. Il existe au moins quatre types d'inclusion, de nature fort différente.

Une inclusion inégale par l'instauration d'un statut inférieur

L'histoire présente notamment deux exemples où l'existence de groupe humain minoritaire n'est pas remise en cause, mais à condition que ces groupes se trouvent dans un statut inférieur, pouvant éventuellement dégager des recettes fiscales

spécifiques. Selon le premier exemple, c'est le critère religieux qui prévaut, le critère ethnico-géographique selon l'autre.

Dans les siècles suivant l'Hégire (622), des territoires ayant connu la conquête arabe sont considérés comme des territoires musulmans, qui ne méritent d'être habités que par des musulmans. La pratique est alors celle d'un «jus sanguinis» appuyé par un «jus religionis». Elle implique une allégeance éternelle à l'islam de celui qui est né dans l'islam. Les non musulmans sont souvent contraints par la force ou, indirectement, par des réglementations, à se convertir, ou poussés à l'exode, ce qui explique par exemple une très grande partie du peuplement du Liban [11], terre d'accueil de minorités interdites de liberté religieuse sur tel ou tel territoire du Moyen-Orient.

Néanmoins, tous les non musulmans ne sont pas nécessairement exclus[1] des territoires musulmans, lorsque est appliquée la règle de la dhimmitude [1] qui, dans divers califats arabes et selon les périodes, valait pour les Dhimmi[2], ressortissants non musulmans, adeptes d'une des religions du livre (*Ahl al-kitâb*), d'un État musulman.

Ainsi, à l'époque Omeyyade, contre un impôt[3] servant de caution et, parfois, l'obligation de porter un vêtement distinctif, les sujets juifs, chrétiens ou sabéens[4], peuvent exercer leur religion à condition que celle-ci ne vienne pas concurrencer l'islam. Une telle pratique a concerné aussi, à certaines périodes, des zoroastriens et des nestoriens et, en Inde, des hindouistes d'États musulmans.

En fait, au critère religieux peut s'ajouter un aspect ethnique. Ainsi les chrétiens sont-ils doublement étrangers au sein de l'Iran khomeyniste parce qu'ils sont généralement arméniens et assyro-chaldéens. Mais, parfois, seul le critère ethnique est pris en compte.

Prenons l'exemple des noirs en Amérique du Nord. Comme dans l'ensemble des pays africains, moyen-orientaux et américains, les noirs soumis à l'esclavage étaient évidemment dans une position de groupe humain minoritaire exploité. Aux États-Unis, le Vermont est le premier État à abolir l'esclavage en 1777 et l'importation d'esclaves est interdite en 1818. Les États confédérés ayant perdu la guerre de sécession, Lincoln peut émanciper les noirs à compter du 1er janvier 1863. Mais, dans le cadre fédéral des États-Unis, des États maintiennent des règles défavorables aux noirs, comme localement l'interdiction de s'inscrire à une université.

Les noirs sont donc restés une minorité à statut inférieur dans certaines parties des États-Unis jusqu'à la première loi sur les droits civiques (*Civil Rights Act*), signée par le président Lyndon Johnson, qui a déclaré illégale la discrimination basée sur la race, la couleur, la religion, le sexe ou l'origine nationale. Cette loi a interdit la discrimination dans les bâtiments publics, dans l'administration et les emplois, puis

[1] Comme cela s'est vu en Afghanistan en 2006, où un converti au christianisme a été, selon la réglementation, condamné à mort. Sous la pression internationale, le président Karsai a décidé de le faire passer pour fou, ce qui lui a évité le sort suprême.

[2] C'est-à-dire en arabe: ayant payé une caution.

[3] En arabe: capitation; tribut; taxe.

[4] Courant religieux, antérieur à la conquête arabe du Proche-Orient, cité dans les sourates II, V et XXII du Coran.

d'autres lois l'ont interdite dans les écoles. Diverses mesures d'application complémentaires sont intervenues pour lever toutes les règles antérieures susceptibles de mettre un groupe humain minoritaire dans une situation sociale inférieure.

Un tel groupe humain peut donc subir un statut d'infériorité, ce qui lui vaut paradoxalement une reconnaissance *de jure* du fait de ce statut, même si ce dernier instaure une inégalité juridique. Dans d'autres cas, le pouvoir laisse simplement les citoyens se reconnaissant dans un groupe humain minoritaire user des règles démocratiques.

Citoyens minoritaires mais démocratiquement égaux

En effet, dans les pays démocratiques, les personnes qui pensent appartenir à un groupe humain minoritaire bénéficient, pour préserver leur spécificité, des libertés existantes et notamment de la liberté associative, qui leur offre un cadre pour enrichir leurs liens et promouvoir leur reconnaissance par la société ou leur place dans la géopolitique interne et faire connaître leurs avis.

Cette inclusion des groupes humains minoritaires par la possibilité pour eux de bénéficier des mêmes libertés que les autres, peut être illustrée par l'exemple des rapatriés en France. Ce terme rapatrié y désigne communément les citoyens français qui ont dû quitter les anciennes colonies françaises au moment de leur accession à l'indépendance ou ultérieurement. Ces rapatriés n'ont jamais souhaité s'y organiser comme un parti politique distinct, mais ont créé nombre d'associations et constitué un réseau cherchant à préserver leurs liens et leur culture historique. Ces associations ont également pour rôle de faire reconnaître par les pouvoirs publics leur souffrance et, même, la maltraitance dont ils ont été l'objet, outre la confiscation de tous les biens qu'ils possédaient outre-mer. En raison de leur présence et à travers leurs associations, dans les villes où vivent des rapatriés ou leurs descendances, leur importance sociale est réelle.

Cette dernière a particulièrement été mise en évidence lors des élections municipales de 1977, lorsque les associations de rapatriés, confondus que le gouvernement ne prenne nullement en compte leurs revendications, décidèrent de le sanctionner en demandant à leurs sympathisants de voter contre les candidats issus de la droite pour ces élections. La France vit alors basculer de droite à gauche de nombreuses municipalités, particulièrement dans des villes du Sud, où la part des rapatriés dans l'électorat était non négligeable.

Dans les pays démocratiques, des groupes humains peuvent donc à la fois demander que leur liberté d'être différents soit respectée et, s'ils trouvent que leurs problèmes ne sont pas assez pris en considération, donner des consignes de vote à l'occasion des élections en vue de faire prendre en compte leurs positions. Parfois, leur démarche peut être plus directe, en cherchant une représentation dans les instances politiques.

Recours à des partis politiques propres

Certains groupes humains minoritaires peuvent considérer que la défense de leurs intérêts justifie de participer, en tant que tels, aux élections et notamment aux élections législatives qui conduisent à choisir ceux qui, par exemple, voteront ou non

les traités et les accords internationaux. Cette voie est plus ou moins praticable selon le système électoral. Si ce dernier est fondé sur un découpage géographique selon de nombreuses circonscriptions, un groupe humain très présent seulement dans quelques régions du pays, voire une seule, peut obtenir une représentation parlementaire. Dans le cas d'un système de représentation proportionnelle nationale[1], un groupe humain dont la localisation est dispersée sur l'ensemble du territoire peut obtenir des représentants au Parlement. Ces deux types de situation peuvent être respectivement illustrés par la Bulgarie et par Israël, avec des partis se voulant les représentants de juifs d'origine russe et les partis d'arabes de nationalité israélienne.

En Bulgarie, les Bulgares d'origine turque habitent essentiellement dans le Sud. Depuis l'instauration de la démocratie en Bulgarie dans les années 1990, ces Bulgares ont notamment créé le Mouvement des droits et libertés (MDL – en bulgare: DPS – ou en turc, Hak ve özgürlükler hakereti, HÖH), le principal parti politique de la minorité turque de Bulgarie. Le MDL est membre du parti libéral européen à l'instar du plus ancien parti ethnique, le Svenska Folkpartiet des Suédois de Finlande. Par exemple, selon les résultats des élections législatives de 2005, le MDL est la troisième force politique du pays, et la première auprès des électeurs bulgares résidant à l'étranger, en ayant recueilli plus de 60 % de leurs suffrages[2]. Les résultats électoraux du MDL par arrondissements montrent clairement que ce parti a une assise territorialement très concentrée.

En Israël, depuis la forte arrivée de juifs de l'ex-URSS, à la fin des années 1980 et dans les années 1990, une nouvelle composante électorale est apparue. Elle est certes prise en compte de façon générale. Par exemple, lors des campagnes électorales pour les élections législatives en Israël, les discours télévisés sont sous-titrés en russe. Mais, en outre, les Israéliens d'origine russe, qui se trouvent être en moyenne dans les couches inférieures de l'échelle sociale, et dont le comportement est souvent «laïque», ont décidé de créer leur propre parti et de s'assurer ainsi, grâce à la proportionnelle, une représentation directe. Disposant de leurs propres parlementaires et parfois de ministres au gouvernement, ils participent directement aux décisions géopolitiques. Leur rôle et leur importance électorale sont largement explicatifs des évolutions de la politique israélienne des années 2000 vers une logique accrue de séparatisme, même unilatéral.

Selon une logique semblable, les arabes de nationalité israélienne disposent de leurs propres partis. L'un d'entre eux se veut particulièrement le représentant des arabes d'origine bédouine, qui pratiquaient le nomadisme et qui sont désormais sédentarisés, pour l'essentiel.

Par la présence de représentants politiques, les groupes humains minoritaires concourent aux décisions nationales et internationales. Dans certains pays, cette représentation directe ou l'existence de tels groupes est institutionnalisée.

Des minorités aux droits politiques spécifiques

[1] Totale comme en Israël ou partielle comme en Allemagne ou en Hongrie depuis 1990.
[2] La grande majorité des bureaux de vote pour les Bulgares de l'étranger se trouve en Turquie.

En vue de reconnaître l'existence d'un groupe humain dans les institutions du pays, plusieurs possibilités existent à travers des textes constitutionnels ou réglementaires: représentation politique minimale, organisation d'un corps électoral spécifique, reconnaissance d'une langue minoritaire… Même dans des régimes autoritaires, il arrive que le pouvoir se trouve contraint de prendre en compte l'existence d'un groupe humain minoritaire. Prenons l'exemple de la Slovénie. Sa constitution de la république du 23 décembre 1991 contient l'Article 80 suivant: «Composition et élections: l'Assemblée nationale est composée de députés des citoyens slovènes et compte quatre-vingt-dix députés. Les députés sont élus au suffrage secret, direct, égal et universel. Un député pour chaque communauté nationale italienne et hongroise est toujours élu à l'Assemblée nationale». La Slovénie dispose donc d'une reconnaissance institutionnelle de deux groupes humains minoritaires en leur accordant au moins un député chacun.

Dans certains pays, une façon autre ou supplémentaire de reconnaître un groupe humain minoritaire consiste à donner un statut particulier à la langue de ce groupe. Par exemple, à Maurice, la constitution du 12 mars 1992 protège l'emploi de la langue française au sein de l'organe législatif dans un article 49 qui précise: «La langue officielle de l'Assemblée est l'anglais, mais tout membre peut s'adresser à la présidence en français». Les locuteurs de langue française sont donc traités comme une minorité qu'il s'agit de reconnaître tout en assurant la primauté d'une langue principale comme langue officielle de communication.

Les solutions politiques présentées ci-dessous consistent à donner des libertés aux personnes se sentant appartenir à un groupe humain minoritaire, qu'il s'agisse de la possibilité de bénéficier des mêmes lois que leurs compatriotes ou de libertés propres au groupe dans le souci de préserver la diversité humaine du pays. Dans d'autres cas, le pouvoir n'est pas défavorable à la présence d'un groupe humain minoritaire sur son sol, mais le place dans une position inférieure.

***

À l'examen de la situation géopolitique des groupes humains minoritaires selon les pays, deux aspects liés sont à prendre en considération. D'une part, le pouvoir se voit tenu de décider d'une attitude vis-à-vis de tout groupe humain résidant dans le pays. Soit il met en place des modes d'inclusion, qui peuvent aller de règles permettant aux membres d'un groupe humain minoritaire de bénéficier des mêmes droits individuels, politiques ou associatifs que tous les autres citoyens, à un traitement inégal, en passant par une reconnaissance juridique spécifique du groupe considéré. Soit il conduit des politiques d'exclusion dont l'éventail va de la négation de la diversité jusqu'à sa destruction violente par un génocide. D'autre part, tout groupe humain, pour vivre sa spécificité, la préserver, la pérenniser, agit ou réagit aux conditions faites par les autorités du pays. La combinaison des comportements du pouvoir et des groupes humains a des conséquences sur la situation géopolitique du pays et son évolution.

SOURCES ET LITTÉRATURE

1. *Abitbol, Michel.* Le passé d'une discorde. – Paris: Tempus Perrin, 2003. – 528 p.

2. *Dumont, Gérard-François, Montenay, Yves*. Le Maghreb, une géopolitique éclatée // Géostratégiques. – 2011. – № 32, juillet. – P. 29-65.

3. *Dumont, Gérard-François*. Changement de paradigme au Moyen-Orient // Géostratégiques. – 2007. – № 15. – P. 41-54.

4. *Dumont, Gérard-François*. Démographie du Tibet. Quels scénarios géopolitiques? // Diplomatie. – juillet-août 2013. – № 63. – P. 40-44.

5. *Dumont, Gérard-François*. Démographie politique, Les lois de la géopolitique des populations. – Paris: Ellipses, 2007. – 498 p.

6. *Dumont, Gérard-François*. Histoire et géopolitique des territoires irakiens // Géostratégiques. – 2e trimestre 2005. – № 7. – P. 23-35.

7. *Dumont, Gérard-François*. La mosaïque des Chrétiens d'Irak Géostratégiques. – 2e trimestre 2005. – № 8. – P. 177-188.

8. *Dumont, Gérard-François*. La Turquie coupée en deux? // Population et Avenir. mai-juin – 2011. – № 703. – P. 3.

9. *Dumont, Gérard-François*. La Turquie et l'Union européenne: intégration, divergence ou complémentarité? // Géostratégiques. – 1er trimestre – 2011. – № 30. – P. 21-67.

10. *Dumont, Gérard-François*. La Turquie, géopolitique et populations // Population et Avenir. – 2004. – № 670. Novembre-décembre. – P. 4-7.

11. *Dumont, Gérard-François*. Le Liban, géopolitique et populations Outre-Terre. – 2006. – № 13.

12. *El Watan*. – 2005. – Alger. – 16 novembre.

13. *Faivre, Maurice*. Un village de harkis. – Paris: L'Harmattan, 1994. – 259 p.

14. *Fontaine, André*. Le Monde. – 1998. – 8 décembre.

15. *Ibn Khaldoun*. Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique Septentrionale. Vol. 1-4. Tome premier / Traducteur M. Le Baron de Slane. – Alger: Imprimerie du gouvernement, 1852. – 453 p.

16. *Le Monde*. – 2004. – 16 novembre.

17. *Maillet, Antonine*. Les Acadiens piétons de l'Atlantique. – Paris: ACE, 1984. – 127 p.

18. *Milliyet*. – 1930. – 16 septembre.

19. *Sureau, François*. Les Alexandrins. – Paris: Gallimard, 2003. – 554 p.

20. *Valognes, Jean-Pierre*. Vie et mort des Chrétiens d'Orient. – Paris: Fayard, 1994. – 972 p.

21. *Yacoub, Joseph*. Babylone chrétienne. Géopolitique de l'Église de Mésopotamie. – Paris: Desclée de Brouwer, 1996. – 334 p.

22. *Yacoub, Joseph*. Menaces sur les Chrétiens d'Irak. – Paris: Coédition CLD et Témoignage Chrétien, 2003. – 200 p.

УДК 39 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-176-193**

GEOPOLITICS AND ETHNIC DIVERSITY

GERARD-FRANÇOIS DUMONT

Paris-Sorbonne University
Saint-Jacques street, 75005 Paris
E-mail: Gerard-Francois.Dumont@paris-sorbonne.fr

Abstract. Geopolitical consequences of ethnic variety within the states are investigated in this article basing on extensive historical and geographical material. Existence of minority human groups (minorities) within the states is an integral feature of history and geography. Study of these

«human groups» demands their preliminary definition. In this article the following definition is offered: «the human group is a community of individuals, dwelling in certain territory for a long time and having steady common features – ethnic, cultural, religious, language or historical which form its identity and collective values distinguishing it from the rest of the population». When such groups are present in the state, the authorities may use two geopolitical approaches. The first consists in ostracism in relation to minority. The second approach consists in the introduction of various ways of an inclusion and integration that correlate with the logic of reconciliation and consent. The policy of ostracism may generate five geopolitical approaches: 1) Unwillingness to recognize the very existence of cultural distinctions and undertaking measures to exile as big a part of the minority group as possible. 2) Recognition of existence of a minority and undertaking some measures to its compulsory displacement within the country for the purpose of separation from its traditional territory. 3) Creation of such conditions that force the group to emigration. 4) The civil conflict between the group wishing to keep its identity and the state authorities. 5) Genocide. In turn it is possible to allocate four types of an inclusion, i.e. involvement and integration of a minority group: 1) Recognition of existence of minority group, but only provided that they are in the unequal, subordinated position. 2) The democratic regime, allowing minority groups to demand respect for their freedom to differ from others and their right to vote on elections with the purpose to force the authorities to take their position into consideration. 3) Political representation of minority groups through regional or national political parties. 4) The institutionalization of the status of minority groups in the constitutional acts guaranteeing them political representation and the cultural rights. When studying a geopolitical situation of the minority groups it is necessary to consider two interconnected aspects: decisions and actions of the authorities in relation to minorities and actions of minorities with the purpose to preserve their identity in the conditions established by the authorities of the country. The aggregate of actions of the authorities and of the minority groups influences a geopolitical situation of the country and its development.

Key words: geopolitics, state, ethnic diversity, minority human group, ostracism, inclusion.

ГЕОПОЛИТИКА И ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Ж.-Ф. ДЮМОН

Университет Париж-Сорбонна.
Улица Сен-Жак, 75005, Париж
E-mail: Gerard-Francois.Dumont@paris-sorbonne.fr

Аннотация. В статье на обширном историческом и географическом материале исследуются геополитические последствия этнического многообразия внутри государств. Существование миноритарных человеческих групп (меньшинств) внутри государств – неотъемлемая черта истории и географии. Изучение этих «человеческих групп» требует их предварительного определения. В статье предлагается следующее определение: «человеческая группа – это совокупность индивидов, длительное время проживающих на данной территории и имеющих устойчивые общие признаки, этнические, культурные, религиозные, языковые или исторические, которые формируют ее идентичность и коллективные ценности, отличающие ее от остальной части населения». При наличии таких групп внутри государства власти могут использовать два геополитических подхода. Первый заключается в остракизме по отношению к меньшинству. Второй подход состоит во внедрении различных способов инклюзии и интеграции, коррелирующих с логикой примирения и согласия. Политика остракизма может порождать пять геополитических подходов: 1) Нежелание признавать само существование культурных различий и меры к изгнанию как можно большей части миноритарной группы. 2) Признание существования меньшинства и меры к принудительному перемещению его внутри страны с целью отрыва от традиционной

территории. 3) Создание условий, подталкивающих группу к вынужденной эмиграции. 4) Гражданский конфликт между группой, желающей сохранить свою идентичность и властью. 5) Геноцид. В свою очередь можно выделить четыре типа инклюзии – вовлечения и интеграции миноритарной группы: 1) Признание существования миноритарной группы, но только при условии, что они находятся в неравном, подчиненном положении. 2) Демократический режим, позволяющий миноритарным группам требовать, чтобы уважалась их свобода отличаться от других и требовать права голосовать на выборах с целью заставить принимать во внимание их положение. 3) Политическое представительство миноритарных групп через региональные или национальные политические партии. 4) Институционализация статуса миноритарных групп в конституционных актах, гарантирующая им политическое представительство и культурные права. При изучении геополитической ситуации миноритарных групп необходимо учитывать два взаимосвязанных аспекта: решения и действия властей по отношению к меньшинствам и действия самих меньшинств с целью сохранить свою индивидуальность в условиях, устанавливаемых властью страны. Совокупность действий властей и миноритарных групп влияет на геополитическую ситуацию страны и ее развитие.

Ключевые слова: геополитика, государство, этническое разнообразие, миноритарные человеческие группы, остракизм, вовлечение.

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ ВО ФРАНЦИИ (1920-2010-Е ГОДЫ)[1]

И.Л. БАБИЧ

Введение

В 2000-е годы в российском научном сообществе резко возрос интерес к изучению русской эмиграции, которая случилась после 1917 года, когда в Российской империи совершилась октябрьская революция. Огромная русская диаспора эмигрировала в различные страны Европы, США, Латинской Америки. Современные исследователи освоили архивы многих стран мира и сделали замечательные описания этих архивов.

Между тем кроме русской эмиграции была и есть кавказская эмиграция вообще, и северокавказская, в частности. В течение XX – XXI в. было несколько миграционных потоков народов Кавказа в Европу: первый мощный поток состоялся в 1920-х годах, когда кавказцы, нежелающие признавать советскую власть, наряду с русскими и казаками, устремились в Западную Европу. Вторая волна была во время второй мировой войны, когда воевавшие на стороне немцев (или захваченные в плен) кавказцы предпочли остаться в Германии, нежели возвращение на Кавказ. В этот период многие эмигранты из Европы совершили «вторичную эмиграцию»: из стран Европы в США и Латинскую Америку. Наконец, 1990-2010-е годы вызвали новый сильный поток народов Кавказа в Европу, что было обусловлено как политическими (войнами в Чечне), так и социально-экономическими причинами.

Изучение кавказских диаспор в других странах мира началось лишь последние 5-8 лет. Это новое научное направление, которое, как нам представляется, будет расширяться: источников, которые историки и антропологи должны ввести в научных оборот, «открыть» для научного сообщества достаточно много. Нам хотелось бы начать описание тех источников, которые мы обнаружили во Франции, и которые, по нашему мнению, в первую очередь, должны стать объектом изучения историков и этнографов. В настоящее время ни в России, ни во Франции северокавказское зарубежье еще не стало объектом научных исследований, поэтому данная публикация об источниках – первая работа в этом направлении.

Опубликованные материалы

Эмигрантские газеты и журналы: это и русские издания, в которых сотрудничали кавказцы; это и казачьи журналы (поскольку часть кавказцев была в казачьем сословии, в эмиграции они сохраняли связи с казаками и

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099 (*рук. Е.И. Филиппова*).

соответственно были связаны с казачьими журналами), это и кавказские журналы, издаваемые кавказцами. Последние журналы можно разделить на политические и научные журналы (например, Журнал по изучению осетин, финансируемый Н. Рерихом и П. Ковалевским).

Приведем несколько показательных примеров. Известна политическая деятельность эмигранта – осетинского офицера *Михаила Николаевича Абациева* (1890 г. г. Ардон, Осетия – 2 февраля 1983 г., Париж, Сен Женевьев де Буа): имея пророссийские и промонархические взгляды, в Париже он стал членом Республиканско-демократического объединения, которым руководил *П.Н. Милюков*. В конце 1920-х – 1930-х годах М.Н. Абациев опубликовал в русских эмигрантских газетах целый ряд сделанных им на заседаниях различных эмигрантских обществ докладов («Задачи и тактика кавказских сепаратистов» (1928 г.), «Задачи и тактика сепаратистов» (1929 г.), «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)» (1935 г.), «Идея солидарности народов Кавказа» (1937 г.), «Демократия и реальная политика» (1939 г.). Доклады М.Н. Абациева, в которых он отстаивал место Кавказа в составе России, вызвали огромный интерес (а иногда и неприятие) всей кавказской эмиграции, особенно той, которая была настроена против России. В газетах и журналах того времени появились дискуссионные публикации, в которых широко обсуждались высказанные осетином идеи и мысли. Это наследие общественно-политической жизни кавказских эмигрантов в настоящее время является важным источником для понимания политического разнообразия во взглядах кавказских эмигрантов 1920-1930-х годов. Казаки издавали свои политические журналы на русском языке («Казачий голос», «Казакия» и др.). В этих журналах активно публиковались те северокавказцы, которые сами являлись казаками, и соответственно тяготели к русским казакам и в эмиграции.

Кавказские эмигранты издавали целый ряд журналов политического характера, главным образом, на русском («Независимый Кавказ», «Кавказ», «Горцы Кавказа», «Северный Кавказ»), но отчасти и на французском языках («Прометей» – Promethee). Большинство журналов издавались в Париже, немного – в Праге, Варшаве. Вокруг этих журналов сгруппировалось достаточно большое количество северокавказцев (и закавказцев), настроенных против России, представлявших будущее Северного Кавказа вне России, в составе Кавказа, главным образом, в составе Федеративного государства. Во время второй мировой войны большинство кавказских журналов перестали издаваться, а после второй мировой войны возобновили свою деятельность уже в Германии, главным образом, в Мюнхене (журналы – «Объединенный Кавказ», «Кавказ»).

Опубликованные некрологи в эмигрантских газетах и журналах. Некрологи могли быть как на известных людей, так и нет. Некролог содержал подчас информацию не только о самом человеке, но и о некоторых аспектах жизни эмигрантов во Франции, например, некрологи на мусульман и православных отчасти рассказывают нам о религиозной жизни эмигрантов во Франции. Приведем примеров чрезвычайно ценных и важных для истории

северокавказской диаспоры некрологов, которые мы нашли в журнале «Русская мысль». Православным человеком был известный в эмиграции общественный осетинский деятель *Тамбий Елекхоти*. 3 мая 1953 г. в первую годовщину его кончины в Александро-Невском соборе в Париже была отслужена панихида [10]. Мусульманином был и ингуш *Джамал Албогачи*. В Париже он успешно работал артистом танца и хореографом. Смерть его застала в Касабланке (Марокко), где он и был похоронен на мусульманском кладбище [9]. Мусульманской была и семья известного генерала Российской армии адыга *Султан Клыч-Гирея*: его жена *Гульджан* и дочь *Элла*, похороненные на мусульманском кладбище Бобиньи в 1961-1962 гг. На 40-й день кончины Гульджан и в годовщину кончины дочери Эллы (26 апреля) в Парижской мечети был прочитан Коран. Присутствовали родственники и друзья [13]. Подобное соединение христианских и исламских традиций мы наблюдаем и в следующем факте, почерпнутом нами из некролога в «Русской мысли»: 6 июня 1959 г. в Париже умер родственник известного военного российской армии адыга П. Аджигоева – Шхан-Гирей Аджигоев, скорее всего тоже военный. Оба Аджигоева были мусульманами. И на 9-й день П. Аджигоев с женой и друзьями – адыгами Казаноковыми кончины Шхана-Гирея (т.е. 14 июня 1959 г.) прочитали Коран на квартире в Париже [11]. Как известно, в исламе нет поминок на 9-й и 40-й день. Это православная традиция, которая вплелась в исламскую жизнь северокавказских эмигрантов во Франции.

Государственные архивы

Архивы Префектуры полиции Франции

Поселившись во Франции, все российские эмигранты, в том числе и северокавказцы, получали так называемые «нансеновское паспорта» – это международный документ, который удостоверял личность держателя. Этот документ был разработан в 1922 г. норвежцем Ф. Нансеном, который в те годы комиссаром Лиги Наций по делам беженцев, и стал выдаваться Лигой Наций беженцам без гражданства. Во Франции каждый беженец старше 15 лет мог получить от французских властей нансеновский паспорт в МВД Франции. Безусловно, он не устранял все проблемы, с которыми сталкивались беженцы, однако все же получение паспорта решало большинство правовых и социальных вопросов беженцев. Желающий получить французский паспорт подавал документы в Префектуру полиции. Многие материалы, связанные с этим, сохранились в *архивах Префектуры.*

Во-первых, сохранились списки, где указывалась фамилия, дата и место рождения беженца, дата получения паспорта. Часто паспорта получали семьями, поэтому есть информация о детях и жене (муже). В результате в этих списках можно найти данные о людях, которые не занимались политической деятельностью, и соответственно не могли упоминаться ни в каких других материалах, или данные о людях, которые существенно дополняют полученные из других источников материалы о человеке [15; 8, с. 16-19; 2, с. 21-28; 3, с. 309-322].

Материалы, освещающие процесс получения нансеновских документов северокавказскими эмигрантами, могут и в другом архиве: *Французском Управлении по защите беженцев и лиц без гражданства (Office français de protection des réfugiés et apatrides – OFRA).* В настоящее время в этом архиве можно получить досье на лиц, получивших нансеновские паспорта до 1966 г. (т.е. за 50 лет до 2016 г.).

Во-вторых, в архивах Префектуры полиции сохранились многочисленные досье на северокавказцев, которые подавали свои документы на натурализацию. В этих досье – анкеты на каждого беженца, в которых предоставлялась полная биография.

Наконец, иногда проживающие во Франции северокавказцы попадали в разные истории: конфликты, драки, убийства. Разумеется, в полиции составлялись досье на виновных и участников события. Северокавказские эмигранты часто фигурируют в таких делах. И многие досье на них сохранились (досье на ингушей М. Куриева, Албогачиева, кабардинца К. Хагондокова, досье по поводу убийства чеченца М. Чермоева, осетина Т. Елекхоти и др.). Эти досье подготовлены французскими властями и поэтому они на французском языке. Приведем пример [15]. Досье осетина Тамбия Елекхоти.

Первый документ датирован 7 февраля 1927 г.

В деле говорилось следующее: Элекхоти, по национальности – грузин, проживал по адресу: рю Бернуйе 15 (Bernouille) с 6 сентября по 16 января 1927 г. Снимал квартиру за 150 франков в месяц. Он получил паспорт для поездки в Прагу и возвращения 15 января 1927 г. Этот иностранец пребывает во Франции с июля 1926 г., имея чехословацкий паспорт. Он прибыл в Прагу 10 июня 1926 г. до сентября 1926 г. с визой на четыре месяца. Эту визу он получил в консульстве Франции в Праге. 12 ноября 1926 г. Элекхоти получил грузинский паспорт в Париже № 3570. Он получил карту идентичности 3 июня 1925 г. Сын Соукум и Корнати Госаха. Со 2 октября по 15 декабря 1926 г. она работал чернорабочим на фабрике Рено за 4 франка в час. Отравляясь в Прагу, он писал, что собирается посещать курса права, но в действительности никогда этого не делал. В действительности, Електхоти скорее всего был журналистом и литературным работником в журнале «Горцы Кавказа» в Праге, вместе с Магометом Абуковым (24.08.1887, Пятигорск), проживающим по адресу: бульвар Гренель, 64, был соредактором журнала «Прометей», который показывает интересы грузин, имеющий офис по адресу: улица Сабо, 3, где находился офис журнала и издательства. Журнал был объявлен 17 ноября 1926 г. и издан в Сент-Клу в издательстве, которое располагалось на Жиро, 3, место церкви в Сент-Клу. Елекхоти оставался в Праге, игнорируя дату возвращения. Он просил дать ему визу с неограниченными поездками в Прагу из Парижа. В целом поведение у Елекхоти хорошее, открыто политикой он не занимается. В деле есть документ с просьбой Елекхоти о натурализации.

Второй документ в досье Т. Елекхоти, датируемый 29 октября 1932 г.

В нем повторялись некоторые данные из первого письма (мы их пропускаем - *прим. И.Б.*): Тамби Елекхоти, по национальности грузин, …. (повтор данных и родителей из первого документа) имеет религиозный брак в Турции с Кларой Миль (…), по национальности француженка, родилась в Константинополе в 1885 г. Прибыв во Францию 27 июля 1928 г. После 1931 г. Елекхоти живет… бывший адвокат в Тифлисе, он покинул

свою страну в момент революции. Он владеет сертификатом генерала Джапаридзе, по которому он был лейтенантом Российской армии с 1915 по 1917 гг.

В настоящее время Елекхоти Директор органа «Независимого Кавказа». Эта публикация направлена на создание назависимости Кавказа и Грузии. Тираж - 1000 экз. … Издается три раза в год.

Он сотрудничает с Вачнадзе Давидом, который проживает по адресу…

Елекхоти до этого управлял журналом «Горцы Кавказа», постоянно сотрудничает с «ОФИНОР», антисоветским органом под именем «Жеремиев», известен как Директор.

Имеет хорошие рекомендации: К. Хагондоков – грузин по национальности, экс-генерал Российской армии, администратор «Общества транспортировки сырой нефти из Грозного» (Бульвар Осман, 35), Абдул Меджиж Чермоев – президент дипломатической миссии Республики Северный Кавказ, также член этого общества. Елекхоти не известен полиции и в архивах нет его. Елекхоти занимается лишь пропагандой независимости Кавказа и не занимается французской политикой.

Работая с этим досье, мы получаем много самой разнообразной информации о жизни Т. Елекхоти во Франции и в Чехии, о его издательской деятельности, политических взглядов, и даже личной жизни. Безусловно, к таким источникам следует относиться критически: в те годы многие северокавказцы представлялись грузинами, например, кроме Елекхоти также делал и К. Хагондоков. Это позволяло легче получить французское гражданство.

Списки Ассоциаций. Во Франции в 1920-1930-е годы создавались многочисленные эмигрантские Ассоциации, которые поддерживали людей в их жизни в чужой стране. При формировании организации в Префектуру полиции посылались данные о ней. Приведем пример Ассоциации: *Ассоциация русских шоферов Франции*. Известно, что многие эмигранты во Франции стали работать шоферами или в автогаражах, занимаясь ремонтом машин. В этих списках есть и северокавказские фамилии, таким образом, мы узнаем, кто из северокавказских эмигрантов имел такие профессии.

Есть материалы о деятельности северокавказских эмигрантов и в других государственных архивах Франции, например, *архиве Министерства иностранных дел Франции, архиве Министерства юстиции Франции.* Фонды данных архивов еще ждут своих исследователей.

Частные архивы

Во Франции много частных архивов, как правило, семейного происхождения: это архивы северокавказских эмигрантов. Чаще всего они хранятся у потомков представителей диаспоры первой волны, а если таковых не оказывалось (как в русской, так и в кавказской эмиграции было много одиноких людей, которые эмигрировали без семей и которые не сумели завести таковых во Франции, чаще всего из-за бедности и невозможности содержать семью) – в государственных учреждениях (но под опекой назначенных душеприказчиков).

Приведем примеры. Семейный архив, хранящийся у потомков дипломата, бжедуга (адыга) *В.Н. Гаджемукова – Себастьяна Гаджемукова (правнука)*, который эмигрировал во Францию в 1923 г. Семейный архив, хранящийся у

дочери осетинского офицера *М.Н. Абациева*, попавшего во Францию из Праги в 1925 г., – *Ольги де Нарп.* Оба представителя Северного Кавказа – Гаджемуков и Абациев до революции находились на службе в Российской империи, и в эмиграции оставались верны своей клятве «служить России», сохраняя пророссийские взгляды. Их архивы содержат, безусловно, бесценные исторические материалы о тех северокавказцах, которые и в эмиграции сохраняли пророссийские взгляды. Безусловно, такие архивы существуют почти в каждой северокавказской семье, особенно в тех семьях, где живы потомки, особенно – если это дети представителей северокавказской диаспоры первой волны. Во Франции живут долго и в 2010-х годах действительно живы многие дети северокавказцев, приехавших в страну после 1919 г. И задачи историков максимально обнаружить такие архивы [6, с. 16-20].

Наиболее ценным и огромным по количеству содержащихся в нем документов, безусловно, является семейный архив депутата дореволюционной Государственной Думы, известно эмигранта, азербайджанца *Али Мардана Топчибаши (1862-1934 гг.)* и связанный с ним – архив его старшего сына – *Али-Акбера (1896-1977 гг.)*, которые, сохраняя статус частных, хранятся в библиотека CERCEC (центра по изучению Восточной Европы и Кавказа). Али Мардан Топчибаши разрабатывал идею создания Конфедерации народов Кавказа, много сделал для ее продвижения в кавказском обществе во Франции, поэтому в архиве содержатся многочисленные материалы, связанные с националистическими движениями кавказцев вообще, и северокавказцев, в частности. В настоящее время частично материалы этого архива издаются в виде 4-х томника в издательстве «Художественная литература» [14]. В основном, это материалы о политической жизни азербайджанской диаспоры.

Частным архивом остается и архив русской масонской ложи «Северная звезда», которым после смерти владельца архива – основателя ложи *М.А. Осоргина* заведовала его вдова – *Т.А. Осоргина,* которая много лет была директором общественной библиотеки им И. Тургенева. После ее смерти им по-прежнему владеет частное лицо. Между тем сам архив располагается в государственном учреждении – отделе рукописей Национальной библиотеки им. Миттерана. Особенность частных архивов заключается в том, что для работы в этих архивах требуется согласие частного лица.

Частными являются и два архива двух основных французских масонских лож «Великой ложи Востока» (ул. Каде, Париж), «Большой ложи Франции» (ул. Пюто, Париж), в которых хранятся материалы русских масонских лож, работавших во Франции под эгидой вышеуказанных французских лож. Для истории кавказской эмиграции масонские архивы, безусловно, интересны тем, что в деятельности русских лож участвовали и северокавказцы, и грузины, и армяне, и азербайжданцы. Русские масоны обратили свое внимание на общественно-политический потенциал кавказцев – эмигрантов для того, чтобы объединить кавказские силы в рамках единой масонской ложи и привлечь их к общей борьбе против СССР, но в рамках единой Российской империи. Кавказцы участвовали в деятельности лож «Астрея» (1922 г.), «Золотое Руно» (1924 г.), «Юпитер» (1927 г.), «Прометей», «Северная звезда» (1925 г.),

«Свободная Россиия» (1930 г.). Кроме собственно материалов деятельности самой ложи «Северная звезда» (1925-1971 гг.), в этом архиве находится напечатанный на машинке текст «Истории русских лож во Франции» (подготовлен в 1929-1930 гг. масоном *Л. Кандауровым*) [1; 5, с. 98-116]. Также в архиве «Большой ложи Франции» напечатанный на машинке текст «История русских лож в эмиграции» (подготовлен в 1949-1952 гг. масоном *П.А. Бурышкиным*).

Полевые этнографические материалы

Главным источником для изучения современной жизни северокавказской диаспоры Франции являются полевые этнографические опросы, которые можно проводить с ее представителями. Однако сбор материалов данного вида во Франции непрост, что связано с целым рядом причин: во-первых, некоторая часть северокавказцев (особенно чеченцев) проживают во Франции незаконно, или занимаются незаконным бизнесом, или ведут незаконный образ жизни. Такие люди категорически отказываются от интервью из-за боязни возникновения у них проблем; во-вторых, другая часть эмигрировала из России по политическим мотивам, имеют антироссийские настроения, поэтому этнограф из России вызывает у них, естественно, негативный настрой. Люди опасаются иметь дело с россиянами во Франции. Данные эмоции понятны, поэтому в таких ситуациях в качестве исключения возможен сбор «косвенных» материалов: интервьюирование тех, кто имеют тесные контакты с северокавказцами, нежелающими вести беседы с этнографами из России.

В основном, большинство северокавказцев в большей или меньшей степени благополучно адаптируются к Франции, французской жизни, чувствуют себя в целом комфортно в новой стране, и готовы беседовать об этнографических особенностях своей новой жизни. Но и в этом случае следует всегда помнить, что в характере адаптации народов Северного Кавказа во Франции есть *общие тенденции*, характерные для всех эмигрантов, желающих обосноваться в новой стране, и *специфические*, связанные именно с северокавказским менталитетом. Для этнографа, безусловно, важно второе и следует отделять первые черты, от вторых.

Немаловажным источником этнографические интервьюирования являются и применительно к истории северокавказской эмиграции во Франции после 1919 г. В 1930-40-е годы во многих эмигрантских семьях родились дети, которые живы до сих пор. В силу своего характера некоторые более общительны, некоторые – менее, но многие их них готовы беседовать и рассказывать об этнографических особенностях адаптации своих отцов, о жизни своих семей в разные годы эмиграции. Такие рассказы бывают очень и очень интересны. В течение 2011-2014 гг. я провела несколько бесед с одним из представителей крупнейшей и известнейшей грузинской фамилии – *Чавчавадзе – Николаем Михайловичем Чавчавадзе*, родившемся и проживающим в Париже в квартире Николая Михайловича или, как принято его называть во Франции, – Нико, недалеко от Елисейских полей. Как представляется, жизнь Нико полна испытаний, которые пришлось преодолевать большинству кавказских

эмигрантов, и в тоже время радости и счастья, которые тоже выпали на долю этого удивительно светлого, доброго, умного и интеллигентного человека. Хотя Нико – грузин, но его воспоминания затрагивают вопросы не только грузинской, но и северокавказской этнографии. Приведем другой пример. Мы проводили интервью с *Ольгой де Нарп* – дочерью офицера Российской армии, осетина М.Н. Абациева, который вместе с другими военными, принимавшими участие в белом движении, эмигрировал во Францию в 1920- е годы. На примере судьбы одной осетинской семьи – Абациевых можно проследить формы адаптации к Франции, к французской культуре, отношение к Осетии и осетинской культуре. В эмиграции семья Абациевых дружила со многими известными осетинами, в том числе и с Гайто Газдановым и Гаппо Баевым. Много интересного мы почерпнули и из интервью с потомком дипломата, бжедуга (адыга) *Василий Николаевича Гаджемукова*, который вместе с остальными сотрудниками Дипломатической миссии в Константинополе эмигрировал в Марсель в 1923 г., где прожил почти всю дальнейшую жизнь и лишь в старости вместе с женой поселился в старческом доме Сент-Женевьев-де Буа, где и был впоследствии похоронен. Это бесценные свидетельства жизни кавказцев в эмиграции, которые существенно могут дополнить почерпнутые нами сведения из архивных материалов [7, с. 131-143; 4, с.205-2114].

Кладбища

Одним из источников по истории северокавказской диаспоры во Франции можно считать и кладбища. Многие северокавказские фамилии ушли неизвестными, если бы не сохранившиеся могилы. Но в этом направлении мы сталкиваемся с французскими законами о времени сохранения могил. Далеко не все могилы на кладбищах сохраняются: если это могила бедного человека, и место захоронения не оплачивалось, то срок сохранения могилы ограничивается 5 годами. Если место захоронения оплачивается, то возможно длительное сохранение могилы. Но даже в том случае, если могила не сохранилась на кладбище, то обязательно сохраняются кладбищенские книги, в которых ведется запись всех захороненных на данном кладбище, во всяком случае за последние 70-80 лет. Приведем примеры. Из некролога, который был опубликован в одном из популярных эмигрантских журналов – «Русская мысль», мы узнали, что 19 ноября 1959 г. на лионском кладбище Гилиотьер был похоронен офицер Кабардинского полка *Толстнаш Кучмазукин*. В журнал сообщил об этой смерти его друг – *Мудар Шидуков* [12]. Благодаря этой информации мы нашли информацию о нем. *Тлостонаш Докшукович Кучмазукин*, сын *Докшоко Кучмазуковича Кучмазукина* (1812 – после 1887 г.), узденя I-ой степени (*уорк-дижинуго*) из аула Кучмазукино, сына офицера, который воспитывался в 1847 г. в Санкт-Петербургском кадетском корпусе. До революции Тлостонаш стал юнкером милиции, служил в Кабардинском конном полку, был участником Добровольческой армии. Было известно, что он эмигрировал на шхуне «Минаефа-Бари» и дальше следы его жизни во Франции совершенно терялись. Поскольку он не участвовал в общественно-политической жизни кавказской эмиграции, ни в каких других источниках его

фамилия не появлялась. И лишь некролог дал нам ниточку. Мы приехали на кладбище, пытались найти могилу, но оказалось, что могилы Тлостонаша давно уже нет, тем не менее в кладбищенской книге информация о нем сохранилась: могила находилась на участке V.2.6.6 – это место, где захоронения держат лишь 5 лет, а потом могила ликвидируется. В кладбищенской книге было записано так: похоронен 23 ноября 1959 г. Kouttchamazoukine, добавлено Zoulouka, 73 года, находился в госпитале H.E.H. (это хоспис).

Но иногда кладбищенские книги, наоборот, вводят исследователей в заблуждение. Так было с могилой *Александра Осиповича Сикоева* (1895-1992 гг.). Александр жил во Франции, был общественным деятелем, членом правления Осетинского национального Объединения, много лет работал в Париже таксистом. И задолго до своей смерти купил себе место на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В начале 1990-х годов он поехал в Беслан (Осетию) погостить у родственников в Беслане, и через два месяца там умер, где и был похоронен в 1992 г. А между тем в кладбищенской книге Сент-Женевьев-де-Буа фигурирует его могила именно там, вводя людей в заблуждение.

Во Франции есть два знаменитых кладбища (оба – под Парижем), на которых похоронено много представителей северокавказской диаспоры: это православная часть кладбища Сент-Женевье-де-Буа, где обрели последнее пристанище народы Северного Кавказа, исповедовавшие православие (около 25 могил, например, упоминавшийся выше Василий Николаевич Гаджемуков и многие члены его семьи), и мусульманское кладбище Бобиньи, где на в старинной части похоронены северокавказцы – мусульмане. На православном кладбище похоронены военные, казаки северокавказского происхождения: *К.Т. Баев (1901-1979),* полковник *К.С. Лотиев (1879-1969*), известный писатель *Г. Газданов (1903-1971), Б. Цараев (1891-1971), Н. Байтуганов (1901-1964), Х.Г. Сикоев (1891-1969),* абхазский поручик *М. Чачуа (1897-1965). Братья – близнецы Эльмурза (1885-1936) и Пши-Мурза (1995-1949) Тамбиевы.* На мусульманском кладбище похоронены многие северокавказцы – мусульмане: кабардинец *Измаил Шаков (*1872-1941*), знаменитый чеченец Абдул Меджит Чермоев (*1882-1937*), много других представителей из рода Чермоевых (*например, *Мамед Чермоев,* 1897 - 1955*),* крупный дагестанский деятель *Хан Аварский.* Однако в Бобиньи кладбище появилось лишь в 1937 г., значит все те северокавказские мусульмане, которые умерли до 1937 г., были похоронены в разных местах, обычно на кладбище того региона, где он жил. Поэтому могилы и мусульман, и православных северокавказцев можно найти и на других кладбищах. Например, на кладбище г. Кламара, в котором проживало много русских эмигрантов, находятся русские могилы (около 20-30), но есть могила и одного адыга – сына упоминавшегося выше В.Н. Гаджемукова – Измаила (1919-2009), умершего недавно.

Судьбы некоторых архивов (вместо заключения)

Особенности архивной службы Франции и неисповедимые судьбы самих эмигрантов иногда приводят к тому, что некоторые архивы представителей

северокавказской диаспоры оказались в других странах, например, в Турции: архив внука Шамиля – Саида, архив Гайдара Баммата, ряда материалов находятся в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете (США). В США оказался и архив дагестанского художника – эмигранта Халил Бек Муссаясула. До второй мировой войны Халил-Бек проживал во Франции, однако впоследствии эмигрировал в США. После его смерти архив остался в Америке, однако усилиями дагестанцев в настоящее время он был передан Дагестану.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив ложи* «Северная Звезда» (Etoile du Nord). Коробка - FM 8-4 // Национальная библиотека им. Миттерана, отдел рукописей.

2. *Бабич И.Л.* Адыги в эмиграции: между Родиной и Францией // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.1. – 2016. – № 2. – С. 21-28.

3. *Бабич И.Л.* Жители Северного Кавказа и юга России в эмиграции // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 3. – С. 309-322.

4. *Бабич И.Л.* Интервью с Нико Чавчавадзе // Кавказоведческие разыскания. – 2012. – № 4. – С. 205-214.

5. *Бабич И.Л.* Кавказцы в русских масонских ложах Франции // Кавказ и глобализация. – 2014. – №3-4. – С. 98-116.

6. *Бабич И.Л.* Кубанцы и кавказцы: вместе и врозь в европейской эмиграции // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 1. – С. 16-20.

7. *Бабич И.Л.* Осетинские судьбы во Франции // Известия СОИГСИ. – 2016. – № 19. – С. 131-143.

8. *Бабич И.Л.* Осетины во Франции (1919-1939 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. – 2016. – № 3. – С. 16-19.

9. *Русская мысль*. Париж. – 1949. – № 171. – 14 сентября.

10. *Русская мысль*. Париж. – 1953. – № 550. – 1 мая.

11. *Русская мысль*. Париж. – 1959. – № 1380. – 11 июня.

12. *Русская мысль*. Париж. –1959. – № 1457. – 8 декабря.

13. *Русская мысль*. Париж. – 1962. – № 1815. – 22 марта. – № 1830. – 26 апреля.

14. *Топчибаши А.М.* Парижский архив: в 4-х кн. Кн. 1. 1919-1921. / Введение, перевод и примечания Г. Мамулия. М.: Художественная литература, 2016. 568 с.

15. *Archives Préfecture* de police de Paris (Архивы Префектуры полиции. Франция, Париж).

УДК 94 (41.99) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-194-204**

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ ВО ФРАНЦИИ (1920-2010-Е ГОДЫ)

И.Л. БАБИЧ

Институт этнологии и антропологии
Российская академия наук.
113303 Москва Ленинский проспект, 32 А
E-mail: irina@babich1.net

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу новых исторических источников по истории кавказской диаспоры во Франции (1920-2010-е годы). Автор рассматривает разные типы источников: опубликованные (*эмигрантские газеты и журналы, в том числе и опубликованные в них некрологи),* неопубликованные (архивы). В работе архивы поделены на государственные (например, *архивы Префектуры полиции Франции*) и частные (например, семейные эмигрантские архивы или архивы кавказских масонских лож). Автор выделяет *полевые этнографические материалы* (например, проведение интервью с представителями диаспор). Немаловажным источником этнографические интервьюирования являются и применительно к истории северокавказской эмиграции во Франции после 1919 г. В 1930-40-е годы во многих эмигрантских семьях родились дети, которые живы до сих пор. Одним из основных источников для выявления истории Кавказа являются надмогильные надписи (например, православной части кладбища Сент-Женевье-де-Буа, где обрели последнее пристанище выходцы из Северного Кавказа, исповедовавшие православие, и мусульманского кладбища Бобиньи, где в его старинной части похоронены северокавказцы-мусульмане). В заключении в работе описываются судьбы некоторых архивов**,** которые покинули Францию (например, архив внука Шамиля – Саида, архив Гайдара Баммата, оказавшиеся в Турции).

Ключевые слова: Северный Кавказ; Франция; источники; эмиграция; 1920-2010-е годы; опубликованные источники; государственные архивы; семейные архивы; масонские архивы; кладбища.

NEW SOURCES IN THE HISTORY OF THE CAUCASIAN DIASPORA IN FRANCE (1920-2010s)

I.L. BABICH

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences.
113303 Moscow, Leninsky Prospect, 32 A
E-mail: irina@babich1.net

Abstract. The article is devoteed to description and analysis the new historical sources on the history of the Caucasian diaspora in France (1920 – 2010s). The author examines the different types of sources: published (emigrant newspapers and magazines, including obituaries published in them), unpublished (archives). There are two kinds of archives: state archives (for example, Archives of the Prefecture of Police of France) and private (family emigrant archives or archives of the Caucasian Masonic lodges). The author accentuates the field ethnographic materials (such as conducting interviews with representatives of the diaspora). The ethnographic interviews are also an important source, applied to the history of the North Caucasian diaspora in France after 1919. In 1930-40s many emigrant families had children who are still alive. One of the main source for the Caucasian history are a gravestone inscriptions (for example, Orthodox part of the cemetery of Sainte-Genevieve-des-Bois and Muslim cemetery of Bobigny, where North Caucasians' graves are aplenty). In conclusion, the author describes the fate of some of the archives that happened to be brought out of France (for example, archive of Said (grandson of Shamil), archive of Gaidar Bammat that are now in Turkey).

Key words: North Caucasus; France; sources; emigration; 1920-2010s; writing records; state archives; family archives; mason' archives; cemetery.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

МАРИЯ ТЕМРЮКОВНА – ВТОРАЯ ЖЕНА ИВАНА ГРОЗНОГО

Л.Е. МОРОЗОВА

В исторической литературе сложилось далеко не однозначное отношение ко второй жене Ивана Грозного кабардинской княжне Кученей, принявшей после крещения имя Мария. Н.М. Карамзин видел во втором браке царя только романтическую окраску. По версии историка, познакомившись с прекрасной Кученей, Иван Грозный тут же в нее влюбился и захотел сделать своей женой [4].

С.М. Соловьев полагал, что царь от союза с дикаркой сильно проиграл в нравственном отношении [10, с. 678]. Некоторые исследователи даже утверждали, что именно Мария Темрюковна, обладавшая свирепым нравом, дала Ивану IV совет учредить кровавую опричнину [3, с. 134; 11, с. 188].

Основой для этого мнения стало высказывание Генриха Штадена о том, что царица якобы рекомендовала мужу отобрать для своей охраны «из всего народа 500 стрелков и щедро пожаловать их одеждою и деньгами, чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его» [12, с. 43].

Но возникают вопросы: откуда заезжий немец мог знать, о чем беседовали царственные супруги, и какой совет дала Мария Темрюковна мужу? К тому же число опричников было намного больше, чем 500 человек [3].

Следует отметить, что в исторической литературе никогда не ставился вопрос о достоверности сочинения Генриха Штадена. Однако, даже самое общее знакомство с данным памятником показывает, что его цель состояла не в сообщении европейским читателям объективных сведений о России, а во всяческом чернении царя Ивана IV и его окружения.

Рассмотрим только один пример. «Записки» начинаются с Проекта завоевания Русской земли императором Священной Римской империи для предотвращения ее захвата турецким султаном и его союзниками. В числе этих союзников Штаден назвал Михаила из Черкасской земли [3, с. 16]. Но, как известно из документальных источников, кабардинского князя «из Черкасской земли» в описываемое в «Записках» время звали Темрюком, и он был союзником Ивана Грозного. Михаилом звали его сына, который служил при дворе царя [5, с. 237-255]. Уже одна эта ошибка свидетельствует о плохой осведомленности Штадена и недостоверности, сообщенных им сведений.

К тому же неправильно понял Штаден и суть опричнины. Цель ее отнюдь не состояла только в том, чтобы сформировать отряд из 500 человек для личной охраны царя. Она касалась основ управления Русским государством [3]. В этом вопросе молодая кабардинская княжна вряд ли разбиралась.

В русских источниках никаких обвинений в адрес Марии Темрюковны не содержится. Напротив, отмечено, что инициаторами учреждения опричнины

были В.М. Юрьев – двоюродный брат царицы Анастасии, и А.Д. Басманов [7, с. 76]. Эта версия представляется более правдоподобной, поскольку опричнина затрагивала основы управления Русским государством, с которым кабардинская княжна вряд ли была знакома.

Все это свидетельствует о том, что для воссоздания исторического портрета второй жены Ивана IV Грозного Марии Темрюковны необходимо использовать только достоверные источники. Главными из них являются русские летописи XVI в. В первую очередь это Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича и связанная с ним Лебедевская летопись [9], данные из которых вошли потом в Никоновскую летопись и летописцы XVII в. К числу документальных источникам относятся также акты и Посольские книги по связям с народами Кавказа [5, с. 12-19].

В большинстве исторических исследований об Иване Грозном не ставится вопрос, почему он женился на кабардинской княжне. Историки пишут лишь о том, что царь сначала хотел посвататься к польским и шведским принцессам. Но сделать это не удалось. Поэтому поиски невесты продолжились на Кавказе [10, с. 678].

Однако, на наш взгляд, брак царя с кабардинской княжной отнюдь не был случайным. Он теснейшим образом связан с восточной политикой Ивана IV. Известно, что с середины XVI в. устанавливаются дружеские дипломатические отношения России с Кабардинским княжеством. В это время в Москву несколько раз приезжают посольства от местных князей [5, с. 231-233].

Кроме того, после завоевания Казанского и Астраханского ханств царю необходимо было с помощью родственных связей окончательно закрепить их за собой. В этом отношении женитьба на дочери «большего» кабардинского князя Темрюка как нельзя лучше подходила.

Дело в том, что через дочерей Темрюк состоял в родстве с рядом восточных правителей. Одна из них – Алтынчач была замужем за астраханским царевичем Бекбулатом. Их сын – Саин Булат в 1561 г. вместе с родителями выехал на службу в Москву. Там он был крещен под именем Симеон и в 1575 г. по воле царя целый год правил Русским государством.

Брат Бекбулата Магмет находился в Турции. На его дочери был женат сын турецкого султана Селим, который сам с 1566 г. стал султаном.

Вторая дочь Темрюка Малхуруб была женой Тинехмата – сына ногайского хана Измаиила. В 1563 г. он возглавил Ногайскую орду. Поэтому, направляя к нему послов, царь Иван постоянно указывал на свое близкое родство через жен [5, с. 234-235].

Дипломатические источники содержат данные и том, что в гареме крымского хана Девлет-Гирея были черкешенки, состоявшие в родстве с Темрюком. Одна из них, старшая жена хана, даже переписывалась с Марией Темрюковной.

Все эти сведения говорят о том, что женитьба на кабардинской княжне вводила Ивана Грозного в родственный круг восточных правителей. Это косвенно должно было обеспечить ему законность прав на Казань и Астрахань.

В Лебедевской летописи довольно подробно описано, как был заключен брак между Иваном IV и кабардинской княжной Кученей. Сначала в феврале 1561 г. к Пятигорским Черкассам, то есть на Северный Кавказ, были посланы Б.И. Сукин, новокрещеный князь Г. Тазрутов и И.Б. Голохвастов со стрельцами для их охраны. Им поручалось найти подходящую невесту для царя среди дочерей местных князей. Послы поехали через Рязань полем, минуя Азов [9, с. 291].

Данное известие свидетельствует о том, что посланцы царя должны были побывать у многих князей Северного Кавказа, а не только в Кабарде.

Можно предположить, что Б.И. Сукин остановил свой выбор на дочери кабардинского князя Темрюка Кученей и сообщил об этом в Москву.

Юная княжна, наверняка, была очень молода и красива. Ей вряд ли было больше 16 лет, поскольку на Кавказе девушка считалась невестой уже с 14 лет. Кученей, как и большинство кабардинок, несомненно, была стройна, грациозна, с длинными черными косами, правильными чертами лица и огромными выразительными глазами. Увидев ее, царский посланец сразу понял, что царь Иван не останется равнодушным к ее красоте.

Когда в Москве получили грамоту Сукина с описанием Кученей, в ответ по царскому приказу за предполагаемой невестой отправились Ф.В. Вокшерин и С.Мякинин. Летом этого же года они вернулись на родину уже с дочерью Темрюка Аидаровича. Ее сопровождали брат Доманук и сестра Алтынчач-царица с мужем астраханским царевичем Бекбулатом и сыном Саилом.

Первая встреча гостей состоялась на Волге. От имени царя их приветствовал И.А. Бутурлин. В его сопровождении 15 июня они прибыли в Москву и остановились у Ризоположенских ворот в Кремле на дворе постельничего Игнатия Вешнякова [9].

По существовавшему тогда обычаю царской невесте следовало сначала жить в тереме матери жениха. Но Иван IV давно был сиротой. Поэтому для Кученей был выбран дом царского постельничего, как наиболее доверенного жениху человека.

Встречавший гостей И.А. Бутурлин, как известно, принадлежал к достаточно знатному боярскому роду. Поэтому его назначение на должность сопровождающего гостей означало, что царь оказывал уважение Кученей и ее родственникам.

На следующий день после прибытия в Москву Кученей навестил ее брат Михаил, который уже несколько лет служил при царском дворе. Он дал ей некоторые сведения о нравах русских людей, их обычаях, о самом царе Иване Васильевиче. Кроме того, он посоветовал сестре как можно быстрее овладеть не только устным русским языком, но и письменным, чтобы уметь читать церковные книги. Сам он с помощью монахов уже овладел всеми премудростями.

Через несколько дней Иван IV организовал прием в честь приехавших гостей. Во время него он внимательно осмотрел невесту и, по утверждению летописца, «полюбил». Затем 6 июля по царскому приказу в Благовещенском соборе протопоп Андрей нарек Кученей Марией в честь Марии Магдалины.

После этого Иван Грозный официально объявил княжну своей невестой. По обычаю ее перевели в верхние палаты царского дворца и стали готовить к обряду крещения и свадьбе. В это время жених и невеста уже смогли встречаться и во время общения лучше узнавать друг друга [9, с. 291].

Обряд крещения нареченной невесты состоялся 20 июля в Успенском соборе. Его осуществил сам митрополит Макарий. В это время царь находился в Архангельском соборе у гробов своих предков. Вместе с сыновьями он слушал молебны, которые пели ростовский архиепископ Никандр и другие владыки.

Когда царя известили о том, что обряд крещения Марии-Кученей завершен, вместе с сыновьями он отправился в Успенский собор. Там он благословил свою невесту золотым крестом с мощами святых. Царевичи подарили ей золотые кресты, украшенные драгоценными камнями и жемчугом [9, с. 291-292].

Описание обряда крещения Кученей показывает, что Иван Грозный придавал ему очень важное значение. Поэтому он осуществлялся в главном храме страны главой православной церкви. Принимали в нем участие и другие видные церковные иерархи. Пребывание царя в Архангельском соборе должно было символизировать, что, желая вновь жениться, он советуется с предками и как бы получает их благословение.

Даже после крещения кабардинской невесты царь не стал торопиться со свадьбой. Она состоялась 21 августа 1561 г., то есть чуть больше, чем через год после кончины первой царицы Анастасии (умерла 7 августа 1560 г.). Это говорит о том, что Иван Грозный, как и положено, был год в трауре.

Следует отметить, что свадебная церемония на Руси была достаточно сложной и многоэтапной. В ней принимали участие много людей, поэтому даже специально составлялся особый чин – перечень имен участников церемонии и их должностей. Однако чин второй свадьбы Ивана IV отсутствует. Поэтому у исследователей возникло предположение, что традиционный русский обряд был в этом случае нарушен. В летописях писалось лишь об обряде церковного венчания, который осуществил митрополит Макарий в Успенском соборе при присутствии царского брата Юрия Васильевича, царского двоюродного брата Владимира Андреевича, бояр и многих вельмож [9, с. 292].

Царским подарком невесте стало большое золотое блюдо восточной работы, весящее 3 кг. Оно до сих пор храниться в Оружейной палате.

Запись о царской свадьбе была сделана и в Новгородских летописях. В них писалось, что 21 августа 1561 г. царь женился на царевне Марье. И владыка Пимен отправил в Москву подарки: два золотых креста, стоимостью 300 и 70 руб. Первый, видимо, Ивану IV, второй – невесте. Кроме того, Пимен послал образ Спаса в серебряном окладе стоимостью в 100 руб. – царю, а образ Богоматери за 70 руб. – царице. Одновременно царевичи получили иконы за 80 и 40 руб. [6, с. 94]

Получается, что Кученей-Мария получила подарки более дорогие, чем царские дети. При этом в Новгородских летописях не было отмечено, что она

являлась кабардинской княжной. Очевидно, что после крещения в православную веру ее происхождение не имело значения для русских людей.

Можно предположить, что в первый месяц после свадьбы царь Иван был очень доволен новой женой. Уже в сентябре он отправил к Темрюку посольство во главе с И.Ф. Борисовым и Н.Г. Казариновым. Вместе с ними поехал на родину и брат Кученей-Марии Доманук. Послы везли подарки всем родственникам новой царицы: деньги, дорогую одежду, ценную посуду. Они должны были сказать Темрюку, что царь его жалует и сообщает о своей радости по поводу женитьбы на его дочери [9, с. 296].

Во второй половине сентября, а именно 21 числа, по существовавшей традиции, Иван Грозный со всей семьей, в том числе и с царицей Марией, отправился в Троице-Сергиев монастырь для празднования Сергиева дня. Когда празднества закончились, царь отправил детей и братьев домой в Москву, а сам с женой поехал путешествовать по селам, видимо, развлекаясь охотой. Вернулись они только 25 ноября [9, с. 297].

Это путешествие говорит о том, что новобрачным хотелось побыть только в обществе друг друга в простой обстановке без существовавших при царском дворе церемоний.

Породнившись с восточными правителями, Иван Грозный вознамерился установить с ними дружеские отношения. Он начал принимать на службу не только кабардинских, но и ногайских князей. В декабре 1561 г. отправил посольство к крымскому хану Девлет-Гирею с предложением заключить мирный договор. Однако его недруг польский король Сигизмунд 11 стал делать все возможное, чтобы рассорить царя с крымским ханом и вызвать между ними военные действия. Об этом стало известно из грамот, изъятых у польских гонцов, направлявшихся в Крым [9, с. 297-298].

В ответ на недружественные действия польского короля Иван IV направил в Литву рать во главе с родственниками царицы Марии Темрюковны – астраханскими царевичами Ибаком, Тахтамышем и Бекбулатом. Их рейд в район Путивля, Стародуба и Могилева оказался успешным [9, с. 298].

Женитьба царя Ивана Васильевича на дочери Темрюка привела к тому, что сам кабардинский князь стал считать себя царским подданным. Кроме того, это возвысило его среди остальных северокавказских правителей. В летописи по этому поводу писалось следующее: «И Темрюк князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе. А которые черкасские князи Темрюку князю были не послушны, и те заслыша царское жалование к Темрюку князю, что царь и великий князь Темрюка князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темрюку князю учали бытии послушны и дани ему учали давати и во всем учинилися в Темрюкове княжои воле» [9, с. 300].

Когда Иван Грозный узнал, что его тесть с большой благодарностью принял его дары и выразил желание честно ему служить, он отправил на Кавказ новое посольство во главе с Г.С. Плещеевым. В Казани и Астрахани к нему должны были присоединиться 500 стрельцов. Им следовало прибыть к Темрюку и остаться у него на службе для охраны от недругов [9, с. 301].

Летом 1562 г. царь Иван стал готовиться к войне с польским королем. В Можайске начался сбор войск. К зиме основные полки были уже сформированы. В числе ведущих воевод были и родственники Марии Темрюковны: астраханские царевичи Ибак, Бекбулат, Тахтамыш и Кайбула, а также ногайские и черкесские князья. Такого большого количества восточной знати в царском войске никогда раньше не было [9, с. 303].

В это время Мария Темрюковна уже была беременна, и супруг, видимо, полагал, что его отсутствие будет для нее только на пользу.

Общий сбор полков состоялся в Великих Луках 5 января 1563 г. На военном совете царь обозначил цель похода – Полоцк. Первым выступил 11 января Передовой полк во главе с астраханскими царевичами Тахтамышем и Бекбулатом. Очевидно, царь был уверен в их верности и доблести. Все остальные полки двинулись только 14 января [9, с. 304-305].

Осада Полоцка продолжалась меньше месяца. Наконец, 15 февраля город сдался. Царь въехал в него 18 февраля в сопровождении не только воинов, но и представителей духовенства, которые несли чудотворные иконы и кресты. Среди них была знаменитая полоцкая святыня – Евфросиниев крест. После этого не только для победителей, но и для побежденных по царскому указу устроили грандиозный пир [9, с. 310-314].

В Москву с радостным известием был послан брат Марии Темрюковны Михаил. Он должен был первым известить о взятии Полоцка митрополита Макария, потом – царицу и великую княгиню Марию, затем – царевичей Ивана и Федора, последним – царского брата Юрия Васильевича. Характерно, что в грамоте сыновьям царь просил их бить челом митрополиту Макарию, о том, чтобы он молил Иисуса Христа не только о даровании побед, о земском устроении, мире и тишине, но и «изобильстве во всем нам бы со царицею, а с вашею материю» [9, с. 314].

Эта просьба говорит о том, что Иван Грозный не отделял себя от супруги и считал ее матерью своих сыновей от первого брака. При этом он мечтал иметь от нее детей.

В летописях отмечено, что митрополит Макарий и Мария Темрюковна получили от Ивана IV подарки. Пастырь – серебряный крест с драгоценными камнями. Царица – золотой крест с жемчугом и драгоценными камнями, ларец с ювелирными украшениями и серебряный науз – оберег от дурного глаза. Для беременной женщины он был, несомненно, нужен. Ведь при царском дворе у кабардинской княжны вряд ли было много доброжелателей. Для русской знати она, несомненно, казалась чужестранкой [8, с. 365-368].

Следует отметить, что Михаил Темрюкович был послан только к митрополиту Макарию, царице, царевичам и царскому брату. К матери Владимира Андреевича Старицкого был отправлен Ф.А. Басманов, в Новгород к архиепископу Пимену – М. Безнин, в Псков – П. Куракин. Это говорит о том, что брату Марии Темрюковны была доверена самая почетная миссия – извещать о царской победе самых важных в стране людей. Значит, в это время он был одним из наиболее близких к царю людей [9, с. 316].

По существовавшему тогда обычаю, дети и жена в ответ на важное сообщение должны были поздравить Ивана Грозного с победой. От царевичей с поздравительными речами поехал их дядя Д.Р. Юрьев, от Марии Темрюковны – князь Иван Большой Гагин [9, с. 319].

Хотя в грамоте Марии Темрюковны писалось, что она с нетерпением ждет возвращения мужа, царь Иван домой не спешил. Из Полоцка он выехал 26 февраля, но направился не в Москву, а в Старицу, где в честь него были устроены многодневные пиры. Потом он направился в Иосифов монастырь, где его ждал царевич Иван. Следующая остановка произошла в селе Крылатцком. Здесь победителя ждали царевич Федор и брат Юрий Васильевич [9].

Возникает вопрос: почему Иван Грозный не спешил к своей супруге? Причина, на наш взгляд, заключалась в том, что он хотел повторения ситуации 1552 г. Тогда во время поездки домой после взятия Казани царь получил известие о рождении первенца Дмитрия [9, с. 206].

Действительно, после пира в Крылатцком 21 марта Иван Васильевич получил из Москвы известие о том, что супруга родила сына Василия. Это радостное сообщение побудило царя тут же устремиться домой. В итоге в том же день на Арбате его встречали митрополит Макарий с представителями высшего духовенства. После приветствия и молебна все вместе двинулись крестным ходом к Кремлю, где царя приветствовали сыновья, бояре и все москвичи [9, с. 319-320].

Мария Темрюковна, очевидно, ждала мужа в своих покоях. Рожденный ею сын оказался слабеньким ребенком. Через полтора месяца, 3 мая, он скончался [9, с. 320].

Для родителей его смерть стала большим горем. После похорон, состоявшихся в царской усыпальнице Архангельском соборе, царь Иван тут же покинул столицу и отправился в поездку по городам и селам. Он посетил Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев, Козельск, Воротынск и вернулся в Москву только 26 мая. Там он узнал, что Мария Темрюковна с царевичем Иваном отправились на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Царь решил к ним присоединиться и поехал следом. После празднования Троицына дня все члены царской семьи направились в Александрову слободу и пробыли там до 17 июля. Это время царица, видимо, использовала для восстановления сил после родов и похорон сына [9, с. 320-321].

Иван Васильевич из-за государственных дел не стал покидать супругу в тяжелое для нее время и начал принимать в Александровой слободе даже посольства из других стран.

Отсюда было отправлено и посольство к Темрюку Аидаровичу во главе с Семеном Ярцовым Нарматцким. В грамоте тестю царь высказывал ему жалованное слово и просил сообщать обо всех своих недругах, обещая помощь в борьбе с ними. Кроме того, по просьбе кабардинского князя, к нему отсылались его служилые люди, которые, видимо, были в свите дочери [9, с. 321].

Это летописное известие свидетельствует о том, что царь регулярно переписывался с кабардинскими родственниками и был готов выполнять любые их просьбы.

Пока супруг занимался государственными делами, окрепшая Мария Темрюковна вместе с царевичем Иваном съездила в Суздаль в женский Покровский монастырь, основанный бездетным суздальским князем Андреем Константиновичем, и в Ростов, где помолилась у раки святого Леонтия. Считалось, что этот святой давал женщинам дар чадородия [9, с. 322].

Эти богомольные поездки свидетельствовали о том, что царица мечтала вновь родить ребенка. Но это ей так и не удалось сделать. При раскопках в подвале Троицкого собора Александровой слободы археологи обнаружили несколько захоронений младенцев. Возможно, это были мертворожденные дети Марии Темрюковны.

На Ильин день 20 июля 1563 г. царская семья вернулась в Москву. Там Ивана IV вновь ждали неотложные дела, связанные с необходимостью заключить перемирие с польским королем и установить дружеские отношения с крымским ханом. Вполне вероятно, что именно в это время между Марией Темрюковной и ее двоюродной сестрой Хансюер, являвшейся старшей женой крымского хана Девлет-Гирея, возникла переписка. Дело в том, что к царскому двору стали пребывать посланцы не только от самого хана, но и от его сыновей с предложениями мира и дружбы [9, 323].

Следует отметить, что у Марии Темрюковны был перстень-печать, с помощью которого она запечатывала свои письма. В центре печати был изображен двуглавый орел, по краю шла надпись: «царицы и великой княгини Марии печать». Ныне этот перстень хранится в Историческом музее. Его небольшие размеры говорят о том, что у царицы были тонкие и изящные пальцы.

В летописях часто фиксировались сведения о тесных взаимоотношениях Ивана Грозного с тестем. Так под 1563 г. сообщалось о победе кабардинского князя над одним из местных князей с помощью московского войска. Под тем же годом сообщалось о прибытии в Москву кабардинских послов и отправке к Темрюку ответного посольства [9, с. 324, 325, 335].

Все это свидетельствовало о том, что царь Иван уважал своих родственников с Кавказа, интересовался их нуждами и при необходимости оказывал помощь.

В ноябре 1563 г. царскую семью постигло большое горе. Скончался любимый брат Ивана Грозного Юрий. На погребении почему-то присутствовали только Иван IV, Владимир Старицкий и бояре. Ни царицы, ни царевичей не было. Может быть, царь не хотел расстраивать их печальным зрелищем, опасаясь, что оно окажет негативное влияние на их здоровье [9, с. 325].

Необходимо отметить, что в период брака царя с Марией Темрюковной у Русского государства были тесные связи и с Ногайской ордой. Ведь ее сестра была женой старшего сына хана Исмаила Тинехмата. В декабре 1563 г. после смерти отца он стал во главе Ногайской орды и сообщил об этом в Москву. По

завету умершего хана его наследник обещал быть «неотступным от русского царя» [9, с. 326].

Завершился 1563 г. еще одним горестным событием – скончался всеми уважаемый и любимый митрополит Макарий. В Прощальной грамоте он оставил завет не только царю и его сыновьям, но Марии Темрюковне: «Такоже оставляю мир и благословение и прощение боголюбивой и христолюбивой царице великой княгине Марие, о святом дусе пороженнои во святеи купели от нашего смирения крестную ми дщерь, а сам от нея того же прошу получити мира и благословения и прощения» [9, с. 328].

Слова пастыря, обращенные к царице, свидетельствуют об его уважении и любви к ней, как к своей крестной дочери.

Весной 1564 г. случилось сразу несколько событий, в которых пришлось принимать участие Марии Темрюковне. Сначала 18 апреля сгорел двор ее брата Михаила со всеми постройками. Через мужа царица оказала ему помощь. Затем 30 апреля вдова царского брата Юрия Васильевича Ульяна заявила, что уходит в монастырь. Местом пострижения она выбрала Новодевичью обитель. Провожать ее отправилась вся царская семья, включая Марию Темрюковну. Обряд пострижения по царскому указу взялись осуществлять митрополит Афанасий и новгородский архиепископ Пимен. На нем присутствовали не только родственники, но и все представители двора. Заранее для новой монахини были построены келья, поварня, погреба и ледники. Для ее обихода царь выделил несколько городов с волостями и селами. Он хотел, чтобы вдова его брата ни в чем не нуждалась и жила, как и прежде, в довольстве и почете [9, с. 333-334].

В начале мая Иван Грозный вместе с женой и старшим сыном отправился в Переславль-Залесский в Никитский монастырь. В числе их сопровождающих были новый митрополит Афанасий, Владимир Старицкий и бояре. Целью поездки было освящение нового храма в честь святого Никиты, который вместе с кельями и трапезной был построен на казенные средства. Царица Мария с царевичем Иваном и Владимиром Старицким подарили монахам книги, иконы и церковную утварь [9, с. 334].

В Сказании о Никитском монастыре писалось, что по просьбе Марии Темрюковны монахи отслужили молебен в ее честь для дарования ей здравия и чадородия. После него она вступила в беседу с иноками и стала просить их поминать ее саму, а также «благоверного и благочестивого царя Ивана Васильевича и царевичей Ивана и Федора» в ежедневных молитвах. Более того, она попросила старцев от ее имени молиться о благополучии всего Русского государства, «о устроении земском, тишине и мире для всего православного христианства».

Запись о визите Марии Темрюковны в монастырском Сказании свидетельствует о том, что царица произвела на монахов самое благоприятное впечатление. Она была щедра на пожертвования, благочестива и проявляла заботу не только о себе и всех членах своей семьи, но и о благе государства.

После Переславля-Залесского царь с женой и старшим сыном продолжили поездку по монастырям. Они посетили Троице-Сергиев, Можайск,

Верею, Вышгород и далее поехали во владения Владимира Старицкого. В Москву все вернулись только 8 июля [9, с. 334-335]. Можно предположить, что Иван Грозный затеял эту поездку для укрепления здоровья и развлечения молодой жены.

В конце лета 1564 г. все члены царской семьи приняли участие в свадьбе брата Марии Михаила Темрюковича. За него была сосватана пятнадцатилетняя дочь боярина В.М. Юрьева, родственника царя по матери. Молодые поселились в новом доме на Арбате напротив Кремля. Иван Грозный сделал новобрачным поистине царский подарок – дал в управление город Гороховец на Оке со всеми доходами от промыслов и торговли. Через некоторое время супруга Михаила вошла в ближнее окружение Марии [8, с. 362].

Осенью паломническая поездка царя Ивана, царицы Марии и царевича Ивана была предпринята вновь. На этот раз первым в маршруте был обозначен Троице-Сергиев монастырь, где 25 сентября отметили Сергиев день. Далее поехали в Покровский монастырь Суздаля. В нем 1 октября отметили праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Здесь Мария Темрюковна вновь горячо молилась о даровании ей сына или дочери. При этом паломники не знали, что стране грозит большая опасность.

В это время крымский хан Девлет-Гирей, постоянно уверявший Ивана IV в любви и дружбе, подошел к Рязани. Узнав об этом, царь бросился в Москву, где «на государстве» был только юный царевич Федор. По царскому приказу тут же начали собирать воинских людей для похода к Коломне. Царицу Марию с царевичами отправили в Александрову слободу. Но Девлет-Гирей не рискнул форсировать Оку и двинуться к Москве. Постояв некоторое время в Рязанских землях, он вернулся в степи [9, с. 338-339].

В начале октября стало ясно, что опасность миновала, поэтому царица с Иваном и Федором вернулись в Москву. Однако они наверняка запомнили, что жить в слободе значительно безопаснее, чем в столице [9, с. 340].

На основе сообщенных в летописях сведений о Марии Темрюковне можно сделать вывод о том, что она стремилась быть хорошей женой царю Ивану Грозному. Главным ее желанием было родить ребенка. Поэтому она постоянно совершала богомольные поездки по монастырям, делала щедрые вклады в них. Можно предположить, что молодая царица хотела также заменить мать юным сыновьям мужа. Царевичи часто сопровождали ее во время паломничества по святым местам. С ними в случае какой-либо угрозы она уезжала в безопасное место. Но в каких-либо иных развлечениях, например охоте, особо любимой царем, Мария не принимала участие [9, с. 341]. Это говорит о том, что она не была дикой горянкой с жестоким и свирепым нравом, как ее пытались представить некоторые историки.

Брак Марии с Иваном Грозным способствовал улучшению отношению Русского государства с восточными странами. Например, с 1561 г. русско-кабардинские связи стали интенсивными и исключительно дружескими. Укрепились контакты и с Ногайской ордой, которую возглавил муж сестры Марии. В итоге на службу к царю в ноябре 1564 г. прибыло 1353 опытных воина [9, с. 341]. Потом их число постоянно увеличивалось.

В то же время после взятия Полоцка у России обострились отношения с польским королем, который с помощью ценных подарков стал настраивать против царя крымского хана Девлет-Гирея. Нападение крымцев могло произойти в любой момент. Это обстоятельство, видимо, и заставило царское семейство переехать в Александрову слободу в декабре 1564 г. [9, с. 341-342].

В январе следующего 1565 г. Иван Грозный объявил об учреждении опричнины. Ее следует считать сложной государственной реформой, разработанной самим монархом для обеспечения своей безопасности и борьбы с внутренними врагами, мнимыми и реальными. Предположение о том, что инициатором этой реформы была молодая кабардинская княжна – абсурдно. Для этого у нее не было ни соответствующих знаний, ни жизненного опыта, ни даже возможности повлиять на супруга, который был в два раза старше ее.

Предположение об участии Марии Темрюковны в учреждении опричнины могло возникнуть из того, что ее брат Михаил стал одним из главных опричников. Но его назначение можно объяснить тем, что царь в это время доверял только близким родственникам, в том числе и жены.

Летом 1565 г. в Москву приехал еще один брат царицы Мамстрюк. В Александровой слободе он объяснил цель своего визита – на владения его отца стали нападать соседи. Ему требовалась военная помощь Ивана Грозного. К осени вооруженный отряд был собран и отправлен на Кавказ. Правда, до зимних холодов удалось добраться только до Астрахани. Там все царские посланцы и зазимовали [9, с. 346-347].

В июне в Москву прибыло посольство от крымского хана и его сына. Это заставило царя с семьей вернуться в столицу и заняться неотложными государственными делами. Характерно, что до этого вновь все члены царской семьи ездили по монастырям. Они посетили Троице-Сергиев, Никитский в Переславле-Залесском и ряд других монастырей. Осенью паломничество продолжилось. Вновь царь с женой и детьми побывали в Троице-Сергиевом монастыре, потом – в Александровой слободе, Переславле, Ростове, Ярославле, Вологде и даже в Кирилло-Белозерском монастыре и на Белоозере [9, с. 346-348].

Можно предположить, что цель всех этих богомольных поездок заключалась в том, чтобы умолить местных святых вернуть Марии Темрюковне дар чадородия. Ведь после смерти Василия у нее так и не было детей, о которых страстно мечтал Иван Грозный. Следует отметить, что проблему жены царь воспринимал настолько близко к сердцу, что не только сам молился около всех святынь, но и обязывал это делать сыновей. При этом важные государственные дела приходилось вершить боярам в Москве.

Но весной 1566 г. царь понял, что без него бояре не могут решить некоторых важных проблем, например, создать оборонительную линию на южных границах. Поэтому 29 апреля он отправился «в украинные места», наказав Марии Темрюковне с царевичами Иваном и Федором переехать из Москвы в Александрову слободу [9, с. 349-350].

Это говорит о том, что Иван Грозный заботился о безопасности близких ему людей. При этом он не считал, что его супруга, как великие княгини XV в.,

и сыновья смогут в случае необходимости организовать оборону Москвы от каких-либо врагов. Например, из летописей известно, что обороной столицы занимались и супруга Василия I Софья Витовтовна с внуком Юрием, и супруга Василия II Мария Ярославна. Мария Темрюковна к числу таких смелых и отважных женщин, судя по всему, не принадлежала.

Не привлекал царь жену и к обустройству своего нового двора в районе Арбата. Все сооружения возводились согласно его собственным указаниям и пожеланиям [9, с. 353].

С 1566 г. летние богомольные поездки прекратились. С этого времени царь с женой и сыновьями стал ездить либо осенью, либо зимой, начиная путь с Троице-Сергиева монастыря. Правда дальнейший маршрут не всегда шел на север, где рано начиналась зима. Иногда царское семейство отправлялось на запад – в Иосифо-Волоколамский монастырь, Волок и Вязьму [9, с. 352].

Вскоре царь, видимо, понял, что Мария не может родить ему ребенка. Это стало причиной его охлаждения к ней. В 1567 г. он даже стал разрабатывать проект женитьбы на сестре польского короля Екатерине, которая была замужем за братом шведского короля.

От шведского короля Эрика Иван Грозный потребовал, чтобы тот прислал к нему Екатерину в качестве залога дружеских отношений между двумя странами [9, с. 354-355]. Возможно, Эрик и выполнил бы просьбу царя, но муж Екатерины Юхан сверг его и сам сел на шведский престол. В итоге отношения России со Швецией испортились.

Вспомнил Иван Васильевич и свою первую супругу Анастасию. На помин ее души он оправил в Константинополь и на Афон большую сумму денег [9, с. 355].

Все это наглядно свидетельствовало о том, что к кабардинской княжне царь окончательно охладел. Но ее родственников он продолжал поддерживать. По просьбе Темрюка на Тереке стали строить крепость. На царскую службу охотно принимали ногайских воинских людей [9, с. 352-355]. Можно предположить, что осенние богомольные поездки подточили здоровье южанки Марии. Поэтому в 1569 г. царь решил начать поездку по монастырям весной. В мае посетили Троице-Сергиеву обитель, потом – Никитский монастырь в Переславле, затем почтили святыни Ростова и Ярославля. В июне добрались до Вологды, которую царь решил превратить в новую столицу. Там шло строительство каменного кремля, в нем – большого Успенского собора. Далее путь лежал в Кирилло-Белозерский монастырь. Там царское семейство задержалось на несколько недель из-за прохладной и дождливой погоды, несмотря на лето. В итоге Мария сильно простудилась и заболела. Пришлось в августе двинуться домой, поскольку в монастырях царице не могли оказать квалифицированную медицинскую помощь. К тому же оказалось, что неотложные дела требуют царского присутствия в Москве.

В итоге Иван Грозный оставил больную жену на попечение опричников, а сам ускакал в столицу. Мария вынесла все тяготы обратного пути, но в Александровой слободе ей стало совсем плохо, и 6 сентября 1569 г. она скончалась [2, с. 58].

Следует отметить, что из-за замкнутого образа жизни царицы возникли всевозможные слухи о причинах ее смерти. В Пискаревском летописце писалось о том, что царь Иван сам опоил жену смертным зельем [7, с. 78-79]. По официальной версии, отраженной в Соборном приговоре 1572 г., «Мария вражиим злокозньством отравлена бысть» [1, с. 329].

Но, думается, что эта версия нужна была Ивану IV для получения разрешения на очередной брак. Более вероятно, что здоровье Марии просто подточил непривычно холодный для нее климат. Частые поездки по северным монастырям могли постоянно усугублять состояние ее здоровья. Видимо, поэтому у нее и не было детей. В итоге организм молодой женщины дал сбой, и она очень рано умерла.

Марию по обычаю похоронили в усыпальнице для великих княгинь и цариц – в соборе Вознесенского монастыря в Кремле. За упокой ее души царь сделал вклады в те монастыри, которые они вместе посещали. Самый ценный дар получил Троице-Сергиев монастырь – золотое блюдо, которое было когда-то подарено им самим Марии в честь свадьбы.

Смерть жены царь решил использовать для нанесения последнего удара по двоюродному брату Владимиру Старицкому. Он был обвинен в умышленном отравлении царицы с помощью своего повара, который якобы прислал начиненную ядом рыбу. В итоге Владимира вместе с женой и младшими детьми отравили, его мать – задушили. Так невольно Мария Темрюковна стала причиной гибели семьи старицкого князя. Казнена была также жена Михаила Темрюковича, входившая в ближнее окружение царицы. Ее обвинили в наведении порчи на Марию. Через год был казнен и сам Михаил Темрюкович за то, что не смог предотвратить набег Девлет-Гирея на Москву.

Но смерть Марии Темрюковны не повлияла на взаимоотношения России с Кабардой. В 1578 г. на службу к царю приехал младший брат Темрюка Камбулат. Его сын крестился под именем Борис и вскоре стал видным полководцем. Он женился на племяннице царицы Анастасии Марии Никитичне и вновь породнился с представителями царствующего дома. В 1601 г. при царе Борисе Годунове Борис Камбулатович с женой были отправлены в ссылку на Белоозеро и там скончались. Но их сын Иван выжил и при царе Михаила Федоровиче Романове стал видным государственным деятелем.

На протяжении XVII в. из Кабарды приезжало много родственников Темрюка. Все они получали фамилию Черкасские и назначались на службу при царском дворе. Своим высоким положением они были обязаны Марии Темрюковне.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне способствовала расширению взаимосвязей Русского государства с народами Кавказа, Ногайской ордой и Крымом. Это позволило царю окончательно закрепить за собой Казань и Астрахань.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук (ААЭ) Серия документов по истории России,

изданная Археографической комиссией. Т. 1. – СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – 551 с.

2. *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV-XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М.: АН СССР,1960. Вып. 1. С. 3-77.

3. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.

4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. СПб: Типография Н. Греча,. 1821. 472 с.

5. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века). – Нальчик: Изд-во АН СССР, 1963. – 371 с.

6. *Новгородские летописи*. В 2 кн. – Рязань: Александрия. 2002. Кн. 1. – 308 с.; Кн. 2. – 292 с.

7. *Пискаревский летописец* // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978, С. 31-220.

8. *Полное собрание* русских летописей. Т. 13. 2-я половина. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 303-532 с.

9. *Полное собрание* русских летописей. Т. 29. М.: Знак, 2009. 392 с.

10. *Соловьев С.М.* Сочинения. Книга III. История России с древнейших времен. Тома V-VI. М.: Мысль, 1989. 784 с.

11. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2002. 403 с.

12. *Штаден, Генрих*. Записки немца-опричника / Генрих Штаден; сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. – М.: РОССПЭН, 2002. – 238 с.

УДК 93/94 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-205-219**

МАРИЯ ТЕМРЮКОВНА – ВТОРАЯ ЖЕНА ИВАНА ГРОЗНОГО

Л.Е. МОРОЗОВА

Центр истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук. 117036, г. Москва ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
E-mail: centfeod-iriran@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено воссозданию исторического портрета Марии Темрюковны – второй жены Ивана Грозного, изучению значения вступления с ней в брак царя, ее роли в истории Русского государства. Работа основана на изучении, главным образом, русских летописей XVI в. В первую очередь это Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича и связанная с ним Лебедевская летопись, данные из которых вошли потом в Никоновскую летопись и летописцы XVII в., а также акты и Посольские книги по связям с народами Кавказа.

Особый интерес у автора вызывает и проблематика «роли» Марии Темрюковны в создании опричнины, поскольку есть исторические исследования, в которых поддерживается точка зрения об инициировании опричнины под влиянием молодой царицы. Учреждение опричнины рассматривается исследователем в качестве сложной государственной реформы, разработанной самим Иваном IV для обеспечения своей безопасности и борьбы с внутренними врагами, мнимыми и реальными. Автор опровергает предположение о том, что инициатором этой реформы была молодая кабардинская княжна, у которой, по заключению исследователя, не было ни соответствующих знаний, ни жизненного опыта, ни возможности повлиять на супруга, который был в два раза старше ее.

В противовес существующему мнению части историков, автор руководствуется мыслью о неслучайности брака царя с кабардинской княжной. Исследователь последовательно обосновывает точку зрения, согласно которой брак теснейшим образом связан с восточной политикой Ивана IV. Женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне способствовала расширению взаимосвязей Русского государства с народами Кавказа, Ногайской ордой и Крымом. Кроме того, после завоевания Казанского и Астраханского ханств царю необходимо было с помощью родственных связей окончательно закрепить их за собой.

Ключевые слова: Русское государство; Иван IV; Мария Темрюковна; династический брак; восточная политика.

MARIA TEMRYUKOVNA - THE SECOND WIFE OF IVAN THE TERRIBLE

L.E. MOROZOVA

The center of the history of the Russian feudalism of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
117036, Moscow, Dmitry Ulyanov st., 19.
E-mail: centfeod-iriran@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to recreation of the historical portrait of the Maria Temryukovna – the second wife of Ivan the Terrible, studying the significance of her marriage to the tsar, her role in the history of the Russian state. The work is based on the study, mainly, of the Russian chronicles of the XVIth century. First of all, it is the Chronicler of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich and the related Lebedev Chronicle, the data of which were later included in the Nikon Chronicle and the chroniclers of the XVIIth century, as well as the Acts and the Posol Books (Registers of the Foreign Relations Office) on relations with the peoples of the Caucasus.

Of particular interest to the author is the problematic «role» of Maria Temryukovna in the creation of ***oprichnina*** *(secret police)*, since there are historical studies in which the point of view about initiating oprichnina under the influence of the young tsarina is supported. The establishment of the oprichnina is viewed by the researcher as a complex state reform developed by Ivan IV himself to ensure his security and to fight against internal enemies, imaginary and real. The author refutes the assumption that the initiator of this reform was the young Kabardian princess, who, according to the researcher's conclusion, had neither the relevant knowledge, life experience, nor the opportunity to influence the spouse who was twice her age.

In contrast to the existing opinion of some historians, the author is guided by the idea of the non-randomness of the marriage of the tsar with the Kabardin princess. The researcher consistently substantiates the point of view, according to which the marriage is closely connected with the Oriental policy of Ivan IV. The marriage of Ivan the Terrible to the Kabardin princess promoted the expansion of the interrelations of the Russian state with the peoples of the Caucasus, the Nogai horde and the Crimea. In addition, after the conquest of the Kazan and Astrakhan khanates, the tsar needed to finally consolidate them with the help of kinship ties.

Key words: Russian state; Ivan IV; Maria Temryukovna; dynastic marriage; Oriental (eastern) policy.

ЕКАТЕРИНА ЧЕРКЕШЕНКА – ЖЕНА ГОСПОДАРЯ ВАСИЛИЯ ЛУПУ. СУДЬБА ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ МОЛДОВЫ

Л.П. ЗАБОЛОТНАЯ

Молдавское княжество в середине XVII века находилось в поле пересечения межгосударственных и геополитических интересов Речи Посполитой, Русского государства и Османской империи. Помимо этого у княжества были напряженные отношения с соседями – Валахией, с одной стороны, и казаками и татарами – с другой. Политика молдавского господаря Василия Лупу, правившего практически два десятилетия с 1633 по 1654 гг., которые вошли в историю как период глубокий преобразований, особенно в культуре, носила глубоко продуманный стратегический характер. Поэтому, заключая брак с девушкой из практически неизвестной семьи, но родственницей крымского хана, Василий Лупу, наверняка, имел определенные интересы, включая и ярко выраженную политическую мотивацию. Но, как демонстрируют источники эпохи, именно этот брачный союз продемонстрировал историю необыкновенной семьи, наполненной любовью и пониманием.

Рис. 1. Екатерина. Церковь Госпожи (часовня) в резиденции Господарского Дворца. Яссы, Румыния[1].

В данной статье осуществляется попытка осветить историю жизни одной черкешенки, которая, став супругой молдавского господаря, сыграла значительную роль не только в его личной жизни, в судьбе его дочерей, но и проявила себя как щедрый меценат и покровитель церквей и монастырей Молдовы, а в кризисные периоды своего супруга и сына проявила себя как дальновидный политик.

Характеризуя историографическую ситуацию с изучением «женской истории», важно отметить, что указанная проблема затрагивалась многими исследователями, в том числе и румынскими авторами. Одним из первых ученых, который посвятил свои работы истории женщин румынских княжеств, был Николае Йорга [23, 24, 25, 26, 30]. В

[1] *Автор выражает глубокую благодарность доктору истории Сорин Ифтими (Яссы, Румыния) за предоставленные иллюстрации.*

его трудах содержатся фрагментарные упоминания о том, что «вторая супруга Василия Лупу, черкешенка по происхождению, была близкой родственницей татарского хана, имела христианское имя Екатерина и была необыкновенно красивой» [24, p. 46; 30, p. 33, 34].

В 1928 году была издана монография румынского историка Олтя Нистор «Черкешенка на троне Молдовы» [34], посвященная непосредственно Екатерине. В 1933 году появляется первый том работы Константина Гане [11, p. 206-218], посвященной женам и дочерям господарей Молдовы от первых правителей до начала XVIII в., в которой в научно-популярной форме описывается брак Василия Лупу с Екатериной. В 1938 г. румынские исследователи К.И. Андрееску и К.А. Стоиде в монографическом труде «Штефэницэ Лупу, господарь Молдовы» (1659-1661) [1], посвященной сыну Екатерины и Василия Лупу, частично осветили вопрос о частной жизни Екатерины. Среди современных румынских исследователей заслуживают внимания работы Сорина Ифтими [15; 16, p. 423-440; 17; 18; 19, p. 329-345; 20, p. 291-305; 21] и Ч.Г. Тодерашку [39, p. 6-11]. Молдавские историки также косвенно затронули проблему брака Василия Лупу с черкешенкой [2, p. 175-179; 10; 32, p. 82-96; 36; 41, p. 16-44; 43].

Однако до настоящего времени в обширной исторической литературе брак между Василием Лупу и Екатериной описан довольно поверхностно и на многие из вопросов нет ответов. Во-первых, какие политические интересы преследовал Василий Лупу при заключении этого союза? Во-вторых, чем была мотивирована поспешность заключения брака? Брачное посольство было отправлено за невестой вскоре после смерти первой супруги. В-третьих, события говорят о том, что кандидатура невесты уже готовилась при жизни первой супруги. В-четвертых, зачем Василию Лупу необходимо было подтверждение султана? Такое решение требовалось при заключении брачных союзов с ведущими королевскими или царским семьями Европы. А часть черкесов воспринималась в качестве подданных турецкого султана.

Сватовство

Для того чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо попытаться воспроизвести события в хронологической последовательности. Последнее упоминание о первой семье Василия Лупу мы находим в надписи на славянском языке над центральным входом в церкви Трех Святителей от 6/16 мая 1639 по случаю окончания ее строительства. Возле господаря Василия Лупу упоминаются все члены семьи – его первая супруга Тудоска (дочь боярина Косте Бучок) [10, p. 153; 37, p. 347-348][1] и трое детей: сын Иоан и две дочери Мария и Руксандра [1, p. 27; 46, p. 310]. Далее информацию о семье находим у летописца Мирон Костин, который писал: «сын Иоан был болезненным…Василий Лупу послал его в Цариград на лечение, но ничего ему не помогло и он умер совсем молодым… Вскоре за ним умерла и первая его

[1] Ворник (придворный чин) Косте Бучок был одним из влиятельнейших бояр своего времени.

жена Тудоска… После смерти жены, господарь послал Катаржи[1] в страну Черкессию и оттуда привезли ему в жены дочь одного мирзы, с которой он прожил до конца дней своих» [9, p. 189].

Сведения о том, что Василий Лупу практически не носил траур по первой жене, а сразу же после ее кончины послал посольство, во главе с особой приближенной ко двору – Енаки Катаржи, подтверждается и другим источником времени.

В частности, католический миссионер, итальянский монах Никколо Барси, был очевидцем событий когда и как Екатерину везли из Крыма в Молдову. Его нахождение в Бахчисарае позволило ему подробно, ярко и довольно эмоционально описать в главе своего труда «Возвращение. 1639» многие детали путешествия Екатерины в Молдову. Никколо Барси писал: «мне несказанно повезло встретить (в Крыму – Л.З.) посланника молдавского господаря (Енаки Катаржи – Л.З.), который вез из Черкессии молодую и красивую невесту своему господарю. У посла было позволение от хана и он объездил всю Черкессию пока нашел девушку (Екатерину – Л.З.) необыкновенной красоты. После того как посол заплатил 1000 дукатов отцу, 500 дукатов матери и 1000 хану (в это время в Крыму правил татарский хан Бехадир Гирай (1638-1642) – Л.З.), он прибыл с ней в Бахчисарай, где находился и я. 19 августа 1639, с разрешения хана, вся свита со 150 татарами и 60 молдаванами отправилась по направлению к крепости Очаков, …там мы остановились на привал, чтобы поесть и отдохнуть… В 2 часа ночи к молдавскому послу пришел кихая (придворный служащий – Л.З.) от паши Силистры (Насух Хусейн (1638-1640) – Л.З.) и попросил для своего хозяина черкесскую принцессу. Молдавский посол ответил, что не может ее дать, так как она ему была доверена лично ханом, и он не позволит унижений… Кихай, будучи человеком мудрым, попросил, чтобы 3-4 самых видных представителей молдавского посольства и татар сами пошли с ним к паше… Прислушавшись к совету, несколько человек из свиты (молдаване и татары – Л.З.), пошли к паше… и сказали, что девушка им доверена лично ханом и предназначена в жены молдавскому господарю. Паша был возмущен тем, что молдавскому господарю гяуру (христианину – Л.З.) могла быть отдана девушка мусульманка. Молдавский посол ответил, что девушка христианка. Тогда паша заявил, что он лично пошлет послов к хану, чтобы удостовериться в сказанном, а пока посольство задерживается. Вернувшись на утро, посольство пересадило девушку-черкешенку из кареты в двухколесную возницу, и таким образом спрятало ее от турок, чтобы не могли найти ее. Но турки ее все-таки нашли, вместе с ее рабыней, не менее красивой, чем госпожа и с ее младшим братом, который тоже был необыкновенно хорошеньким, как будто был ребенком богов… Девушка-черкешенка плакала и причитала вместе с братом, который сочувствовал сестре и понимал какие несчастья ждут ее… Паша влюбился без памяти в черкешенку… и добивался ее признания в мусульманской вере, а она

[1] Енаки Катаржи – великий постельничий (один из советников господаря, ведающий приемами) Василия Лупу. Возглавлял брачные посольства при сватовстве Василия Лупу и его дочерей.

отрицала и ела на его глазах свинину… Между тем молдавские послы добрались до своего господаря и рассказали о случившемся… Молдавский господарь немедленно обратился за помощью к хану и султану… Спустя определенное время… вернулся посол от хана с требованием немедленно отпустить черкешенку, так как помимо того, что она христианка, она послана лично им (ханом – Л.З.) … В то же время… посол от молдавского господаря… привез паше 3000 дукатов (sic!) … Паша все же не хотел отпускать черкешеку … пока не прибыл гонец от султана … который подчеркнул, что девушка его подданная и она обещана молдавскому господарю … а паша если не подчинится указу, то будет наказан смертной казнью… Паша, поняв, что не может заполучить черкешенку в жены, попросил еще 200 дукатов… и 6 сентября посольство с черкешенкой отправились в путь… к Днестру» [4, p. 86-89].

Расстался Никколо Барси со свитой, которая сопровождала Екатерину, в районе современного города Бендеры (Тигина) и направился в другую сторону, в направлении к городу Могилеву, поэтому здесь прерывается его описание.

На наш взгляд, утвердившееся в исторической литературе мнение, что этот брак был случайным, не имеет никакого обоснования. Банальное утверждение о том, что первая жена Василия Лупу была некрасивой, поэтому вторую он решил выбрать красавицу, не выдерживает никакой критики [11, p. 207]. Обращает на себя внимание стремительность разворачивания событий, налаженность и обстоятельность процесса выбора невесты и заключения брака. Как уже упоминалось выше, первая жена еще в мае 1639 года была жива. Когда точно умирает Тудоска в конце весны или вначале лета – не известно. Не известно, выдержал ли 40 дневный черный траур Василий Лупу по супруге. Но достоверно известно, что летом молдавское посольство выезжает за новой женой для Василия Лупу, так как 19 августа 1939 г. посольство уже выполнило все обязательства по сватовству (на уровне господарского двора Молдовы), и возвращалось обратно. 28 сентября многочисленная молдово-татарская свита с невестой, после всех перипетий в дороге, прибыла в столицу Молдовы, Яссы. Стремительность и высокая организованность посольства говорит о том, что оно было запланировано предварительно.

Анализ текстов источников показывает, что о невесте, о ее происхождении, о ее семье, практически ничего не известно. Сведения летописцев и миссионеров говорят только о том, что девушка была благородного происхождения. За ее судьбой следил лично хан крымский. Не известно ни ее первого имени, ни имен ее родителей, ни даже имени ее младшего брата, который ее сопровождал. Имя Екатерина упоминается как христианское имя и, вполне возможно, что она вынужденно перешла в христианство для того, что бы стало возможным заключение этого брачного альянса. В тоже время, ее сопровождает огромная свита – 150 человек татар и 60 человек молдаван, которых надо было содержать в длительном пути.

Немаловажным является и факт выкупа невесты. В мусульманской среде, при заключении брачного контракта (копия которого вручалась каждой из сторон), в обязательном порядке привлекался денежный вклад семьи жениха

для покрытия стоимости свадебной церемонии [45, с. 118-119]. Другими словами, молдавское посольство было снаряжено соответственно всем требованиям в мусульманских семьях. Жених обязан был заплатить родителям невесты выкуп. И все эти условия были выполнены. Помимо того что заплатили семье, подчеркивается, что молдавский господарь заплатил также и крымскому хану, получив его позволение на брак. Впоследствии, для разрешения конфликтной ситуации, когда невеста была задержана пашой Силистры Насух Хусейном, молдавское посольство вновь справилось с задачей, заплатив выкуп. Не менее значительными являются суммы выкупа невест. К примеру, отец невесты и татарский хан Бехадир Гирай получили по 1000 дукатов каждый соответственно, мать невесты в два раза меньше – только 500 дукатов, а паша 3000 дукатов, в два раза больше, чем родители невесты. На наш взгляд, несомненным является одно: без предварительных обсуждений суммы выкупа он не мог быть определен. Девушку не приехали сватать, а сразу брали в жены. Не оговаривались условия помолвки, девушку выкупают в качестве будущей супруги молдавского господаря. Помимо всего, ее сопровождает довольно многочисленная делегация, которая, по-видимому, должна была присутствовать при официальном заключении брака и, впоследствии, донести новость родителям, родственникам и высоким покровителям (крымскому хану) черкешенки. Значит, посольство было оснащено различными дарами и суммой денег, необходимыми для этой миссии, а также хорошо информировано, как себя вести согласно мусульманским традициям и обычаям.

В Очакове, сопровождающая Екатерину свита, сталкивается с проблемой дальнейшего путешествия. Паша Силистры, очарованный красотой Екатерины, решает оставить ее для себя. Как писал Никколо Барси о Екатерине «ей были присущи все качества, которыми Афродита одаряла женщин, чтобы быть красавицей» [4, p. 86-89]. Молдавские послы были вынуждены обратиться за помощью к султану Мехмеду IV (1648-1687), который обязал пашу пропустить Екатерину.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что брак между молдавским господарем Василием Лупу и черкешенкой был далеко не случайным. Как свидетельствуют документы эпохи, были предусмотрены все детали сватовства девушки черкешенки. Практически сразу после смерти первой супруги, не соблюдая элементарных национальных траурных традиций, Василий Лупу спешно высылает брачное посольство. Вероятно, в данной ситуации государственные и политические интересы были превыше его эмоциональных переживаний. Василий Лупу был амбициозным и дальновидным политиком, блестящим стратегом. В его планы входило расширение правления за пределами Молдовы. Своего единственного сына Иоана он готовил как будущего правителя Валахии. Но после смерти сына, его планы рухнули, он остался без наследника. Василий Лупу прекрасно понимал, что ему необходимо срочно разрешить династический кризис. Нужна была жена молодая, крепкая и здоровая, способная родить ему наследников. Выбор пал на Екатерину-черкешенку. Как и при каких обстоятельствах был сделан этот выбор, остается загадкой. Ученые-историки не располагают источниками,

которые могли бы дать достоверный ответ на этот вопрос. В тоже время, не отрицается общепринятая точка зрения в исторической литературе, согласно которой «брак имел политический контекст», предполагая молдово-татарскую взаимную поддержку «в политической, военной и экономических сферах» [39, p. 7].

С другой стороны, сохранилось достаточно много свидетельств о Екатерине, письменных и изобразительных источников, которые донесли до нас информацию о ней, благодаря которым возможно получить представление о ее внешности, образе жизни как жены, матери и мачехи.

Семейная жизнь

О приезде и свадьбе прекрасной черкешенки Екатерине «de rare belleze» («редкой красоты» – Л.З.) [28, p. XXVII] сведения скудные. Известно только, что она вместе с братом и своей рабыней была поселена в отдельном доме, купленном специально для нее [6, p. 100]. Вероятнее всего, встречена она была с огромной помпезностью и пышностью, так как, во-первых, событие было государственной важности, привезена невеста самому господарю Молдовы. Во-вторых, согласно молдавским традициям гостеприимства, иностранных гостей принимали с особой помпезностью и соответственно протоколу тех времен. Делегация встречалась специальным эскортом еще при пересечении границы Молдовы, который состоял из бояр и высших государственных и военных должностных лиц. При въезде в столицу приезжих встречал сам господарь Молдовы. В-третьих, Василий Лупу вошел в историю Молдовы как один из самых изысканных и элитных господарей в отношении одежды, убранства, любящий драгоценности, роскошь и изобилие во всем. При встрече своей будущей супруги, можно с уверенностью сказать, господарь не экономил средства. Екатерина была одарена предсвадебными подарками и удостоена особенного приема.

О свадебных торжествах не сохранились сведении, за исключением фрагментарного упоминания, что свадьба состоялась в начале 1640 года. Здесь возникает вопрос, к чему была такая поспешность в сватовстве и перенос свадьбы на зимний период? Невесту привезли в конце сентября, практически в период свадеб в Молдове (август-октябрь). Можно предположить, что скоропалительному браку воспротивились священники, попросив Василия Лупу выдержать хотя бы полугодовой траур по первой супруге, так как в случае смерти жены, мужчина должен был соблюдать траур один год. Погребальные обряды в Молдове были описаны Дмитрием Кантемиром в знаменитом труде «Описание Молдовы», в главе «Об обычаях погребения в Молдове»: «Молдаване хоронят покойников по установленным церковным правилам… Траур носится по-разному… Они (молдаване – Л.З.) вообще, первый год ходят на могилу каждое воскресенье и оплакивают покойных» [5, p. 170-171]. По-видимому, именно по причине соблюдения траура, Василий Лупу не сыграл свадьбу сразу после приезда Екатерины. Однако данное мнение носит предположительный характер, поскольку истинные причины

отложенного бракосочетания неизвестны, в источниках нет комментариев к действиям господаря.

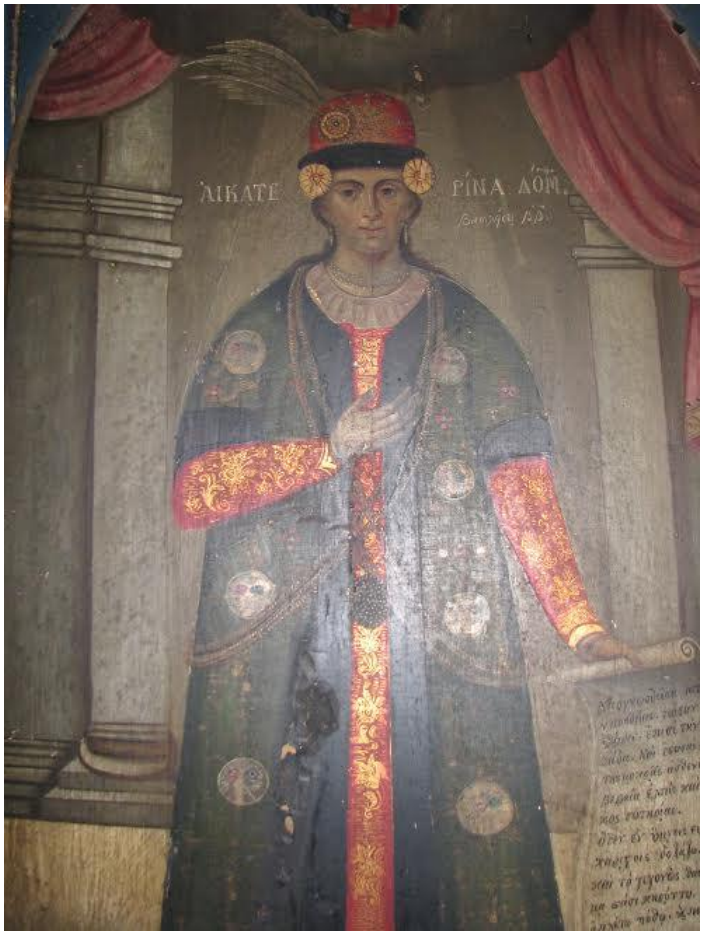

Рис. 2. Екатерина. Монастырь Хлинчя. Яссы, Румыния.

Особый интерес в контексте событий периода правления Василия Лупу, представляют многочисленные упоминания о Екатерине. Практически всегда она упоминается рядом со своим супругом – на посольских и государственных приемах, на церковных службах и т.д. В записках иностранцев привлекает внимание информация о приверженности Екатерины к христианским традициям, покровительстве и пожертвованиях церквям и монастырям.

Описывая службу в монастыре Галата, Паул Алеппский (1637-1667) подробно изображает (1653 г.), как вел себя Василий Лупу, отмечая, что патриарх молился за господаря, его супругу и сына. Причем, Екатерину Паул Алеппский называет не просто «жена» господаря Молдовы, а величественно – «его королева» [35, p. 63].

Впоследствии, Паул Алеппский писал о том, как патриарх Макарие в Константинополе, в церкви патриархии упоминал за здравие следующих правителей и их жен: «императора московского Алексея (Алексей Михайлович Романов (1645-1669) – Л.З.) и императрицу Марию (Мария Ильинична Милославская (1648-1669) первая жена царя Алексея Михайловича – Л.З.), Василия (Лупу – Л.З.), господаря Молдовы и его жену Екатерину» [35, p. 289]. Обращает внимание, что молдавский правитель с супругой занимает в длинном списке, почетное место среди первых.

Среди многочисленных упоминаний периода правления Василия Лупу есть свидетельства позволяющие воссоздать некоторые аспекты семейной жизни Екатерины, позволяющие описать ее внешний вид и внешность ее супруга, понять ее образ жизни, отношение к детям, особенно к дочерям от первого брака – Марии и Руксандры.

Повествуя о деяниях молдавского господаря, Паул Алеппский (1656) описывает его подробный портрет: «Василий Лупу, господарь Молдовы, был высоким и статным мужчиной, с суровым, надменным и величественным

взглядом; его мнение было признано и известно везде, т.к. был богатым и властным» [35, p. 295].

Беспрецедентное описание образа Екатерины оставил известный католический миссионер Марко Бандини (1593-1650), который с 1644 по 1650 был католическим епископом в Молдове и является автором известного труда Codex Bandini. Описывая праздник крещения в 1647, он писал: «на великом празднике крещения торжественно освящалась вода в присутствии всех бояр. На это зрелище и на церемониал совершенно необыкновенный пришел сам господарь со своей женой, сыновьями и со всеми своими придворными боярами. Господарь сидел на троне, повернутым в сторону восхода солнца, двое его сыновей, один 7 лет и другой 5 сидели с левой стороны от него, на другом троне, в 10 шагах. Жена сидела на третьем троне, в 20 шагах от господаря и 10 шагах от сыновей, что бы могла видеть своих сыновей в серединке. Место, отведенное для таких специальных церемоний, находилось за воротами дворца, было просторным и широким, по форме овальным, длиной до 80 шагов и ограничивающийся северной стороной и восточной, где находилось множество церковных служителей, монахов и певчих, справа от господаря… к западу, между господарем и его супругой, в виде полумесяца (lunata centum Ianicerorum facies erat) стояло 100 янычар.

Вокруг госпожи (Екатерины – Л.З.) стояли жены великих бояр, одетые в шелка сверкая ожерельями и браслетами. После них были построены в ряды 30 копьеносцев, которых с одной стороны окружали 200 стрелков пехотинцев. Позади всех, прославляя, возвеличивая трон как господаря, так и госпожи, стояли остальные воины, около 10 000 кавалеристов, которые спустились в тот момент с коней. На конях были только 150 драгунов…всего народу было около 20 000 человек. Господарь, окидывал взглядом всю процессию, все, кто встречал его глаза преклонял голову. Его (Василия Лупу – Л.З.) убранство было богатым, только пуговицы достигали стоимости 100 000 золотых. Госпожа (Екатерина – Л.З.) была украшена браслетами, кольцами и ожерельями, которые сверкали крупными жемчугами и рубинами, которые стоили не менее 400 000 золотых. Господарь был не очень высокий, но крепкого телосложения, у него было смуглое лицо, отражающее румянец и сияние, черные брови, высокий лоб, орлиный нос, полуоткрытые губы, черную бороду и усы, суровое выражение и еще более суровый взгляд, представляя императорскую величественность. Лицо госпожи (Екатерины – Л.З.) было румяным и сияющим, была так же подобна императрице, воодушевленная состраданием и добротой, хорошего телосложения, была достойна своего супруга и великодушна, чем пользовались окружающие» [3, p. 337-338].

Анализируя вышеописанное, можно заключить, что Василий Лупу относился к своей супруге очень уважительно. Подчеркивается, что она сидит на одном уровне с господарем и с детьми, в окружении великих бояр и боярынь, а так же почетного караула. Это описание позволяет судить о высоком положении и статусе Екатерины, как жены господаря и великой господарыне. В данном пространном и красочном описании торжества крещения, обнаруживаются удивительные детали, подчеркивающие физическую и

духовную красоту, обаяние и величественность Екатерины. Обращает на себя внимание богатое и дорогое убранство Екатерины: на ней были ожерелья из жемчугов и рубинов. Помимо всего, автор подчеркивает благородство и благодетельность Екатерины. Общественное мнение о женщине в те времена формировалось по определенным критериям, в основе которых были базовые понятия – жена, мать, вера, благотворительность и т.д. Исходя из слов автора, не было человека, который бы обратился к ней за помощью и получил отказ. Ее доброта и сострадание распространялись на всех просителей.

Аналогичное мнение обозначает и Паул Алеппский, описывая встречу патриарха Антиохия с Василием Лупу. Привлекает внимание последовательность преподнесения даров. В первую очередь подарки были даны Василию Лупу, затем его сыну Штефану, а «третьей была госпожа, жена Василия Лупу. Я поклонился, затем поцеловал ее правую руку, в то время когда она сидела в кресле, на ее голове был красный колпак подбитый соболями; ее кихайя (придворный служащий – Л.З.) вначале вошел к ней, получил ее позволения и только потом мы вошли к ней. Она так же нас поблагодарила и встала, когда мы вошли. Мы принесли для госпожи следующие подарки: вуаль, шитую золотом, рóсный ладан, жасминовый крем и другие подобные вещи» [35, p. 38].

Как видно из описания, автор подчеркивает особый статус Екатерины. Во-первых, она находилась рядом с супругом и сыном. Она не стояла, а сидела величественно в кресле. Во-вторых, автором строк подчеркивается особое уважительное отношение к ней – к Екатерине с подарками подошли сразу же после главы государства и его наследника. В-третьих, Екатерина имела своего придворного служителя, который строго следил за соблюдением правил придворного этикета (как при королевских дворах Европы). Без его позволения делегация с дарами не могла к ней приблизиться. Не менее важно и поведение самой Екатерины: после протокольных формальностей она встала встретить высоких гостей. Это говорит о высоком культурном уровне и изысканности манер Екатерины. Определенный интерес вызывает одежда Екатерины. У нее на голове был колпак. В середине XVII века все молдавские господари и бояре носили колпаки[1] из сукна с мехом, а боярыни колпаки из красного бархата с соболями [35, p. 33]. Дары патриарха (вуаль и предметы женского туалета) были тщательно подобраны для благородной женщины.

Сыновья Екатерины и приемные дочери

Не менее интересная информация сохранилась о Екатерине, как матери. Согласно различным сведениям Екатерина родила Василию Лупу трех сыновей, двое из которых умерли в раннем детстве: Штефэницэ, будущий господарь Молдовы (1659-1661), Иоан (ум.) и Александр (ум.).

Некоторые историки ошибочно и совершенно безосновательно считают, что Екатерина родила одного сына – Штефэнела [2, p. 178]. О том, что было трое сыновей говорят различные источники: внутренние документы, записки

[1] Калпак – *kalabik;* на арабском – *kalbak*, на турецком – *kalpac*.

католических миссионеров и др. В стихотворном посвящении Атанасия Пателлару Василию Лупу (март 1643), называются 2 сына – Штефан и Иоан [27, p. 32]. Двое сыновей упоминаются на свадьбе Марии Лупу и Януша Радзивилла 5 февраля 1645 [22, p. 196-198; 42, p. 115-121]. Марко Бандини в 1647, также пишет о сыновьях Василия Лупу и Екатерины и даже указывает возраст двух мальчиков – семи и пяти лет [3, p. 337-338]. Второй сын Иоан, названный, по-видимому, в память о первом усопшем сыне Василия Лупу, фигурирует в пожалованной грамоте от 4/14 апреля 1645 после старшего брата Штефэницэ, как и полагалось в соответствующей последовательности [40, p. 1]. Последний раз упоминается Иоан в жалованной грамоте от 31 марта /10 апреля 1648, после Штефэницэ. Примечательно, что в этом документе упоминается и младший сын Александр, после двух старших братьев [29, p. 126-127]. Возможно, третий сын – Александр родился на рубеже 1647/1648 году или в 1648 году. Умерли двое младших сыновей в один год – 1648. Причины их смерти неизвестны.

Рис. 3. Екатерина, Василий Лупу и их сын Штефэнел. Церковь Госпожи (часовня) в резиденции Господарского Дворца. Яссы, Румыния.

О старшем сыне Екатерины и Василия Лупу известно, что родился в начале 1641 года, в промежутке между 26 января / 5февраля и 21 апреля /1 мая. Об этом свидетельствуют внутренние документы. В грамоте от 26 января 1641, в которой Василий Лупу подтверждал пожалование монастырю Голия села Милинешьт во владение, о сыне не говорится ничего. Но в аналогичном документе от 21 апреля, Штефэнел впервые упоминается рядом с отцом в составе Дивана (Господарский совет – Л.З.) [1, p. 29]. Его жизнь, а в

последующем и деятельность в качестве господаря Молдовы отражены в различных исследованиях, статьях и монографиях. Он вошел в историю как плохой правитель и отрицательный персонаж. Если его отец Василий Лупу характеризовался летописцем Мироном Костин как «лев» и ярый противник содомии, то о Штефэницэ писали как о развратном содомлянине [1, p. 38; 12, p. 171; 14, p. 68; 28, p. CCCIV]. Умер Штефэницэ 19/29 сентября 1661 г. По одной версии он скончался от тифозной лихорадки, по другой (версия летописца Ион Некулче) – был отравлен [33, p. 279].

Став супругой Василия Лупу Екатерина стала и приемной матерью для двух дочерей от первого брака – Марии и Руксандры. Со своими приемными дочерьми – Марией и Руксандрой у Екатерины были, как свидетельствуют источники, довольно добрые отношения. О том, что Екатерина с теплотой и заботой относилась к дочерям Василия Лупу, говорит то, что в источниках ее часто называли матерью Марии и Руксандры.

Георг Краус в своей «Хронике Трансильвании 1608-1665 гг.», описывая свадьбу старшей дочери Василия Лупу с князем Янушем Радзивиллом в 1645 году, ошибочно писал, что Мария «была рождена от молодой жены черкешенки» [31, p. 122]. Эта информация не может быть достоверной по той простой причине, что Екатерина не могла через 5 лет супружеской жизни иметь взрослую дочь. Эберхард Вернер Хаппел оставил подробное описание этого брака от помолвки до свадьбы [13, p. 643]. В описании он упоминает всех членов семьи и перечисляет дары, преподнесенные им: «…а затем князь (Януш Радзивилл – Л.З.) послал пана Мирского, «генерал – Wachtmeister» Великого Княжества Литовского вместе с паном Межинским … которые повезли молдавскому господарю в подарок […] меч или ятаган золотой, какие-то мушкеты или ружья искусным способом сделанные и разные изумительные часовые изделия. Госпожа Мария получила в дар разные ювелирные изделия и драгоценности, такие как агатовые украшения, шкатулочки, а так же разные вазы и зеркала; была удостоена богатыми подарками и госпожа Екатерина (вторая жена Василия Лупу, черкешенка по происхождению. Мачеха Марии Лупу. Ее мать была Тудоска, дочь боярина Кости Бучок [37, p. 347-348]) и молодой господин … Штефэнел – малолетний сын Василия Лупу … каждый по рангу и по происхождению» [13, p. 643].

Ошибочное мнение, о том, что Екатерина была матерью дочерей Василия Лупу, находим и в описании анонимного немецкого автора, который был очевидцем свадьбы в 1652 году Руксандры с Тимушем Хмельницким: «После свадьбы … пока господарь говорил и прощался с зятем, молодая жена стояла в обнимку со своей матерью и горько плакала» [44, p. 293-305]. Можно предположить, что все сохранившиеся ошибочные сведения о том, что Екатерина была матерью Марии и Руксандры имеют простое объяснение. Отношения между мачехой и приемными дочерьми, по-видимому, были настолько хорошими и добрыми, что не было оснований для распространения слухов о натянутости отношений. Общественное мнение в те времена играло существенную роль в формировании образа. Примечательно, что о ней как о хорошей матери пишут иностранцы. Репутация хорошей и заботливой матери у

Екатерины, судя по всему, была оправдана. Различные письменные источники, сохранили о ней как о матери и мачехе только позитивные и хвалебные отзывы.

Благотворительность и покровительство церквям и монастырям

Не менее интересные и содержательные свидетельства, сохранившиеся в источниках о Екатерине, повествуют о ней как о приверженице и защитнице христианства. Евлия Челеби (1611-1684) писал, что Екатерина покровительствовала и сделала много пожертвований монастырю Голия.

Рис. 4. Екатерина. Монастырь Голия. Яссы, Румыния.

Церковь и монастырь Голия были построены Василием Лупу и Екатериной (согласно источникам) в 1650-1652 гг. Их архитектура представляет собой симбиоз русской и восточной традиций. Будучи уникальной конструкцией в ансамбле, внешнее оформление церкви носит отражение западной культуры с элементами итальянского барокко. Как отмечает Евлия Челеби, монастырь назывался «монастырь госпожи (Екатерины – Л.З.)… жены короля Василия Лупу… Dona Banu[1]. Госпожа была по происхождению черкешенкой и была дочерью сестры паши Дервиш Мехмеда[2], который приложил много усилий, чтобы вырвать девушку из рук Василия Лупу. Но Лупу пожертвовал огромными драгоценностями ради нее, из упрямства и потом имел с ней много детей. Церковь госпожи (Екатерины – Л.З.) очень красивая и находится рядом с церковью ее супруга» [7, p. 482].

[1] *Dona* – госпожа. *Banu* – с персидского тоже переводится как госпожа. По-видимому, этим выражением подчеркивалось ее высокое положение, жены великого господаря. Евлия Челеби даже называет Васлия Лупу королем.

[2] Паша Дервиш Мехмед – великий визирь в 1648-1649.

У Екатерины было особое личное отношение к монастырю Голия, так как именно здесь ей удалось исцелить и спасти своего тяжело больного сына, поднося ребенка к иконам и молитвами. В знак благодарности Екатерина украсила чудотворную икону монастыря Голия золотой оправой, драгоценными камнями и жемчугами [11, p. 210].

Сохранились сведения и о том, что Екатерина приобретала различные ценности для церквей и монастырей. К примеру, в 1653 году Екатерина выкупает у казаков церковную иллюстрированную рукопись в золоте и серебре митрополита Анастасия Кримки, которая была посвящена монастырю Драгомирна. Монастырь был разграблен и разрушен казаками. Екатерина способствовала восстановлению Драгомирны. Помимо этого, благодаря усилиям и большим материальным вложениям Екатерины рукопись была возвращена монастырю. Также известно, что она покупала иконы и различную церковную утварь для церквей в знак признательности и в качестве пожертвований во здравие детей и своих близких, оплатила реставрацию настенных надписей в монастыре Хлинча [38, p. 446].

Жизнь в изгнании

В 1653 году, после 19 лет правления, Василий Лупу был свергнут с престола своим логофетом Георгием Штефаном. Летописец Мирон Костин, описывая это значимое политическое событие, обращает внимание на то, что Василий Лупу «остался без престола, разлучен от жены своей, детей и своего богатства» [9, p. 224].

Екатерина, вместе с сыном, родственниками и близкими вынуждена была спасаться бегством в Каменец. Однако ей не удалось скрыться от преследования. Георгий Штефан отобрал все драгоценности и все имущество у семьи, захватил семью Василия Лупу и решил надругаться над ними. Штефанелу, сыну Василия Лупу «сделал небольшую метку на носу» [33, p. 275]. Увечье означало, что человек «с меченным носом» не может претендовать на господарский статус. Георгий Штефан попытался обезопасить свое правление от претендентов на престол, в первую очередь, со стороны законнорожденного и единственного наследника престола предыдущего господаря. Как отмечает Ион Некулче, Штефан Георгий и по отношению к Екатерине также позволил себе неслыханное и невиданное хамство: «хотел надругаться над ней. Но госпожа (Екатерина – Л.З.) стала его укорять, стыдить и проклинать, обвиняя его, что нет у него Бога в душе, что ее муж был его господином … и тогда он (Штефан Геогий – Л.З.) оставил ее в покое и отправил в Бучюлешьть, отобрав все, что было у нее и нагнав на нее огромный страх» [33, p. 275]. В данном отрывке летописец подчеркивает мужественность и отважность Екатерины, которая смогла отстоять свою честь и достоинство своей семьи, подчеркивая свое высокое положение и особое уважительное отношение к мужу, о котором она говорит с гордостью.

Решительный характер и необыкновенную силу воли Екатерина продемонстрировала и во время своего пребывания в осажденной крепости Сучава, находясь там с Тимушем Хмельницким, который пришел на помощь

Василию Лупу. Когда в крепости закончилась провизия и необходимо было содержать воинов, Екатерина предложила свои драгоценности. Помимо этого, попав в конфликтную ситуацию с Тимушем Хмельницким, она в очередной раз подтвердила свое величественное положение. Об этой весьма нелицеприятной ситуации пишет Георгий Краус: «захотел как-то Тимуш утешить свои плотские прихоти … позвал он свою тещу, под предлогом обсуждения важных дел. Когда теща, женщина редкой красоты, пришла к нему, он стал приставать к ней с непристойными предложениями и попытался применить насилие. Увидев его похотливую страсть, она, будучи женщиной высокого происхождения, … упала на колени и стала просить пощадить ее честь. Она напомнила ему, чтобы он подумал о том, что она жена его свекра, который сейчас в большой беде, изгнанный и преследуемый и чтобы он не смел делать беззакония над ней» [31, p. 175-176]. Тимуш, как отмечал Георг Краус, отпустил ее. И в данном отрывке, приводимом летописцем, вновь подчеркивается происхождение Екатерины, описывается ее необыкновенная красота и удивительная привязанность, преданность, особенное сочувствие к своему мужу.

После гибели Тимуша Хмельницкого 15/25 сентября 1653 года Екатерина, оказавшись в безвыходном положении и не имея никаких вестей от мужа и поддержки, вынуждена была начать переговоры об условиях прекращения боевых действий [39, p. 9]. На первый взгляд может показаться, что роль и значимость Екатерины преувеличиваются. Однако следует отметить, что Екатерина фактически взяла на себя обязательства руководителя в военных условиях. И именно ей пришлось принять ответственное решение о сдаче крепости, со всеми вытекающими последствиями.

Послесловие

О дальнейшее судьбе Екатерины имеются крайне скудные сведения. Известно, что до 1658 года она вместе с сыном была в селе Бучюлешть Нямецкого уезда, на реке Бистрица. Там Екатерина находилась со многими родственниками мужа и приближенными боярами. После освобождения они отправились в Константинополь, где находился в плену Василий Лупу в Едикуль в крепости Семи Башень. В ноябре 1659 года, когда ее сын Штефэнел получил престол, о судьбе Екатерины практически ничего не известно. Мнения исследователей по данному вопросу разделились. Одни считают, что она вернулась в Молдову и была рядом с сыном, вплоть до его гибели в 1661 году. Другие предполагают, что она осталась рядом с мужем в Константинополе [11, p. 217]. После смерти мужа и сына Екатерина какое-то время жила в Константинополе, а затем вернулась в Яссы. Последнее упоминание о ней обнаруживается в документе от 1 марта 1666 года [6, p. 100; 39, p. 9]. Источники не дают точных сведений о том, когда, где и при каких обстоятельствах она умерла.

В заключении хочется подчеркнуть, что судьба Екатерины, вошедшей в историю Молдовы как черкешенка, недостаточно исследована. На фоне могущественного мужа, выдающегося господаря Молдовы Василия Лупу, образы не только его двух жен, но и многих персоналий того времени

выглядели бледно и безлико. Вместе с тем, представленный в данной статье разнообразный документальный материал эпохи – летописи, записки иностранных путешественников, миссионеров и дипломатов, внутренние документы, наглядно демонстрируют, что Екатерина не была малопримечательной и одиозной личностью эпохи и места. Напротив, она была удивительной красоты, проявила себя как достойная жена своего знаменитого супруга. Письменные свидетельства характеризуют ее как красивую, изысканную женщину, глубоко преданную, мудрую и покорную жену, заботливую и любящую мать своих и приемных детей, благородную покровительницу монастырей и церквей, добрую госпожу народа и, не в последнюю очередь, разумного в критических ситуациях руководителя. Екатерина черкешенка заслуживает занять почетное положение в череде выдающихся женщин в истории Молдовы. Образ этой необыкновенной женщины, находившейся рядом с мужем и сыном, история сохранила во фресках церквей и монастырей Голия и Хлинча, которым она покровительствовала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Andreescu C.I., Stoide C.A.* Ştefăniţă Lupu, domn al Moldovei (1659-1661). Bucureşti: Editura Fundației Regale Carol I, 1938. 199 p.

2. *Baidaus E. Dragnev D., Bodeanu G.* Vasilie Lupu // Domnii Țării Moldovei: Studii. Chișinău: Editrua Civitas, 2005. 320 p.

3. *Bandini, Marco.* Sărbătoarea bobotezei, cum a fost serbată în anul 1647 (Марко Бандини, Празднование крещения в 1647 году) // Călători străini despre Ţările Române (Иностранные путешественники о румынских княжествах). Vol. V. Volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 1973. P. 293-345.

4. *Barsi, Niccolo*. Întoarcerea. 1639 // Călători străini despre Ţările Române, Volumul V, volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 1973. P. 69-90.

5. *Cantemir, Dmitrie.* Descrierea Moldovei. Chişinău: Editura Hyperion, 1992 (Кантемир, Дмитрий. Описание Молдовы. Кишинев, 1992). 158 p.

6. *Caproșu, Ioan.* Documente privitoare la istoria orașului Iași: acte interne. 1661-1690. Vol. II. Iași: Editura «Dosoftei», 2000. 775 p.

7. *Celebi, Evlia.* Descrierea orașului călăgărului Iasica (Евлия Челеби, Описание города монаха Ясика) // Călători străini despre Ţările Române (Иностранные путешественники о румынских княжествах). Vol. VI. Volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 1976. P. 311-780.

8. *Civilizaţia* medievală şi modernă în Moldova. (In honorem Demir Dragnev.) Studii / Coordonator L. Zabolotnaia. Chişinău: Editura Civitas, 2006. 464 p.

9. *Costin, Miron*. Letopiseţul Ţării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675) // Letopiseţul Ţării Moldovei. Chişinău: Editura Hyperion, 1990. P. 135-251.

10. *Eremia I.* Relaţiile externe ale lui Vasile Lup u (1634-1653). Chişinău: Editura Cartdidact, 1999. 295 p.

11. *Gane C.* Trecute vieţi de doamne şi domniţe. Vol. 1. Chişinău: Editura Universitas, 1991. 207 p.

12. *Ghibănescu Gh.* Ispisoace si zapise. Vol. III. Part. I. (nr. 119-запись от 5 апреля 1661). Iași: Tipografia Dacia, 1910. 266 p.

13. *Happel E.W.* Căsătoria principelui Radziwiłł cu o domniţă din Moldova (Свадьба князя Януша Радзивилла с княжной молдавской) // Călători Străini despre Ţările Române (Иностранные путешественники о румынских княжествах). Vol. V. Volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru şi Paul Cernovodeanu. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 1973. P. 633-648.

14. *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria romanilor . Vol. 2 (nr. 105). București: Editura Academiei Române, Stabilimentul Grafic Socecu&Teclu, 1894. 823 p.

15. *Iftimi S.Gh.* Apanaje şi surse de venit ale doamnelor din Moldova şi Ţara Românească // Istorie și Societate. Vol. II. București: Editura Mica Valahie, 2006. P. 75-103

16. *Iftimi S.Gh.* Curtea Doamnei. Dregători şi slujitori ai Doamnelor Moldovei // Anuarul Institutului de Istorie «A.D. Xenopol». XXXII. București: Editura Academiei Române, 1995. P. 423-440.

17. *Iftimi S.Gh.* Doamnele şi puterea. Statutul doamnei in Tarile Romane. (Un proiect de cercetare) // De Potestate. Semne şi expresii în Evul Mediu românesc. Iaşi: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2006. P. 299-315.

18. *Iftimi S.Gh.* Ipostaze feminine între medieval şi modern // Revista de Istorie Socială. IV-VII. Institutul Român de studii Strategice, Facultatea de Istorie a Universității «Alexandru Ioan Cuza». 1999-2002. Iaşi: Editura Polirom. P. 37-51.

19. *Iftimi S.Gh.* Sigilii ale doamnelor din Ţara Românească (secolele XVI-XVIII) // Arhiva Genealogică, V. Iaşi: Editura Academiei Române, 1998. № 1-2. P. 329-345.

20. *Iftimi S.Gh.* Sigilii de doamne şi domniţe ale Moldovei // Arhiva Genealogică, II (VII). Iaşi: Editura Academiei Române, 1995. № 1-2. P. 291-305.

21. *Iftimi S.Gh.* Un model cultural oriental: soţiile ale domnilor români (secolele XVI-XVII) // De Potestate. Semne şi expresii în Evul Mediu românesc. Iaşi: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2006. P. 317-328.

22. *Iorga N.* Acte şi fragmente cu privire la istoria României, adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului. Vol. I. Bucureşti: Imprimeria statului, 1895. 834 p.

23. *Iorga N.* Femeile în viaţa neamului nostru. Vălenii de Munte: Neamul Românesc, 1911. 176 p.

24. *Iorga N.* Istoria românilor în chipuri şi icoane. Bucureşti: Editura Humanitas (reteparită), 1992. 277 p.

25. *Iorga N.* Portretele doamnelor române. Bucureşti: Editura Lupta, 1937. 152 p.

26. *Iorga N.* Scrisori de femei. Vălenii de Munte: Datina Română, 1932. 88 p.

27. *Iorga N.* Studii şi documente cu privirea la istoria românilor. Vol. III. Bucureşti: Editura Ministerului de Instrucţie, 1901. 535 p.

28. *Iorga N.* Studii şi documente cu privire la istoria românilor. Vol. IV. Bucureşti: Editura Ministerului de Instrucţie, 1902. 317 p.

29. *Iorga N.* Studii şi documente cu privire la istoria românilor. Vol. VI. Bucureşti: Editura Ministerului de Instrucţie, 1904. 660 p.

30. *Iorga N.* Viaţa femeilor în trecutul românesc. Vălenii de Munte: Editura Neamul Românesc, 1910. 218 p.

31. *Kraus G.* Cronica Transilvaniei 1608-1665. Traducerea şi studiul introductiv G. Duzinchevici, E. Reus-Mîrza: Supliment. Bucureşti: Editura Academiei Române, 1965. 603 p.

32. *Mischevca V., Marinescu F.* Testamentul Roxandrei Hmelniţki (Lupu) din 15 ianuarie 1667 // Civilizaţia medievală şi modernă în Moldova. Studii / Coordonator L. Zabolotnaia. Chişinău: Editura Civitas, 2006. P. 82-96.

33. *Neculce, Ion.* Letopiseţul Ţării Moldovei de la Dabija Vodă până la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat (1661-1743) // Letopiseţul Ţării Moldovei. Chişinău: Editura Hyperion, 1990. P. 267-474 .

34. *Oltea, Nistor.* O circaziană pe tronul Moldovei. Cernăuţi: Glasul Bucovinei, 1928. 58 p.

35. *Paul de Alep.* Călătoria lui Paul de Alep (Паул Алеппский, Путушествие Паула Алеппского) // Călători străini despre Ţările Române (Иностранные путешественники о

румынских княжествах). Vol. VI. Volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu. Bucureşti: Editura Ştiinţifică, 1976. P. 25-735.

36. *Şerban, Constantin.* Vasile Lupu, domn al Moldovei (1634-1653). Bucureşti: Editura Academei Române, 1991. 232 p.

37. *Stoicescu N.* Dicţionar al marilor dregători din Ţara Românească şi Moldova. Sec. XIV-XVII. Bucureşti: Editura Academei Române, 1971. 456 p.

38. *Székely M.M.* Femei-ctitori în Moldova medievală // Anuarul Institutului de Istorie «A.D. Xetnopol». Tom XXXII. Iaşi: Editura Academei Române, 1995. P. 442-457.

39. *Toderaşcu C.-G.* Ecaterina cerchez, soția lui Vasile Lupu // Elanul. 2010. № 104. P. 6-11.

40. *Uricariul* sau colectiune de diferite acte care pot servi la istoria romanilor de Theodor Codrescu. Vol. XXIII. Iaşi: Tipografia «Buciumului Roman», 1895. 416 p.

41. *Zabolotnaia L.P.* Între politică şi destin. Ruxandra, fiica lui Vasile Lupu, văzită prin prisma seculară a istoriei // Revista de Istorie a Moldovei. 2008. № 3. P.16-44.

42. *Zabolotnaia L.P.* Slub ksiecia Janusza Radziwilla z Maria Lupu widzaiany oczamy im wspolczesnych, // Relacje polsko-rumunskie w historii I kulturze. Materialy z simpozjum. Suceava: Uniunea Polonezilor din România, 2010. P. 115-121.

43. *Zahariuc P.* Ţara Moldovei în vremea lui Gheorghe Ştefan voievod (1653-1658). Iaşi: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2003. 620 p.

44. *Заболотная Л.П.* Сведения современников о свадьбе Руксандры и Тимуша Хмельницкого // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Материалы XX Международной конференции в центре Памяткознавства в Киеве 23-24 марта. Том 2. Киев: Институт Национальной Истории Украины, 2011. С. 293-305.

45. *Льюис Р.* Османская Турция. Быт, религия, культура. Москва: Центрполиграф, 2004. 240 с.

46. *Яцимирский А.И.* Славянская и русская летописи румынских библиотек. СПб: Типография императорской Академии наук, 1905. 965 с.

УДК 93/94 (478) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-220-237**

ЕКАТЕРИНА ЧЕРКЕШЕНКА – ЖЕНА ГОСПОДАРЯ ВАСИЛИЯ ЛУПУ. СУДЬБА ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ МОЛДОВЫ

Л.П. ЗАБОЛОТНАЯ

Национальный музей истории Молдовы Академии наук Молдовы. Республика Молдова, МД 2012, Кишинев, ул. 31 августа 1989, 121 А.
E-mail: lilizab61@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории жизни одной черкешенки, которая став супругой молдавского господаря Василия Лупу (1634-1653), сыграла значительную роль не только в его личной жизни, в судьбе его дочерей от первого брака, но и проявила себя как щедрый меценат и покровитель церквей и монастырей Молдовы, а в кризисные периоды своего супруга и сына проявила себя как дальновидный политик. На основе изучения источников эпохи, автор приходит к ряду выводов. В частности, что брак между молдавским господарем Василием Лупу и черкесской княжной был далеко не случайным. Практически сразу после смерти первой супруги, не соблюдая элементарных (национальных) траурных традиций, Василий Лупу спешно высылает брачное посольство за девушкой-черкешенкой. В ходе переговоров были предусмотрены все детали сватовства. Автор предполагает, что в

определенной геополитической конъюнктуре, государственные и политические интересы молдавского господаря были превыше его эмоциональных переживаний и внутрисемейных отношений. Василий Лупу был амбициозным и дальновидным политиком, блестящим стратегом. В его планы входило расширение правления за пределы Молдовы. Своего единственного сына Иоана он готовил как будущего правителя Валахии, но после смерти сына его планы рухнули, он остался без наследника. Молдавский правитель прекрасно понимал, что для реализации своих государственных и политических амбиций ему необходимо как можно скорее разрешить династический кризис. Нужна была молодая, крепкая и здоровая жена, способная родить ему наследников. Выбор пал на Екатерину Черкешенку. Как и при каких обстоятельствах был сделан этот выбор остается загадкой. Ученые не располагают источниками, которые могли бы дать достоверный ответ на этот вопрос. В то же время, автор не отрицает общеизвестную и избитую в исторической литературе точку зрения, что этот брак имел определенный политический контекст и был заключен в целях взаимной молдово-татарской поддержки в политической, военной и экономической сферах.

Ключевые слова: женская история; Екатерина Черкешенка, Василий Лупу, Молдова.

CATHERINE THE CIRCASSIAN – THE WIFE OF THE HOSPODAR VASILE LUPU. THE DESTINY OF ONE WOMAN IN THE HISTORY OF MOLDOVA

L.P. ZABOLOTNAYA

The National museum of history of Moldova of the Moldova Academy of Sciences. Republic of Moldova, MD 2012 Chisinau, 31 August 1989 St., 121 A.
E-mail: lilizab61@gmail.com

Abstract. Article is devoted to the life story of one Circassian woman. Having become the spouse of Moldavian Hospodar Vasile Lupu (1634-1653), she has played a significant role not only in his private life, in destiny of his daughters from first marriage, but also has proved herself to be a generous philanthropist and the patron of churches and monasteries of Moldova. And during the crisis periods of her spouse and son she has proved to be a far-sighted politician. In this study the author came to some specific conclusions. In particular, it is safe to say that the marriage between Vasile Lupu and Catherine was far from accidental. As the sources of that era attest, all the details have been well thought out. Almost immediately after the death of his wife, Vasile Lupu sends the ambassadorial cortege to get his second wife, without usual respect for even the basic (national) mourning traditions. One may also assume that in that situation statehood and political interests were high above his emotions. Vasile Lupu was an ambitious, far-sighted politician and a brilliant strategist. His plan was to expand his rule beyond the Moldova borders. He prepared his only son Ioan as a future ruler of Wallachia. However, his plans failed after the son's death, and he was left without an heir. Vasile Lupu was well aware that he had to urgently resolve the dynastic crisis. He needed a young, strong and healthy wife, able to give birth to his heirs. The choice fell on Catherine the Circassian. How and under which circumstances this choice has been made remains an unsolved mystery. Scientists do not have any sources that could provide a reliable answer to this question. At the same time, the author does not deny the well-known and hackneyed opinion common in the historical literature that this marriage took place in a certain political context, for the mutual Moldovo-Tatarian support of the contracting parties in the political, military and economic spheres.

Key words: women history; Catherine the Circassian; Vasile Lupu; Moldova.

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2017